

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

DOI: 10.26794/2220-6469

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-82263
of 23, November, 2021

Периодичность издания – 4 номера в год

Publication frequency – 4 issues per year

Учредитель: Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Founder: Financial University
under the Government of the Russian Federation

Индексируется в базах данных: CrossRef, DOAJ, Ebsco,
Dimensions, EconLit, EconBiz, RePec, eLibrary.ru, Russian
Index of Science Citation (RINTs), CyberLeninka и др.

Indexed in databases: CrossRef, DOAJ, Ebsco, Dimensions,
EconLit, EconBiz, RePec, eLibrary.ru, Russian Index
of Science Citation (RINTs), etc.

Журнал включен в первую категорию Перечня
рецензируемых научных изданий ВАК (К1) по научным
специальностям: 5.2.1. – Экономическая теория
(экономические науки), 5.2.3. – Региональная
и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4. –
Финансы (экономические науки), 5.2.5. – Мировая
экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент
(экономические науки)

A journal included in the first category of the List of the
VAC's peer-reviewed scientific publications of the Higher
Attestation Commission (K1) on scientific specialties:
5.2.1. – Economic theory (economic sciences),
5.2.3. – Regional and sectoral economics (economic
sciences), 5.2.4. – Finance (economic sciences), 5.2.5. –
World Economy (Economic Sciences), 5.2.6 – Management
(economic sciences)

Все статьи журнала «Мир новой экономики»
публикуются с указанием цифрового идентификатора
объекта (digital object identifier, DOI)

All articles of journal "The World of the New Economy"
are published with a digital object
identifier (DOI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 42131 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 42131 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

WORLD OF NEW ECONOMY

JOURNAL OF SCIENTIFIC HYPOTHESES AND SUCCESSFUL BUSINESS DECISIONS

DOI: 10.26794/2220-6469

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи эндмаркетинг консалтенс», Бонн, Германия;
Хан С., д-р, профессор, руководитель департамента экономики Блумсбургского университета, Блумсберг, США;
Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета, Дортмунд, Германия.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Порфирьев Б.Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, Научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Российская Федерация;
Агеев А.И., д-р экон. наук, проф., генеральный директор Института экономических стратегий (ИНЭС), проф. МГИМО, Москва, Российская Федерация;
Балацкий Е.В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
Головнин М.Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН;
Ершов М.В., д-р экон. наук, проф. Финансового университета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, Москва, Российская Федерация;
Иванов В.В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН, Москва, Российская Федерация;
Миркин Я.М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, Москва, Российская Федерация.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сильвестров С.Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., заслуженный экономист РФ, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
Казанцев С.В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация;
Подвойский Г.Л., заместитель главного редактора, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Российская Федерация;
Юданов А.Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. кафедры экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
Варнавский В.Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Российская Федерация;
Куприянова Л.М., канд. экон. наук, доцент кафедры бизнес-аналитики факультета налогов, аудита и бизнес-анализа Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
Медведева М.Б., канд. экон. наук, проф., заместитель руководителя по учебно-методической работе департамента мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
Рубцов Б.Б., д-р экон. наук, проф. кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
Толкачев С.А., д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Simon G., Doctor, Professor, President of “Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy”, Bonn, Germany;

Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University, Bloomsburg, USA;

Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University, Dortmund, Germany.

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Research Supervisor of the Institute of Economics Forecasting of RAS, Moscow, Russian Federation;

Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES), Professor MGIMO, Moscow, Russian Federation;

Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

Golovnin M.Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Director of the Institute of Economics of RAS, Moscow, Russian Federation;

Yershov M.V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance, Moscow, Russian Federation;

Ivanov V.V., PhD. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Vice-President of the Russian Federation Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

Mirkin Ya.M., Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO, Moscow, Russian Federation.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;

Podvoiskiy G.L., Deputy editor-in-Chief, Ph.D. of Economics, Leading Researcher of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation;

Yudanov A.Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

Kupriyanova L.M., PhD in Economics, Associate Professor of the Chair of Business Analytics, Deputy Head of “Economics of intellectual property” faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor, Deputy Head for Educational and Methodical Work of the Global Finance Chair of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor of the Banking and Financial Markets Chair of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Economic Theory Chair of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ /
THE WORLD OF NEW
ECONOMY
Свидетельство
ПИ № ФС77-82263
от 23 ноября 2021 г.
Издается с 2007 г.
Учредитель: Финансовый
университет

Т. 19, № 2/2025

Учредитель журнала
и главный редактор
с 2007 по 2015 год
д-р экон. наук, профессор
Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

Заведующий редакцией
научных журналов
Д.В. Онегов

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютин

Переводчик
М.А. Ларионова

Референт-менеджер
В.М. Алексеев

Корректор
С.Ф. Михайлова

Верстка
Е.А. Смирнова

Оформление подписки
в редакции
8 (499) 553-10-71
(вн. 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Адрес редакции:
125167, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: +7(499) 553-10-74
(вн. 10-88).
E-mail: julia.an@mail.ru;
wne.fa.ru

Подписано в печать
03.06.2025
Дата выхода в свет
17.06.2025
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 750
Печ. л. 18,5

Отпечатано
в отделе полиграфии
Финансового
университета (Москва,
Ленинградский пр-т, 51)

ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА

Балацкий Е.В.

Модель стратегического противостояния США и России в XXI веке ... 6

Крупочкин А.В., Хоминич И.П.

Криптовалюты и цифровые активы в современной правовой
и финансовой системе России: проблемы терминологии
и классификации 22

ЭКОНОМИКА РЕГИОНОВ

Беилин И.Л.

Развитие инновационного потенциала регионов под влиянием
нефтегазовой отрасли 33

ЭКСПЕРТНЫЙ ДОКЛАД

Блохин А.А., Глухов К.В.

Количественные изменения и трансформация сектора МСП
после шоков 2022 года 50

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Пилипосян А.А.

Модели управления целевым капиталом в российских
и зарубежных университетах 62

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Плахин А.Е., Шеина Е.Г.

Масштабирование субъектов малого и среднего
предпринимательства на макроуровне при реализации мер
государственной поддержки 73

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Воробьева Д.В., Щелокова С.В.

Стратегические изменения на автомобильном рынке России
в период 2018–2023 годов 86

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Хакки А.М.А.

Общие золотые запасы стран БРИКС:
аналитическое исследование 94

Шиганова Ю.М.

Россия как внешнеторговый партнер КНР 103

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Воронов Ю.П.

Собственность, стань в строй! (о Нобелевской премии
по экономическим наукам 2024 года) 114

Остриков Н.В., Перцева С.Ю.

Цифровые инновационные экосистемы и их роль
в финансировании инноваций в России 126

Рябухин С.Н., Кокорев И.А., Сафронова А.А., Покровская О.Д., Фоменко Н.М.

Основные тенденции и перспективы платформенной экономики
в Российской Федерации 134

XXI CENTURY ECONOMY

Balatsky E.V.

**The model of Strategic Confrontation
Between the USA and Russia in the 21st Century 6**

Krupochkin A.V., Khominich I.P.

**Cryptocurrencies and Digital Assets in the Modern Legal and Financial
System of Russia: Problems of Terminology and Classification..... 22**

REGIONAL ECONOMY

Beilin I.L.

**Development of Regional Innovation Potential
under the Influence of the Oil and Gas Industry..... 33**

EXPERT REPORT

Blokhin A.A., Glukhov K.V.

**Quantitative Changes and Transformation
of the SME Sector after the Shocks of 2022 50**

FINANCIAL ANALYTICS

Piliposyan A.A.

**Models for Managing Endowment Funds in Russian
and Foreign Universities 62**

ECONOMIC POLICY

Plakhin A.E., Sheina E.G.

**Scaling Small and Medium-Sized Enterprises at the Macro Level
in the Government Support Measures 73**

REAL SECTOR

Vorobeva D.V., Shchelokova S.V.

Strategic Changes in Russian Automotive Market (2018–2023)..... 86

WORLD ECONOMY

Hakki A.M.A.

Total Gold Reserves in the BRICS Countries: Analytical Study..... 94

Shiganova Yu.M.

Russia as a Foreign Trade Partner of China..... 103

ECONOMIC THEORY

Voronov Yu.P.

**Property, Get in Line!
(On the 2024 Nobel Prize in Economic Sciences) 114**

Ostrikov N.V., Pertseva S. Yu.

**Digital Innovation Ecosystems and Their Role in Financing Innovations
in Russia 126**

Ryabukhin S.N., Kokorev I.A., Safronova A.A., Pokrovskaya O.D., Fomenko N.M.

**The Main Trends and Prospects of the Platform Economy
in the Russian Federation 134**

© WORLD OF NEW
ECONOMY

Journal Certificate
PI No. ΦC77-82263.
of 23, November, 2021.
Issued since 2007.
Founders: Financial
University

Vol. 19, No. 2/2025

Founder and editor
of the magazine
from 2007 to 2015
Doctor of Economics,
Professor N.N. Dumnaya

Editor-in-chief
S.N. Silvestrov

*Science journal editorship
manager*
D.V. Onegov

Publishing editor
Yu.M. Anyutina

Translator
M.A. Larionova

Reference Manager
V.M. Alekseev

Proofreader
S.F. Mihaylova

Makeup
E.A. Smirnova

Editorial office address:
125167, Moscow,
Leningradskiy prospekt,
53, room 5.6
Tel.: +7(499) 553-10-74
(internal 10-88).
E-mail: julia.an@maul.ru;
wne.fa.ru

Signed off to printing
03.06.2025
Publication date
17.06.2025
Format 60 × 84 1/8
Order № 750
Printer's sheet 18,5

Printed in the Department
of Polygraphy of the
Financial University
(Moscow, Leningradskiy
prospekt, 51)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-6-21

УДК 339.9(045)

JEL F51

Модель стратегического противостояния США и России в XXI веке

Е.В. Балацкий

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, Российская академия наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена ситуация военно-стратегического противостояния США и России с наметившейся тенденцией к эскалации конфликта на Украине. Показано, что наблюдаемый парадокс, состоящий в утрате Западом страха перед «термонуклеарным армагеддоном», продуцируется феноменом двойственности положения России после 1991 г., когда властные элиты, с одной стороны, подпали под контроль Запада, а с другой — сохраняли способность «восстать» и восстановить политический суверенитет страны с опорой на ее военно-стратегический потенциал. Следствием этого стало еще одно уникальное явление — неопределенность «красных линий» во внешней политике России, когда они либо не озвучивались, либо постоянно отодвигались. В результате Запад «привык» к избыточной осторожности России и не «слышит» новых сигналов. Ситуация поддерживается и усугубляется отсутствием внешнеполитической гибкости США из-за их приверженности ментальной модели глобального доминирования, включающей четыре элемента: презумпцию богоизбранности американского государства, доктрину непримиримости, стратегию тотальности и синдром отказа от неприемлемых издержек. Эффект неделимости власти, описанный С. Льюксом, накладывается на указанную модель и усугубляет нечувствительность американского истеблишмента к эскалации напряженности на Украине. В работе показано, что в своей тактике администрация США использует два интеллектуальных «завещания» Джона Даллеса: доктрину «балансирования на грани» и доктрину «сносной цены». Так как Россия не создала никакого ощутимого ущерба для Америки, то ей не имеет смысла отказываться от «завещания» Даллеса и поддержания режима эскалации. Автор обосновано, что для изменения ситуации необходимо осуществить действия по обеспечению неприемлемого ущерба для США в возникшем противостоянии; обсуждаются конкретные меры по «удорожанию» американской гегемонии, что позволит отойти от односторонних ударов по России и создать более благоприятный фон для конструктивных переговоров.

Ключевые слова: геополитика; конфликт; ядерное сдерживание; экономические санкции; ущерб

Для цитирования: Балацкий Е.В. Модель стратегического противостояния США и России в XXI веке. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):6-21. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-6-21

ORIGINAL PAPER

The Model of Strategic Confrontation Between the USA and Russia in the 21st Century

E.V. Balatsky

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the military-strategic confrontation between the USA and Russia, with a growing tendency toward conflict escalation in Ukraine. It is demonstrated that the observed paradox — the West's diminishing fear of a "thermonuclear Armageddon" — is driven by the duality of Russia's position after 1991. On the one hand, Russian elites fell under Western influence, yet on the other, they retained the potential to "rise" and restore the country's political sovereignty, leveraging its military-strategic capabilities. As a result, another unique phenomenon emerged: the ambiguity of Russia's "red lines" in foreign policy, as they were either left undefined or continuously shifted. This led to the West becoming accustomed to Russia's excessive caution and failing to "hear" its new signals. The situation is further reinforced and exacerbated by

© Балацкий Е.В., 2025

the United States' lack of foreign policy flexibility due to its adherence to a mental model of global dominance, which comprises four key elements: the presumption of America's divine exceptionalism, the doctrine of irreconcilability, the strategy of totality, and the refusal-to-accept-unacceptable-costs syndrome. The effect of power indivisibility, as described by S. Lukes, compounds this model and heightens the insensitivity of the American establishment to the escalation of tensions in Ukraine. The study highlights that the U.S. administration employs two intellectual "legacies" of John Foster Dulles in its strategy: the doctrine of "brinkmanship" and the doctrine of "bearable cost." Since Russia has not inflicted any tangible damage on the United States, there is no incentive for the latter to abandon Dulles' legacy or to de-escalate the confrontation. The author argues that to change the situation, it is necessary to ensure unacceptable costs for the U.S. in this confrontation. Specific measures to increase the "cost" of American hegemony are discussed, which could shift the focus from unilateral pressure on Russia toward a more favorable environment for constructive negotiations.

Keywords: geopolitics; conflict; nuclear deterrence; economic sanctions; damage

For citation: Balatsky E.V. The model of strategic confrontation between the USA and Russia in the 21st century. *The World of the New Economy*. 2025;19(2):6-21. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-6-21

ВВЕДЕНИЕ: ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В ходе специальной военной операции (СВО) на Украине противостояние России и Запада постоянно обострялось путем так называемого повышения ставок. Запад в лице европейских держав под руководством США готов отправлять на Украину контингенты своих вооруженных сил, расширяется помощь оружием. Уже при участии НАТО осуществлены удары по российской территории ракетами дальнего действия АТАСМС с летальными исходами для жителей¹. Не удивительно, что в России, равно как и в других странах, все активнее звучит тема применения тактического ядерного оружия. Более того, этот вопрос открыто обсуждался С. Карагановым и В. Путиным в пленарной программе на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в 2024 г.², после чего была принята новая ядерная доктрина России. Данная проблематика выплеснулась и на страницы академических изданий [1].

Складывается ощущение, что политический истеблишмент стран — участниц конфликта принял факт возможного прямого ядерного столкновения и готов идти до конца³. Все это выводит на первый план ряд важных вопросов. Первый: почему у руководства стран Запада пропал страх перед Россией, обладающей ядерным арсеналом, достаточным для уничтожения всей планеты? Второй: каковы фундаментальные причины эскалации военного

напряжения между Россией и странами западного альянса? Третий: каков глубинный смысл в эскалации с учетом всех рисков? И, наконец, четвертый: какой линии поведения целесообразно придерживаться руководству России в создавшихся условиях?

В основе первых трех вопросов содержится своеобразный парадокс. Например, зачем приходить в прямое военное соприкосновение с государством, которое способно уничтожить всю планету и, следовательно, его заведомо невозможно победить? Здесь внешне ситуация выглядит как утрата Западном инстинкта самосохранения, что противоречит всем его традициям и установкам. Второй вопрос базируется на парадоксальном сочетании политической покладистости России и ее впечатляющего военного потенциала: бесконечные обещания руководства страны об адекватном или зеркальном ответе на агрессивные выпады Запада почти никак не подкрепляются реальными действиями. Третий вопрос также связан с отсутствием логичного сочетания крайне опасных действий западных стран по эскалации конфликта с видимым отсутствием у них экзистенциальных причин для такого риска. Все перечисленные парадоксы нуждаются в системном объяснении с опорой на экономическую логику и политические теории, чем и обусловлена актуальность поднимаемой темы.

Указанные вопросы и геополитические парадоксы продуцируют когнитивную интригу, состоящую в возможности построения логичной модели возможного столкновения с опорой на максимально широкие методологические принципы. В связи с этим целью статьи являются исчерпывающие ответы на четыре поставленных вопроса с акцентом на пересмотр принципов противостояния России коллективному Западу (чего пока по разным причинам не происходит). Методологической основой формулируемых ответов выступают предложенная

¹ URL: <https://www.vesti.ru/article/4023290>

² URL: <https://ya.ru/video/preview/2507429726905085321>

³ Приход к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа несколько изменил геополитическую конфигурацию, однако большинство заявлений американского президента пока не получают системной реализации, что не позволяет говорить об окончательном переломе во внешнеполитических отношениях России и США.

ранее ментальная модель глобального доминирования США [2] и принцип неделимости власти С. Льюкса [3]. Новизна авторского подхода состоит в сопряжении геополитических фактов, ментальных установок участников конфликта и экономической логики с выявлением результирующего вектора.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И РОССИИ: ИСТОКИ И НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Для раскрытия первого парадокса, связанного с возникновением иммунитета Запада и Соединенных Штатов против державы с ядерным потенциалом, необходимо совершить небольшой экскурс в историю. Речь идет о том, что до 1991 г. мировоззрение политического истеблишмента США, равно как и всего мира, включало отрицание прямой конфронтации со страной, имеющей термоядерное оружие. Однако поражение СССР в холодной войне с его последующим распадом на 15 псевдонезависимых государств полностью поменяло геополитическую диспозицию. После этого преемницей ядерного оружия СССР стала только Россия; остальные страны не являлись для США стратегической угрозой. Утратив 30% территории Советского Союза и больше половины его населения, Российская Федерация по-прежнему оставалась слишком крупной, бросаая своими размерами вызов США. В связи с этим она представляла потенциальную угрозу для американской гегемонии и, по мнению властей, ее надо было и дальше ослаблять, желательно путем разделения на несколько частей с их последующей полной демилитаризацией. Эта задача была вполне реалистичной в силу того, что наша страна после 1991 г. утратила свой политический суверенитет и де-факто, если не полностью, то в значительной мере, управлялась извне — из США (в 2022 г. начался процесс активного восстановления суверенитета России, который пока не завершился). Последнее обстоятельство до сих пор фигурирует в качестве полуфакта: с одной стороны, оно уже не отрицается, с другой — до конца не признается. И именно такое положение дел нуждается в обсуждении.

По сути, после 1991 г. возникла совершенно беспрецедентная ситуация, какой еще никогда не было в истории человечества. Обычно любая страна, потерпевшая поражение в войне, надолго лишалась политического суверенитета: на нее, как правило, накладывались не только контрибуции, но и различные политические и экономические ограничения. Так, Германии и Японии, попавшим под патронаж страны-победительницы (США), было запрещено

иметь ядерное оружие, а также развивать некоторые стратегически значимые отрасли экономики. При этом Германию разделили на две части, и они обе оказались под протекторатом: Западная — США, а Восточная — СССР (после объединения вся страна остается под влиянием США). С этого момента Германия и Япония стали плацдармом для своих суверенов, осуществлявших почти полный контроль над их политикой и экономикой. Примерно та же судьба постигла и Россию после 1991 г.: ее экономика была искусственно разрушена, почти все наукоемкие отрасли хозяйства ликвидированы, а спецслужбы и Вооруженные силы деморализованы. Такое положение страны, потерпевшей поражение в «третьей мировой» (холодной) войне, порождало ощущение ее слабости и безопасности.

Однако специфика состояла в том, что зависимым считалось государство с невообразимым по историческим меркам военно-стратегическим потенциалом. Более того, так как проигранная Советским Союзом холодная война завершилась без прямого столкновения, то его военный арсенал был в нетронутom и работоспособном состоянии и находился под контролем высших должностных лиц, многие из которых не желали окончательно капитулировать перед противником. Это обстоятельство и предопределило *двойственность положения* России после 1991 г.: с одной стороны — контролируемая Западом властная элита, а с другой — размытость этой элиты, ее возможность трансформироваться и в любой момент восстановить политический суверенитет государства с последующим использованием своей военной мощи во внешней политике. Причем напрямую подавить переворот элит в России ни США, ни кто-либо другой не могли — из-за угрозы развязывания ядерного конфликта. Примерным аналогом является ситуация с Германией после Первой мировой войны, которой было запрещено неконтролируемо увеличивать свою армию, проводить военные учения и осуществлять милитаризацию экономики. Несмотря на это, опираясь на свою развитую промышленность и пришедшую к власти нацистскую элиту, страна снова стала военно-стратегическим лидером мира и осуществила очередную военную экспансию.

Задним числом можно утверждать, что феномен двойственного положения России после распада СССР с самого начала таил в себе предпосылки нынешнего хода событий, которые рано или поздно должны были произойти. Более того, уже в 1990-х гг.

Е. М. Примаков на посту министра иностранных дел пытался донести до Запада мысль о том, что Россия — великая держава, которая испытывает временные трудности [4]. Уже тогда просматривались первые симптомы возможного изменения ситуации в плане восстановления политического суверенитета страны. Однако это не отменяет того факта, что российские власти на протяжении десятилетий демонстрировали крайне низкую активность в международных и внутренних делах. Кроме того, плачевное положение дел в армии и экономическая ситуация в РФ не давали оснований для ожидания жесткого ответа на ущемление ее внешнеполитических интересов. Конфликт 2014 г., закончившийся присоединением Крыма, был первым серьезным демаршем со стороны России на избыточную активность США и НАТО на территории бывшего СССР, однако это событие само по себе мало о чем говорило. Военно-стратегическая вялость руководства в предыдущие годы и уязвимость экономики по многим направлениям не давали оснований думать, что существует возможность получить отпор от государства, постепенно превратившегося в сырьевой придаток развитого мира.

Таким образом, американский истеблишмент имел все основания не верить в готовность России жестко ответить на его экспансионистские действия. Что касается РФ, то для нее события 2014 г. стали своеобразным финальным вызовом, на который она не могла не отреагировать. Если бы состоялся планировавшийся вывод российской военной базы в Севастополе с последующим размещением на полуострове базы США или НАТО, это фактически означало бы окончательную капитуляцию России, ибо в таком случае наличие у нее вооруженных сил и ядерного оружия становилось бессмысленным по причине их неприменения даже в столь опасной ситуации. Последующие 8 лет, связанные с реализацией Минских соглашений, также демонстрировали бесконечные уступки со стороны Российской Федерации и ее неспособность к жестким действиям.

Все это лишний раз убеждало администрацию США в слабости российских властей. Решительные действия РФ в 2022 г. ничего не изменили: чрезвычайно гуманное проведение боевых операций, бесконечные заявления о неизбежности ответных ударов на провокации украинской стороны без их фактического подкрепления, проявление готовности к мирным переговорам и т.п. только доказывали американским стратегам правильность их выводов. Даже применение нашей страной

в 2024 г. гиперзвуковой ракеты «Орешник» в ответ на атаки ее территории ракетами АТАСМС носило двусмысленный характер: заранее было объявлено о времени и месте нанесения удара, а его сомнительные результаты не произвели на американскую администрацию должного эффекта. В то же время ущерб, нанесенный России за годы ведения СВО, огромен — в этом отношении США уверенно переиграли противника без какого-либо урона для себя, не считая затрат на финансирование военной помощи Украине. Перенеся военную операцию на нейтральную территорию, а частично и на российские земли, американцы вели себя строго в соответствии со своими политическими традициями непрямых действий [5].

Феномен двойственности положения РФ после 1991 г. и ее тотальная геополитическая слабость (включая военную, политическую, экономическую и идеологическую сферы), проявляющиеся на протяжении более чем 30 лет после распада СССР, породили еще одно уникальное явление — *неопределенность «красных линий»*. Внешняя политика всех государств строится по данному принципу, согласно которому существуют пределы терпимости национальных властей в отношении нарушения их интересов другими странами, а переход за эти линии чреват открытой силовой конфронтацией. Однако на протяжении всех предыдущих лет «красные линии» российскими властями либо не обозначались, либо озвучивались нечетко и неясно, в связи с чем возникала возможность вольных интерпретаций. Более того, подобная неопределенность привела к тому, что политический истеблишмент США во многих случаях сам определял эти «красные линии», а потом нарушал их и ликовал ввиду отсутствия серьезных последствий. Однако ситуация меняется — одно из последних заявлений С. Лаврова раскрывает диалектику внешнеполитических отношений: Запад следует ошибочной логике, согласно которой у России «красные линии» есть, но они снова сдвигаются⁴. Таким образом, наблюдается отсутствие или нежелание со стороны американских властей понимать замыслы и намерения нашей страны.

Подводя итоги, можно констатировать: беспрецедентная в мировой истории ситуация поражения ядерной державы в гибридной войне с ее последующим катастрофическим экономическим ослаблением заставила администрацию США пере-

⁴ URL: <https://tass.ru/politika/22591299?ysclid=m4cx8zy494898208377>

смотреть ситуацию в отношении готовности России защищать свои стратегические интересы. Именно геополитическая слабость РФ спровоцировала парадокс утраты страха перед ядерной державой.

Констатация вышеназванного факта не предполагает оценочных суждений: было бы нелепо возлагать вину на Россию — ее слабость явилась историческим фактом и стала трагедией для ее народов. За 30 лет существования страна из супердержавы трансформировалась в полупериферию мировой системы с тенденцией к превращению в периферию. Не стоило рассчитывать, что в этот период все будет гладко, а властные элиты быстро отреагируют на вставшие перед ними экзистенциальные вызовы, — требовалось время, а когда оно настало, это явилось откровением для американского истеблишмента, который до сих не отказался от стереотипов 1990-х гг. Напомним тезис Вудро Вильсона времен Первой мировой войны: «Нам предстоит серьезно финансировать мир, а дающий деньги должен *понимать* мир и *руководить* им»⁵. Сегодня США по-прежнему хотят руководить миром, и им надо понимать его, но, по-видимому, прецеденты XXI в. и радикально изменившаяся геополитическая ситуация пока не укладываются в мировоззрение их политической элиты.

В настоящее время Россия приняла новую ядерную доктрину и постепенно входит в режим более реалистичного диалога с противником [1]. Однако многие вопросы так и остаются открытыми.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США: МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ

Теперь попытаемся выяснить, каковы фундаментальные причины эскалации военного напряжения между Россией и странами западного альянса. Почему США вцепились в Россию мертвой хваткой, в то время как их главный стратегический соперник — Китай — продолжает усиливать свои позиции на фоне деструктивной эскалации? Есть ли у Америки экзистенциальные причины для подобной кампании?

Ответ на поставленные вопросы дает ментальная модель глобального доминирования США в умах представителей американского истеблишмента.

Суть его сводится к четырем положениям [2]. Первое — *презумпция* (мифологема) богоизбранности американского государства и нации, постулирующая их исключительность, правоту, непогрешимость и вседозволенность. Второе — доктрина непримиримости, подразумевающая политическую бескомпромиссность касательно поддержания культурной гомогенности и зачистки всех неугодных социальных элементов. Третье — *стратагема тотальности*, предполагающая ведение войны против стратегического соперника любыми доступными способами на основе практики двойных стандартов. Четвертое — синдром отказа от неприемлемых издержек, согласно которому все людские и финансовые потери должны быть строго оправданными, а все специальные операции — сверхрентабельными. Указанные положения формировались постепенно и подкреплялись фактами из истории американского государства — в книге «Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность»⁶ приводятся примеры практического проецирования четырех положений модели гегемонии США к конкретным обстоятельствам.

Несмотря на явную искусственность перечисленных положений, они имеют непреходящее значение как для американских политиков, так и для простого населения, консолидируя нацию и служа источником ее гордости и силы. Главное же в модели гегемонии заключается в практической контрпродуктивности любых дипломатических переговоров США со своими контрагентами. Для американского истеблишмента любые обсуждения и споры с оппонентами бессмысленны, ибо изначально ясно, что они не правы; кроме того, глупо тратить ресурсы на разговоры, когда все можно решить силой или деньгами. Единственный аргумент, который может быть принят во внимание, — издержки от принимаемого решения: только когда они становятся откровенно неприемлемыми, политики готовы отказаться от намеченного решения.

История США изобилует примерами, когда власти страны обостряли ситуацию и шли на силовой конфликт, но это всегда делалось в условиях изначального и абсолютно явного перевеса в их пользу. Типичным примером может служить одна из самых драматичных страниц истории страны — Гражданская война Севера и Юга. Северяне развязали эту войну в условиях своего полного

⁵ Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность. М.: ООО «Содружество культур»; 2023. 588 с.

⁶ Там же.

превосходства: 22 млн против 5,5 млн белых южан, т.е. соотношение 4:1; Север мобилизовал 2,1 млн солдат против 880 тыс. южан; на каждую винтовку, произведенную на Юге, приходилось 32 с Севера [6, с. 319]. При таком раскладе сил победа Севера была предопределена, что позволило ему включить три первых положения модели гегемонии, требующих безоговорочного подавления противника.

Алгоритм принятия решения о начале или продолжении конфликта представлен на *рисунке*. Таким образом, все зависит от величины предполагаемого ущерба, причем само вхождение в конфликт проис-

ходит на базе модели гегемонии со всеми вытекающими для противника последствиями. Проверка на соответствие критерию ущерба осуществляется постоянно, в связи с чем изначальное решение может корректироваться. Например, в ходе войн в Корее, Вьетнаме и Афганистане на определенном этапе была диагностирована ситуация неприемлемого ущерба, что и привело к отказу Соединенных Штатов от дальнейшего участия в этих кампаниях.

Однако представляется, что логика, показанная на *рисунке*, является универсальной, и в соответствии с ней действуют практически все страны, но это

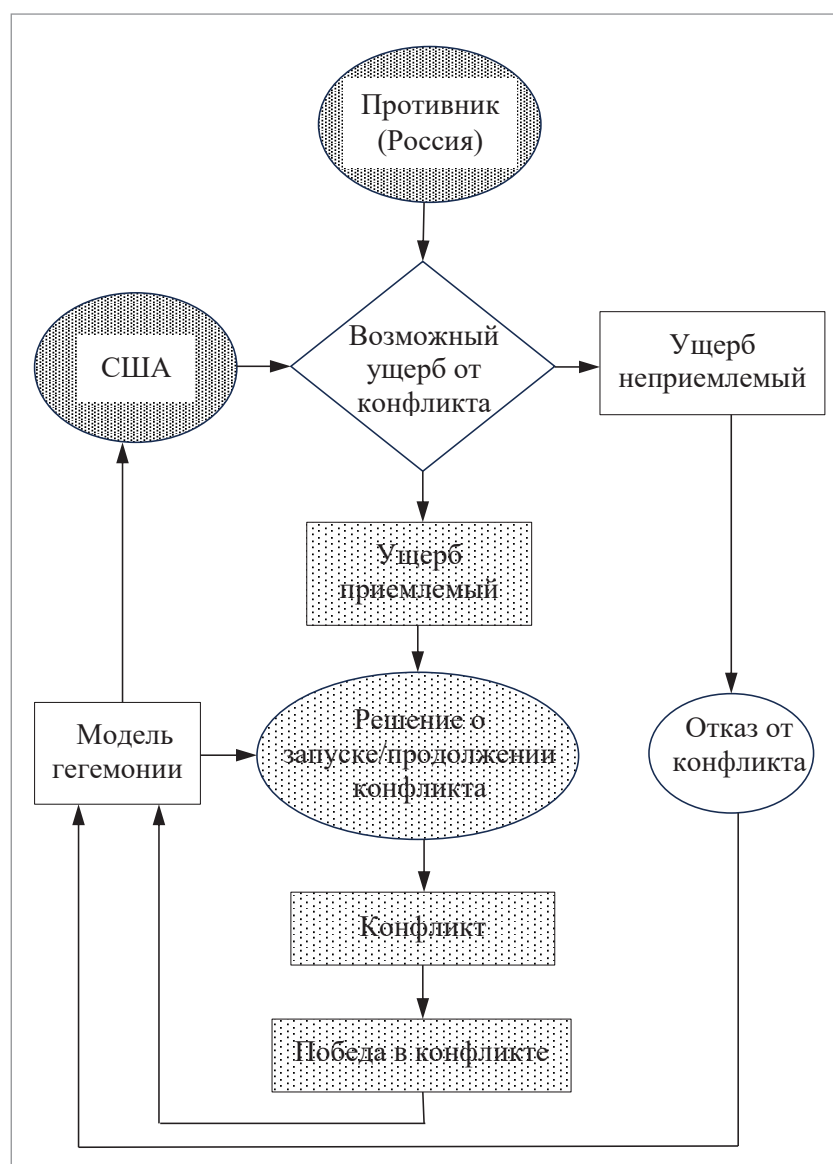

Рис. / Fig. Алгоритм принятия политических решений в США /
Algorithm of Political Decision Making in the USA

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

не так. В одной из работ автора статьи [7] подчеркивалась разница в исторических моделях принятия решений для России и США: если у нас политические власти часто действуют по принципу «любой ценой», то у американцев низкий «болевого порог» издержек продуцирует принцип «малой кровью». Отказ от неприемлемого ущерба — традиция США, освященная 250-летней историей, — соответственно, пренебрегать ею не принято.

Модель гегемонии Америки и алгоритм принятия политических решений в стране (см. рисунок) полностью объясняют феномен нечувствительности ее политического истеблишмента к аргументам России в ходе конфликта на Украине. Это будет продолжаться до тех пор, пока Штаты не диагностируют возможный неприемлемый ущерб для себя от продолжения конфликта. При этом никакие удары (вплоть до ядерной бомбардировки) по территории Украины не повысят чувствительность представителей американского политического класса, ибо непосредственно их это не затрагивает — в чем и состоит парадокс патовой ситуации противостояния России и США.

К сказанному следует добавить, что, как для России, так и для США, ситуация на Украине носит экзистенциальный характер. Если для нас поражение чревато крушением самой государственности, то для Америки оно связано с утратой мировой гегемонии, а это влечет за собой разрушение всей модели предыдущего существования страны. Крах гегемонии США будет означать прекращение их монополии на всех политических и экономических рынках, что, в свою очередь, означает падение нормы прибыли в каждой сфере экономики (со всеми вытекающими отсюда последствиями), а также превращение страны в обычного участника мирохозяйственной системы — без экономических привилегий и политических бонусов. Но тогда это будет другая Америка: в этой ситуации американский политический класс наталкивается на феномен *неделимости власти*, суть которого состоит в том, что любая власть поддерживается соответствующей структурой, и ее нельзя перераспределить, а можно только разрушить и построить заново [3]. Любая уступка власти со стороны Соединенных Штатов потребует полного демонтажа имеющейся архитектуры глобальных властных сетей, что чревато полной потерей позиций страны. Данное обстоятельство не добавляет чуткости американскому истеблишменту к аргументам России. В итоге — каждый идет до конца.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА США: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОНА ДАЛЛЕСА

Теперь рассмотрим подробнее вопрос о том, каков глубинный смысл в нарастающей эскалации, кому и в чем от нее польза. Для этого надо отталкиваться от того, что эскалация — это американская тактика давления на противника, берущая корни в политических воззрениях Дж. Ф. Даллеса.

В американской политике и дипломатии фигура Джона Фостера Даллеса имеет особое значение. Это связано с несколькими обстоятельствами, среди которых немаловажное значение имеет укорененность семейства Даллесов в политическом истеблишменте США. Достаточно напомнить, что дед Даллеса Джон Фостер был госсекретарем при президенте Бенджамине Гаррисоне, его дядя Роберт Лансинг — госсекретарем при Вудро Вильсоне, сам Джон Даллес — госсекретарем при Дуайте Эйзенхауэре, а его младший брат Аллен Даллес работал на поприще дипломатии и разведки, возглавляя в 1953–1961 гг. Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Другое обстоятельство той роли, которую Дж. Даллес играет в американской политике, связано с его двумя своеобразными интеллектуальными «завещаниями».

Первое из них получило название *доктрины «балансирования на грани»* — Даллес считается одним из ее авторов. Согласно ей, в международных переговорах следует максимально близко подходить к нежелательной для обеих сторон и, как правило, катастрофической развязке, в расчете на то, что в последний момент противник в целях самосохранения уступит и в итоге удастся получить двойной выигрыш: избежать катастрофы и обрести односторонние преимущества. В дипломатии катастрофической развязкой обычно является война, что породило в русском языке устойчивое словосочетание «балансирование на грани войны» для обозначения политики, направленной на нагнетание военной угрозы. В настоящий момент политика США в отношении Украины в чистом виде воспроизводит доктрину «балансирования на грани», когда ставки растут вплоть до применения термоядерного оружия массового поражения. Иными словами, первое политическое завещание Джона Даллеса не забыто и проявляется в полной мере.

Второе завещание можно назвать *доктриной «сносной цены»*, суть которой в полной мере выражена следующим его тезисом: «Мы хотим для себя и других свободных наций максимальных средств

устрашения по *сносной цене*⁷. Данная установка требует, чтобы все политические кампании США вели к их гегемонии и доминированию, но не ценой чрезмерных потерь. Это, в свою очередь, означает, что США готовы на политические уступки, но только тогда, когда альтернативная позиция сопряжена для них с неприемлемым ущербом в любой форме. История страны изобилует такого рода уступками: отказ от дальнейшей войны в Корее, несмотря на установление на северной части полуострова коммунистического режима; завершение войны во Вьетнаме, невзирая на победу в стране коммунистического строя; уход из Афганистана, вопреки приходу к власти движения талибан⁸, и т.п. Нет сомнений, что власти США готовы выйти из противостояния на Украине, если ущерб от ее продолжения станет неприемлемо большим. Но (и это принципиально!) не раньше этого момента; в противном случае разыгрывание «украинской партии» будет продолжаться.

Несложно заметить, что второе завещание Даллеса представляет собой ни что иное, как четвертый элемент модели американского доминирования — принцип отказа от неприемлемого ущерба. Таким образом, доктрина «сносной цены» Даллеса является политическим римейком принципа отказа от неприемлемого ущерба и продолжает работать на Украине в полную силу.

История показывает, что оба завещания Даллеса являются руководящими принципами во всех делах внешней политики США, и именно наличие пары амбивалентных принципов придает всем действиям американского истеблишмента необходимую сбалансированность между агрессией и миролюбием. Пока нет видимых причин полагать, что политические власти США откажутся от своих принципов внешней политики без серьезных на то оснований. Это становится особенно очевидно, если учесть, что на кону стоит победа над Россией, которая может позволить США перезапустить цикл их глобальной гегемонии.

МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ: БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Помимо рассмотренных экономических и геополитических оснований модели гегемонии США

и вытекающей из нее логики поведения, существует еще и эмоциональный аспект, который нельзя сбрасывать со счетов. Дело в том, что логика противостояния имеет глубинные эволюционные (биологические) основания, для уяснения которых рассмотрим несколько фактов из мирмекологии.

Один из фундаментальных законов социобиологии и военной стратегии муравьев гласит: чем более место проживания популяции пригодно для жизни и обороны и чем лучше оно оснащено ценными ресурсами, тем интенсивнее и яростнее его защищают [8, с. 66]. Далее будем называть этот закон Принципом 1: чем богаче экологическая ниша, тем ожесточеннее ее защита. Другой важный факт состоит в следующем: оплодотворенные матки подвергаются постоянному риску быть убитыми муравьями другой семьи, в связи с чем они объединяются в группу по 10–15 особей для совместной защиты; когда же муравьи их приплода взрослеют, то они безжалостно уничтожают лишних самок одну за другой, растягивая их за ноги и жала до смерти, пока не останется только одна из них — самая плодовитая [8, с. 73]. Отсюда вытекают еще два принципа биологической эволюции: Принцип 2: избыточная конкуренция недопустима и умышленно уничтожается вплоть до установления монополии и Принцип 3: материнская структура уничтожается собственными детьми, если она уступает другой — более эффективной. Сформулированные принципы могут быть спроецированы на геополитическую систему — в этом случае получается следующая картина.

Принцип 1: страна, получившая статус гегемона с его высоким уровнем благосостояния населения и огромными геополитическими преимуществами для крупного национального бизнеса, просто обязана агрессивно и бескомпромиссно поддерживать свои позиции. Именно это и делает политический истеблишмент США, используя все имеющиеся у него средства для сохранения своего статус-кво. Принцип 2: страны, создающие лишнюю и весьма опасную конкуренцию для государства-гегемона, должны быть ликвидированы вместе с исходящей от них опасностью. Именно к этому и стремятся Соединенные Штаты, чиня всяческие препятствия для нормального существования и развития России и повышая ставки на Украине. Принцип 3: в странах, проигрывающих глобальную конкуренцию государству-гегемону, собственные элиты и население зачастую способствуют их крушению в пользу последнего [9]. Именно с этой проблемой столкну-

⁷ Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность. М.: ООО «Содружество культур»; 2023. 588 с.

⁸ Религиозно-политическая организация, запрещенная в России.

лась Россия в начале СВО, когда у нас обозначился широкий слой политической оппозиции и «пятая колонна» — как в бизнес-элите, так среди политиков, простого населения, научного сообщества и работников культуры.

Все сказанное свидетельствует о том, что, помимо логики объективных событий, существует эффект глубинных архетипов поведения людей в той или иной ситуации. Таким образом, внешне-политическая стратегия и тактика США получают свое подкрепление на уровне психологии их политического истеблишмента. Вместе с тем нехватка единства внутри российских элит и населения также во многом предопределена эволюционными поведенческими установками лиц разных социальных групп. Разумеется, в человеческих сообществах исходные биологические модели поведения значительно ослаблены, однако они все-таки продолжают существовать, создают психологический фон и формируют определенное давление на лиц, принимающих решения. В целом же, природные поведенческие интенции выступают подтверждением сложившихся стереотипов модели доминирования США и провоцируют их острое противостояние с Россией. Невидимые глубинные биовыживательные инстинкты закрепляют асимметрию в поведении политических классов Америки и России: в первой — агрессивную, бескомпромиссную и во многом безответственную модель противостояния, во второй — излишне осторожную, осмотрительную и чрезмерно ответственную. Это обстоятельство может не осознаваться даже теми, кто принимает решения, однако оно регулярно подстегивает их к вполне определенной линии поведения.

СДЕРЖКИ И ПРОТИВОВЕСЫ: ВЛАСТЬ ПЛУТОКРАТИИ

Хотя в настоящее время на Украине сложилась патовая политическая ситуация с постепенным ростом ставок, было бы неверно думать, что она «застывшая» и «несдвигаемая». Среди американского истеблишмента есть силы, которые учитывают баланс интересов, по крайней мере, внутри страны.

Для понимания их отношения к возможному ядерному конфликту, даже за пределами американского континента, полезно вспомнить, что сама форма правления в США является *плутократией*, т.е. властью богачей или, иными словами, экономической элиты. В отличие от стран с милитократической (военной), теократической (идеологической) и бюрократической (административной) формами

правления, плутократия ставит на первое место интересы и предпочтения корпоративных магнатов. Как отмечается, после Гражданской войны в Соединенных Штатах окончательно установилась плутократия, ставшая частью «культурного геноципа» нации [6, с. 184].

Коль скоро в США именно плутократы оказывают решающее влияние на политику, то правомерно задаться вопросом: выгодно ли им развязывать ядерную войну? Здесь отдельного обсуждения заслуживают два вопроса — о тотальном и ограниченном ядерном конфликте.

Чтобы на них ответить, следует оттолкнуться от непреложной экономической аксиомы: главный мотив владельцев богатств состоит в их сохранении и приумножении [6, с. 170]. Уничтожение ненавистных стран и народов сюда, строго говоря, не входит. Тотальный ядерный конфликт США и России, влекущий гибель планеты, не несет никакой выгоды для американской плутократии, как и развязывание ограниченной войны в Европе. Например, сегодня Штаты поставляют в Европу, и в первую очередь в Германию, свои энергоносители по ценам в 2–3 раза выше рыночных. Это означает, что норма прибыли от таких операций — минимум 300–500% годовых [10, р. 73]. Подрыв же целостности экономики Германии в результате локального ядерного конфликта приведет к отказу от американского сжиженного газа и лишит плутократов США нынешних сверхприбылей. Такая цена «усмирения» России выглядит чрезмерной, а не сносной, которую «завещал» Джон Даллес.

Приведенный пассаж отнюдь не исчерпывает политическую логику плутократии — есть еще и исторические аналогии. Например, вся история недвусмысленно свидетельствует о существовании следующей закономерности: проигранные внешние войны ведут к революциям и грандиозным гражданским войнам [6, с. 297]. Чем глубже и жестче будет поражение США в прокси-войне на Украине, тем больший социальный протест и хаос это породит внутри страны, а применение ядерного оружия повышает риски такого исхода — и это все на фоне социального кризиса внутри Америки, когда происходит обнищание значительных слоев населения, а внутри класса плутократии активизируется противостояние элит и контрэлит. Для такой ситуации характерно правило, сформулированное Петром Турчиным: «Ничто не воздействует на коллективный разум правящего класса лучше двойной экзистенциальной угрозы — когда проявляет недовольство

подвластное население и когда насаждают геополитические соперники» [6, с. 295]. Действительно, ошибка в такой ситуации чревата тяжкими последствиями, прежде всего, для самих элит. Скорее всего, нынешние обстоятельства должны привести к разумному консенсусу в отношении противостояния на Украине.

Приход к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа, очевидно, станет способствовать долгосрочному поиску условий сделки по Украине. Это отнюдь не означает, что политика его администрации в части стратегии и тактики будет отличаться от той, что была при Дж. Байдене, однако ее большая нацеленность на прибыль и сокращение издержек позволит расширить диапазон возможных решений. Давления и «балансирование на грани» со стороны США продолжится, но в результате может сформироваться окончательная «цена сделки», что и позволит сдвинуться с мертвой точки.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Проведенный анализ показал крайне несимметричную геополитическую диспозицию в столкновении США и России. Фактически, пока Америка наносит очень чувствительные удары по России, не неся никакого ущерба от этого противостояния. В нашей стране идут боевые действия — включая новые и старые территории. Экономика приграничных регионов сильно просела и, судя по всему, будет слабеть и дальше. Международные санкции привели к колоссальным торговым и производственным проблемам, многие из которых возможно устранить лишь в отдаленной перспективе. Финансовые и людские потери России пока неизвестны, но, без сомнения, значительны. И все это на фоне нулевого урона для США: их поставки оружия на Украину носят скорее характер утилизации, нежели ослабления военного потенциала, а финансовая помощь, с учетом валютной гегемонии Америки путем печатания доллара, также не является чрезмерно обременительной. Таким образом, наша страна пока проигрывает геополитическое противостояние с Америкой, так как несет гораздо более тяжкое бремя издержек (материальных, людских и финансовых), но самое главное — США не чувствуют значительного дискомфорта от продолжающегося столкновения. Если мы стремимся победить в этой войне и не довести ситуацию до полномасштабного ядерного конфликта, то следует менять тактику противостояния.

Приход к власти Трампа означает очередной перевес плутократии в международных делах США,

но этого отнюдь не достаточно для ликвидации проблемы на Украине. Трамп, как представитель плутократии, должен ясно видеть, какие неприемлемые убытки влечет за собой продолжение ведения кампании против России, а желательно — и выгоду от завершения активной фазы противостояния. И здесь мы сталкиваемся с необходимостью соответствующих инициатив со стороны России.

В связи с этим правомерно задаться четвертым вопросом, поставленным в начале статьи: а что должна делать Россия в складывающихся обстоятельствах?

Как было отмечено выше, ей целесообразно проводить амбивалентную политику в том, что касается нагнетания неприемлемого для США ущерба и создания для них возможных выгод. Здесь мы входим в зону крайне сомнительных гипотез и предложений, поэтому в самых общих чертах коснемся возможных решений со стороны России, осознавая их дискуссионность.

Для того чтобы показать серьезность своих намерений, нашей стране рано или поздно придется пойти на непопулярные меры: тут могут иметь место разные направления действий.

1. *Частичное разрушение мировой инфраструктуры.* Например, в 2023 г. из-за непреднамеренных действий китайского судна «Newnew Polar Bear» в Балтийском море между Финляндией и Эстонией был поврежден газопровод «Balticconnector»⁹. В 2024 г. было зафиксировано повреждение подводного кабеля связи C-Lion1 между Финляндией и ФРГ¹⁰. Неудивительно, что Вашингтон полагает, что Москва может с высокой вероятностью проводить потенциальные диверсионные операции, направленные на вывод из строя критически важной части мировой инфраструктуры связи, однако пока этот путь Россия для себя исключала. По-видимому, наступает время, когда подобные операции должны стать не просто неотъемлемым элементом российской политики по проведению СВО, но и получить должный размах и масштаб, чтобы США и Европейские страны смогли ощутить ущерб, который сопряжен с противостоянием на Украине.

2. *Перекрытие морских торговых путей.* В 2024 г. действия хуситов в Красном море и Баб-эль-Мандебском проливе привели к тому, что судоходство там

⁹ URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/08/2024/66ba08b99a7947bc6483fc9>

¹⁰ URL: <https://www.rbc.ru/society/18/11/2024/673b4a109a7947637be77c0a?ysclid=m4bi6oplwe428930601>

постепенно сворачивается¹¹. Хуситы находятся под патронажем Ирана, с которым Россия сотрудничает по многим направлениям, поэтому нет никаких противопоказаний для того, чтобы снабдить их современным оружием для более эффективных действий в акватории и полной парализации мировой торговли в данном регионе. Недовольство этим фактом способно стать сигналом к пересмотру Америкой и странами Евросоюза своей позиции по Украине. К сказанному можно добавить, что иногда в Красном море случаются аварии. Так, в 2021 г. танкер «Ever Green» сел на мель и перекрыл Суэцкий канал, и работы по его разблокированию стоили 9,6 млрд долл. в день; в 2022 г. аналогичная пробка возникла по вине танкера «Affinity V», а в 2023 г. ситуация повторилась из-за сухогруза «Xin Hai Tong»¹². Подобные заторы могут быть легко воспроизведены искусственно, и у России есть для этого все возможности. Умелое чередование действий хуситов и «дружественных» танкеров способно на длительное время заблокировать важнейший торговый маршрут.

3. *Удары по центрам принятия решений на Украине.* Еще одним допустимым инструментом сдерживания агрессивного настроения американского истеблишмента и его союзников могут стать сокрушительные удары по точкам принятия решений на Украине с акцентом на нанесение максимального ущерба иностранным советникам и военнослужащим. Не исключено, что России придется нанести удар по территории одной из стран НАТО, откуда поставляется вооружение для Украины. Разумеется, подобное вызовет массовый протест, но в целом подействует отрезвляюще на политические элиты Запада.

4. *Полный запрет поставок стратегического сырья в недружественные страны.* Еще одна лакуна, которая является потенциально болезненной зоной для США, — импорт из России стратегических товаров. Например, и в 2022, и в 2023 гг. мы по-прежнему активно поставляли Америке жемчуг, драгоценные камни, монеты, минеральные удобрения и топливо, масла, продукты дистилляции, металлы платиновой группы, алюминий и уран¹³,

тем самым оказывая услугу ее энергетике и электронике в момент активной фазы СВО. В 2024 г. РФ ввела ограничения на экспорт обогащенного урана в Соединенные Штаты, но сделала исключения для поставок по разовым лицензиям, выданным Федеральной службой по техническому и экспортному контролю¹⁴. Возможно, определенный экономический смысл в подобных решениях есть, но они явно противоречат режиму военного противостояния и уменьшают ущерб, наносимый Соединенным Штатам, поэтому они не отреагируют ни на какие сигналы.

5. *Экспроприация активов иностранных компаний на территории России.* Хотя процесс покупки уходящих от нас иностранных компаний продолжался еще в 2024 г., он представляется излишне либеральным. С 2022 г. сделки по продаже российских активов компаний, принадлежащих резидентам недружественных стран, нельзя проводить без одобрения правительственной комиссии, а стоимость актива определяется в ходе независимой оценки. В 2024 г. минимальный дисконт, который иностранные владельцы должны предоставить российским покупателям, увеличился с 50 до 60%, а размер «добровольного взноса» в бюджет — с 15 до 35% от рыночной стоимости актива. Хотя такие меры уменьшают нагрузку местного бизнеса, этого явно недостаточно в сложившихся условиях. Например, ушедшая от нас в 2024 г. французская компания Danone продала свой бизнес российской компании «Вамин Р» за 17,7 млрд руб. при его оценке примерно в 80 млрд руб., т.е. в 4,5 раза дешевле рыночной стоимости¹⁵. Однако ничто не мешает России осуществить полное изъятие подобных активов — в противном случае акции по перекупке выглядят как проявление слабости и урезают инвестиционные ресурсы отечественных предпринимателей, которые могли бы пойти на развитие местной экономики.

6. *Разработка бизнес-предложений для США при ликвидации конфликта.* Как было сказано выше, меры по повышению чувствительности американского истеблишмента должны включать не только прямой ущерб, но и возможные бонусы. Это тема отдельных исследований, но уже сейчас можно обозначить такое направление, как освоение Арктики в сотрудничестве с США. Например, по имеющимся

¹¹ URL.: https://www.ng.ru/world/2024-01-16/1_8923_redsea.html

¹² URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-05-25/v-suetskom-kanale-vnov-chp-2937680>

¹³ URL: https://tsargrad.tv/articles/russkij-uran-dlja-ukrainskih-snarjadov-vskrylas-neprikladnaja-tajna-torgovli-s-ssha-2_857662?utm_referrer=https%3a%2f%2fya.ru%2f

¹⁴ URL: <https://vz.ru/economy/2024/11/16/1298314.html?ysclid=m4bkfrfxna538161307>

¹⁵ URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/foreign-business-sale/?ysclid=m52d3zi9om936178046>

оценкам, грузопоток по Северному морскому пути с 2010 по 2024 г. должен возрасти в 80 раз — с 1-го до 80 млн тонн¹⁶. При этом на Арктику претендуют не только Россия и США, но и Китай, что позволяет нам играть на грамотном разведении интересов партнеров. Так, можно предложить американцам бонусы: квоты на проход через Северный морской путь, доступ к северным российским портам, допуск американского капитала в отдельные арктические проекты и т.п. Это для них достаточно серьезный повод, чтобы отказаться от поддержки Украины в пользу стратегически важного экономического направления.

Не развивая данную тему, подчеркнем, что смысл всех предлагаемых действий состоит хотя бы в частичном переносе ущерба, ощущаемого Россией, на активы Запада, и в первую очередь США. В противном случае Америка не только не отступится от своих претензий касательно Украины, но и будет продолжать поднимать ставки, что может привести к катастрофической развязке.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В заключение хотелось бы остановиться на степени востребованности выдвинутых предложений. Дело в том, что в настоящий момент в научной литературе активно обсуждается феномен прекращения гегемонии США и его последствия. Так, традиционным является мнение о том, что период геополитической монополии США заканчивается и начинается эра олигополии, проявляющейся в усиливающемся могуществе Китая и организации БРИКС (которая, по имеющимся оценкам, к концу 2030-х гг. займет первое место в G20), а также концепции афроцентризма, взятой многими странами (например, ЮАР) на вооружение в качестве теоретической основы в стремлении к своей деколонизации [11]. В связи с этим некоторые полагают, что внешняя политика США при администрации Трампа в его первый срок («доктрина Трампа») представляла собой отказ Америки от глобального лидерства в пользу реакционного популизма [12].

Некоторые аналитики, наоборот, на примере Аргентины доказывают, что Трамп, вопреки расхожему мнению, не ослабил гегемонию США в Латинской Америке, а усилил ее, опираясь на инструменты традиционной американской «долларовой дипломатии» [13]. Другие исследователи указывают, что

идущая на смену либеральному империализму так называемая «реальная политика» провоцирует войны чужими руками, не создавая при этом дополнительных институтов, практик и норм для смягчения их последствий, и это может стать новым источником международного беспорядка [14]. Развивая данную идею, ведущие политологи указывают на неспособность сменяющих друг друга администраций Трампа и Байдена отказаться от установки на главенство США, что привело к ситуации «доминирования без гегемонии», в которой Америка играет все более дисфункциональную роль — в своей внешней политике она перешла от режима «законной защиты» в середине XX в. к режиму «защитного ржета» в начале XXI в. [15].

В литературе отмечается, что существуют три варианта для того, чтобы США смогли сохранить свою гегемонию: 1) оборонительный протекционизм; 2) фрагментация международной системы; 3) запуск новой волны инноваций («омоложение»). Но, поскольку Китай демонстрирует способность и готовность стать технологическим лидером, третье из названных направлений оказывается сомнительным, продуцируя переход к двум первым вариантам, а это чревато войной за владение технологиями и контроль над ними [16]. Однако некоторые авторы, напротив, акцентируют внимание на ошибках Китая, связанных со стремлением к первенству, пугающему его соседей, тогда как у США остается в активе опыт создания обширных сетей влияния [17].

Отмеченные тенденции и факторы перестройки мирохозяйственной системы создают положительный фон для более активных действий России в противостоянии на Украине. Например, существует мнение, что главной причиной резкого ухудшения отношений между Москвой и Вашингтоном стала новая роль России в решении важнейших мировых проблем, создавшая основу для эффективного стратегического торга [18]. Хотя в отдельных публикациях отмечается, что в последнее десятилетие конфронтации между США и Россией действия последней носили вынужденный, ответный характер на недружественные выпады гегемона [19]. То есть подчеркивается утрата нашей страной стратегической инициативы в начавшемся столкновении.

Вместе с тем имеются предпосылки для активного торга России и Америки. Например, некоторые специалисты считают, что Арктика — зона стратегических интересов всех государств, и разрыв связей с РФ за полярным кругом для США и стран НАТО не оправдан и не только увеличивает веро-

¹⁶ URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8679505?ysclid=m4bljliwbu471021957>

ятность эскалации геополитического конфликта, но и препятствует прогрессу в области предотвращения изменения климата [20]. Как полагают российские аналитики, проект Северного морского пути, наоборот, мог бы стать мощным стимулом для российско-американского экономического сотрудничества¹⁷. Вместе с тем китайский специалист Го Фэнли справедливо замечает, что конфликт на Украине — это часть давно подготовленной гибридной войны, цель которой состоит в сохранении гегемонии США, и пока она не будет достигнута, противник не позволит России легко «сорваться с крючка», что является ключевым фактором продолжения противостояния и повышения ставок [21]. Есть предположение, что нынешние события — прямое продолжение холодной войны, которая сразу перешла в новую стадию [22]. В то же самое время аналитики подчеркивают, что Россия и США оказались в одной цивилизационной лодке — они теряют и будут продолжать терять свой относительный вес в мировой экономике и политике¹⁸.

В одной из работ совершенно справедливо отмечается, что способом возвращения США к исторической норме поведения выступает увеличение внешнеполитических издержек страны и удорожание американской империи. Однако такая мера устрашения, как подача последнего предупредительного сигнала в форме осуществления наземного взрыва сверхкрупного ядерного боеприпаса (более 50 Мт), представляется неоправданной [1]. Взрыв на территории России (например, на Малой Земле) нанесет урон только ей, но, опять-таки, никак не затронет США — фактически это будет холостой, но очень дорогой выстрел с сугубо демонстрационными целями.

Все перечисленные факторы свидетельствуют о том, что, как Россия, так и США, находятся в крайне ненадежной ситуации, которая будет еще больше усугубляться взаимным противостоянием. В этой связи осознание явного и болезненного ущерба, который может быть нанесен США в случае продолжения конфликта на Украине на фоне возможных выгод от его завершения, могло бы послужить серьезным мотивом к отказу американского истеблишмента от игры на повышение.

¹⁷ Отношения Россия — США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России. Доклад российских участников Рабочей группы по будущему российско-американских отношений. М.: Валдай; 2011. 48 с.

¹⁸ Там же.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение ситуации в военно-стратегическом противостоянии США и России позволило наметить важные тезисы, от которых целесообразно отталкиваться в современном политическом анализе. В первую очередь это понимание истоков утраты Западом страха перед термоядерным армагеддоном, который может случиться при потере контроля над ситуацией на Украине. Это связано с уникальным в истории человеческой цивилизации феноменом *двойственности положения* России после 1991 г., когда ее властные элиты, с одной стороны, оказались под контролем Запада, а с другой — их размытость и неопределенность содержали в себе способность «восстать» и восстановить политический суверенитет страны с опорой на военно-стратегический потенциал, включая ядерный арсенал. Данная ситуация породила еще одно уникальное явление — *неопределенность «красных линий»* во внешней политике России, когда они либо не озвучивались, либо постоянно отодвигались. И хотя наша страна начала менять свою политику в этом отношении, Запад уже привык к ее избыточной осторожности и не слышит новых сигналов.

Отсутствие гибкости у Америки в ответ на заявления и действия России во многом связаны с ее ментальной моделью глобального доминирования, которая включает четыре элемента: презумпцию богоизбранности американского государства, доктрину непримиримости, стратегию тотальности и синдром отказа от неприемлемых издержек. Эффект неделимости власти накладывается на указанную модель и усугубляет нечувствительность американского истеблишмента к эскалации напряженности на Украине.

Одновременно с этим администрация США в своей тактике использует два своеобразных завещания Джона Даллеса: доктрину «балансирования на грани» и доктрину «сносной цены». Так как до настоящего времени Россия не создала никакого ощутимого ущерба для Штатов, то и отказываться от этих политических установок американским властям не имеет смысла. Вместе с тем приход к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа означает укрепление принципов плутократии в системе государственного управления и создает условия для сделки по Украине, для чего необходимо осуществить действия по нанесению неприемлемого урона для Америки.

Для этого предлагаются такие меры, как: частичное разрушение мировой инфраструктуры;

перекрытие морских торговых путей; удары по центрам принятия решений на Украине; полный запрет поставок стратегического сырья в недружественные страны; экспроприация активов иностранных компаний из недружественных стран на территории России; разработка бизнес-предложений для США при ликвидации конфликта. Данные меры должно осуществлять Правительство РФ с опорой на имеющийся в его арсенале аппарат государственного управления. Желательно, чтобы все основные мероприятия были проведены

до конца 2025 г. и начали давать результаты уже в течение указанного срока. Не вдаваясь в подробности, можно утверждать, что верховные власти страны обладают необходимыми для этого силами, ресурсами и средствами, однако их использование предполагает генерирование креативных и во многом нестандартных управленческих решений. Проведение же перечисленных акций позволит отойти от односторонних ударов по России и создать более благоприятный фон для конструктивных переговоров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тренин Д., Авакянц С., Караганов С. От сдерживания к устрашению. М.: Молодая гвардия; 2024. 152 с.
2. Балацкий Е.В. Американская модель глобального доминирования. *Terra Economicus*. 2024;22(2):6–31. DOI: 10.18522/2073–6606–2024–22–2–96–113
3. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ; 2010. 240 с.
4. Млечин Л. Главный разведчик страны мог стать президентом. Карьера Евгения Примакова. М.: Аргументы недели; 2021. 304 с.
5. Лукьянович Н.В., Сильвестров С.Н. Стратегия не прямых действий во внешней политике США. *Мир новой экономики*. 2023;17(3):18–31. DOI: 10.26794/2220–6469–2023–17–3–18–31
6. Турчин П.В. Конец времен. М.: АСТ; 2024. 432 с.
7. Балацкий Е.В. Ядерный апокалипсис пока откладывается. Капитал страны. 17.10.2024. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/yadernyi_apokalipsis_poka_otkladyvaetsya/?ysclid=m48rn8ixh3859171059
8. Уилсон Э. Планета муравьев. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн; 2022. 211 с.
9. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Дело; 2015. 535 с.
10. Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;15(6):52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3
11. Rapanyane M.B. The new world [dis] order in the complexity of multi-polarity: United States of America's hegemonic decline and the configuration of new power patterns. *Journal of Public Affairs*. 2021;21(1):e2114. DOI: 10.1002/pa.2114
12. Yom S. US foreign policy in the Middle East: The logic of hegemonic retreat. *Global Policy*. 2020;11(1):75–83. DOI: 10.1111/1758–5899.12777
13. Rowley J. Business as usual? Donald Trump and US hegemony through the lens of dollar diplomacy in Argentina. *Latin American Policy*. 2023;14(2):217–230. DOI: 10.1111/lamp.12297
14. McKeil A. The limits of realism after liberal hegemony. *Journal of Global Security Studies*. 2022;7(1):1–11. DOI: 10.1093/jogss/ogab020
15. Payne C.R., Silver B.J. Domination without hegemony and the limits of US world power. In: Young K.A., Schwartz M., Lachmann R., eds. *Trump and the deeper crisis*. Bingley: Emerald Publishing Limited; 2022:159–177. (Political Power and Social Theory. Vol. 39). DOI: 10.1108/S 0198–871920220000039009
16. Schutte G.R. The challenge to US hegemony and the “Gilpin dilemma”. *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2021;64(1): e004. DOI: 10.1590/0034–7329202100104
17. Foot R. China's rise and US hegemony: Renegotiating hegemonic order in East Asia? *International Politics*. 2020;57(1):150–165. DOI: 10.1057/s41311–019–00189–5
18. Тонких В.А., Кондратенко Л.И. Россия — США: от холодного мира к холодной войне. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2021;(1):86–91.
19. Косов А.П. Политика России в отношении США в период третьего президентства В.В. Путина: от «перезагрузки» к новой конфронтации. *Журнал международного права и международных отношений*. 2022;(3–4):28–36. DOI: 10.33581/2072–0513–2022–3–4–28–36
20. Селезнев П.С. Арктика как новая зона противостояния России и НАТО. *Экономические науки*. 2024;(233):487–495. DOI: 10.14451/1.233.487

21. Го Ф. Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2023;(2):146–155.
22. Хорошев А.А., Беспалько Г.Н. «Холодная война»: политическое мышление и практика противостояния двух мировых систем. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022;12(7):2629–2636. DOI: 10.35775/PSI.2022.88.7.032

REFERENCES

1. Trenin D., Avakyants S., Karaganov S. From deterrence to intimidation. Moscow: Molodaya gvardiya; 2024. 152 p. (In Russ.).
2. Balatsky E. The American model of global dominance. *Terra Economicus*. 2024;22(2):96–113 (In Russ.). DOI: 10.18522/2073–6606–2024–22–2–96–113
3. Lukes S. Power: A radical view. London: Palgrave Macmillan; 2005. 192 p. (Russ. ed.: Lukes S. Vlast': Radikal'nyi vzglyad. Moscow: HSE Publ.; 2010. 240 p.).
4. Mlechin L. The country's top intelligence officer could have become president: The career of Evgeny Primakov. Moscow: Argumenty nedeli; 2021. 304 p. (In Russ.).
5. Lukyanovich N.V., Silvestrov S.N. The strategy of indirect approach in the U.S. foreign policy. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2023;17(3):18–31. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2023–17–3–18–31
6. Turchin P.V. The end of times. Moscow: AST; 2024. 432 p. (In Russ.).
7. Balatsky E.V. Nuclear apocalypse is postponed for now. Kapital strany. Oct. 17, 2024. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/yadernyi_apokalipsis_poka_otkladyvaetsya/?ysclid=m48rn8ixh3859171059 (In Russ.).
8. Wilson E.O. Tales from the ant world. New York, NY: Liveright Publishing Corp.; 2020. 240 p. (Russ. ed.: Wilson E. Planeta murav'ev. Moscow: Alpina Non-Fiction; 2022. 211 p.).
9. Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective. Moscow: Delo; 2015. 535 p. (In Russ.).
10. Balatsky E.V. Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: The hybrid war of civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(6):52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3 (In Russ.: *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2022;15(6):52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3).
11. Rapanyane M.B. The new world [dis] order in the complexity of multi-polarity: United States of America's hegemonic decline and the configuration of new power patterns. *Journal of Public Affairs*. 2021;21(1): e2114. DOI: 10.1002/pa.2114
12. Yom S. US foreign policy in the Middle East: The logic of hegemonic retreat. *Global Policy*. 2020;11(1):75–83. DOI: 10.1111/1758–5899.12777
13. Rowley J. Business as usual? Donald Trump and US hegemony through the lens of dollar diplomacy in Argentina. *Latin American Policy*. 2023;14(2):217–230. DOI: 10.1111/lamp.12297
14. McKeil A. The limits of realism after liberal hegemony. *Journal of Global Security Studies*. 2022;7(1):1–11. DOI: 10.1093/jogss/ogab020
15. Payne C.R., Silver B.J. Domination without hegemony and the limits of US world power. In: Young K.A., Schwartz M., Lachmann R., eds. Trump and the deeper crisis. Bingley: Emerald Publishing Limited; 2022:159–177. (Political Power and Social Theory. Vol. 39). DOI: 10.1108/S 0198–871920220000039009
16. Schutte G.R. The challenge to US hegemony and the “Gilpin dilemma”. *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2021;64(1): e004. DOI: 10.1590/0034–7329202100104
17. Foot R. China's rise and US hegemony: Renegotiating hegemonic order in East Asia? *International Politics*. 2020;57(1):150–165. DOI: 10.1057/s41311–019–00189–5
18. Tonkikh V.A., Kondratenko L.I. Russia — U.S.A.: From cold peace to cold war. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2021;(1):86–91. (In Russ.).
19. Kosov A.P. Russia's policy towards the United States during Vladimir Putin's third presidency: From “reset” to a new confrontation. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii = Journal of International Law and International Relations*. 2022;(3–4):28–36. (In Russ.). DOI: 10.33581/2072–0513–2022–3–4–28–36
20. Seleznev P.S. The Arctic as a new zone of confrontation between Russia and NATO. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2024;(233):487–495. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.233.487

21. Go F. Hybrid war of the United States and its allies against Russia in the context of the special military operation. *Grazhdanin. Vyborny. Vlast' = Citizen. Elections. Authority*. 2023;(2):146–155. (In Russ.).
22. Khoroshev A.A., Bepalko G.N. “Cold war”: Political thinking and practice of confrontation between two world systems. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii = Issues of National and Federative Relations*. 2022;12(7):2629–2636. (In Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2022.88.7.032

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Евгений Всеволодович Балацкий — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Российская Федерация

Evgeny V. Balatsky — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

evbalatsky@inbox.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.01.2025; после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 12.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.01.2025; revised on 03.03.2025 and accepted for publication on 12.03.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-22-32
УДК 336.74:004(45), 347.73:004(45), 336.743(045)
JEL K22, G23, G28, E42, O33

Криптовалюты и цифровые активы в современной правовой и финансовой системе России: проблемы терминологии и классификации

А.В. Крупочкин, И.П. Хоминич

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме терминологической неопределенности и отсутствия единой классификации криптовалют и цифровых активов в современном российском законодательстве. Несмотря на принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в правоприменительной практике остается множество спорных вопросов относительно правового статуса криптовалют и их места в финансовой системе. В статье проанализированы существующие подходы к определению цифровых активов в российских и международных нормативных актах, а также в научной литературе. Отмечено разнообразие классификаций и функциональных характеристик, присущих различным видам криптовалют и токенов. Выявлены ключевые противоречия между децентрализованной природой криптовалют и попытками государственного регулирования. Сформулированы авторские определения цифровой валюты, криптоактива и криптовалюты, учитывающие технологические, экономические и правовые аспекты. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства и выработке согласованных стандартов в сфере цифровых финансовых активов. Авторы подчеркивают необходимость достижения баланса интересов государства, бизнеса и общества для успешного развития цифровой экономики в России.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровой актив; цифровая валюта; блокчейн; распределенный реестр; правовое регулирование; классификация; децентрализованные финансы

Для цитирования: Крупочкин А.В., Хоминич И.П. Криптовалюты и цифровые активы в современной правовой и финансовой системе России: проблемы терминологии и классификации. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):22-32. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-22-32

ORIGINAL PAPER

Cryptocurrencies and Digital Assets in the Modern Legal and Financial System of Russia: Problems of Terminology and Classification

A.V. Krupochkin, I.P. Khominich

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of terminological uncertainty and the lack of a unified classification of cryptocurrencies and digital assets in modern Russian legislation. Despite the adoption of Federal Law from 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", there are many controversial issues in law enforcement practice regarding the legal status of cryptocurrencies and their place in the financial system. The article analyzes existing approaches to defining digital assets in Russian and international regulations, as well as in scientific literature. The variety of classifications and the variety of functional characteristics inherent in different types of cryptocurrencies and tokens are noted. Key contradictions between the decentralized nature of cryptocurrencies and attempts at government regulation are identified. The author's definitions of digital currency, cryptoasset and cryptocurrency

© Крупочкин А.В., Хоминич И.П., 2025

are formulated, taking into account technological, economic and legal aspects. Recommendations are proposed for improving legislation and developing agreed standards in the field of digital financial assets. The authors emphasize the need to balance the interests of the state, business, and society to ensure the successful development of the digital economy in Russia.

Keywords: cryptocurrency; digital asset; digital currency; blockchain; distributed ledger; legal regulation; classification; decentralized finance

For citation: Krupochkin A.V., Khominich I.P. Cryptocurrencies and digital assets in the modern legal and financial system of Russia: Problems of terminology and classification. *The World of the New Economy*. 2025;19(2):22-32. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-22-32

ВВЕДЕНИЕ

Развитие технологий распределенного реестра и появление криптовалют привело к формированию нового пласта экономических отношений, требующих адекватного правового регулирования. Однако динамичность и трансграничность цифровых активов (ЦА) вступают в противоречие с традиционными подходами к финансовому регулированию, основанными на принципах централизации и национального суверенитета.

Динамика развития криптовалют за последнее десятилетие демонстрирует их трансформацию из нишевого технологического эксперимента в глобальный финансовый феномен. Совокупная капитализация крипторынка в 2025 г. превысила 3 трлн долл. США¹, при этом более 20% пользователей криптовалют приходится на страны СНГ, включая Россию. Это создает уникальные вызовы для национального регулирования, особенно в условиях санкционного давления и стремления РФ к цифровому суверенитету. Например, в 2023 г. доля рублевых пар на P2P-платформах выросла на 35%, что подчеркивает увеличивающийся спрос на альтернативные финансовые инструменты среди россиян. Однако, в отличие от Китая, внедрившего цифровой юань, или ЕС, принявшего Регламент MiCA², Россия остается в «серой зоне», где легальный статус криптоактивов ограничен Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее — 259-ФЗ), но их реальное использование продолжает расширяться. Такая двойственность усиливает правовые риски и замедляет интеграцию блокчейн-технологий в ключевые секторы экономики.

Отсутствие единой терминологии и общепринятой классификации цифровых активов ослож-

няет выработку согласованных правил и создает правовую неопределенность для участников рынка.

В данной статье предпринята попытка систематизировать существующие подходы к определению криптовалют и цифровых активов, а также предложить авторские формулировки, учитывающие специфику рассматриваемых явлений. Авторами анализируются ключевые проблемы, связанные с применением действующего законодательства РФ к операциям с криптовалютами, и даются рекомендации по его совершенствованию.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование опирается на теоретический анализ имеющейся доктрины с учетом различных позиций в научном дискурсе, а также прецеденты правоприменительной практики. С помощью системного и функционального подхода сделана попытка увязать технологические характеристики (децентрализация, блокчейн, токены) с экономическими и правовыми аспектами, чтобы предложить собственные формулировки и классификационные критерии. Для этого последовательно рассматриваются несколько плоскостей: технологическая (особенности распределенного реестра, смарт-контракты), экономическая (функция средства платежа, проблема оценочной стоимости токенов) и юридическая (правовой режим, запрет на использование в качестве платежного средства, регистрационные требования).

В статье применяется метод контент-анализа нормативных и доктринальных источников, позволяющий выявить терминологические несогласованности и пробелы в законодательстве. Сравнительный метод (сопоставление российских и международных позиций) помогает дополнительно подчеркнуть противоречия в подходах к правовому регулированию, а системный обеспечивает всесторонний взгляд на проблему: рассматриваются не только сами тексты законов, но и их действие в реальной финансовой сфере. Авторы стремятся к комплексной классификации, ссылаясь на многообразие воззрений и признавая, что

¹ URL: <https://coinmarketcap.com>

² URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114>

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=m8hgtpsoks151221684

единая формула должна отражать как минимум три ключевых аспекта (правовой, экономический, технологический).

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Одной из основных проблем в сфере регулирования цифровых активов является отсутствие единого подхода к их определению и классификации как в российском, так и международном праве. Законодательные дефиниции цифровых активов в России не учитывают их функциональную многозначность, а в правовой системе сохраняется терминологическая неопределенность, препятствующая формированию универсальных критериев их классификации [1–3]. 259-ФЗ впервые ввел в российское законодательство понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта», однако эти определения, как отмечает А.В. Габов, разрабатывались в первую очередь для регулирования централизованных цифровых валют (например, цифровой рубля) и не учитывают специфику децентрализованных криптовалют, что приводит к избыточной формализации норм [1]. Они не в полной мере отражают технологические, экономические и функциональные особенности криптовалют, носят декларативный характер и не обеспечивают гибкого регулирования, необходимого для цифровой экономики. В частности, цифровая валюта (ЦВ) определяется как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа. Однако криптовалюты, основанные на децентрализованных блокчейнах, как правило, не имеют единого эмитента или оператора, который мог бы гарантировать исполнение обязательств [4]. Отсутствие четкой классификации, по мнению О.В. Лосевой, осложняет не только оценку стоимости цифровых активов, но и их интеграцию в правовое поле, поскольку регуляторы не могут опереться на единые критерии [5].

Кроме того, 259-ФЗ прямо запрещает использование цифровой валюты в качестве средства платежа на территории РФ, что противоречит уже сложившимся практикам применения криптовалют для оплаты товаров и услуг в сети Интернет и даркнете [6]. Это создает правовую коллизию, когда фактическое использование криптовалют опережает законодательное регулирование и не охватывается

действующими нормами. Как подчеркивает А.В. Габов, российский законодатель смешивает понятия «цифровая валюта» (например, цифровой рубль) и «криптовалюта», что создает терминологическую путаницу и препятствует формированию четких критериев классификации [1].

Подобная проблема актуальна не только для России, но и для других юрисдикций. Например, в США Комиссия по ценным бумагам и биржам США классифицирует криптовалюту Bitcoin как товар, а Ethereum — как потенциальную ценную бумагу, что вызывает споры в судебной практике⁴. MiCA вводит четкое разделение на «электронные токены» и «утилитарные токены», что упрощает регулирование. В свою очередь, 259-ФЗ объединяет все цифровые активы под общими определениями, игнорируя их функциональное разнообразие.

Ярким примером последствий такой неопределенности стал случай в 2022 г., когда суд в Москве отказался признать Bitcoin в качестве средства платежа в деле о взыскании долга, сославшись на отсутствие «законного статуса»⁵. Однако в Дубае в 2023 г. криптовалюты были легализованы как платежное средство для госуслуг, что стимулировало приток инвестиций в ОАЭ.

В научной литературе существенное внимание уделяется разграничению понятий «виртуальная валюта», «электронные денежные средства», «цифровая валюта» и «криптовалюта». Например, Европейский центральный банк рассматривает виртуальные валюты как разновидность нерегулируемых цифровых денег, которые создаются частными лицами или организациями и используются среди членов виртуального сообщества⁶. В то же время Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF) определяет виртуальную валюту как цифровое представление стоимости, которое может продаваться в цифровой форме и функционирует как средство обмена, расчетная единица или способ хранения стоимости, но не имеет законного статуса⁷.

Очевидно, что по своим техническим характеристикам криптовалюты подпадают под все эти определения. Но правильно ли ставить знак равенства

⁴ URL: <https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2020-338>

⁵ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/4cASe7Q2ZX5z/>

⁶ URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/financial-stability/fsr/html/ecb.fsr202211-2c387cac68.en.html>

⁷ URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets-2021.html>

между ними и электронными денежными средствами (ЭДС)? Ведь, согласно Федеральному закону от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»⁸ (далее — 161-ФЗ), ЭДС должны быть номинированы в рублях или иностранной валюте, и по требованию клиента оператор обязан погасить их остаток. Децентрализованные криптовалюты, напротив, не имеют обязательств по погашению и свободно конвертируются по рыночному курсу.

Отдельные исследователи предлагают рассматривать криптовалюты в качестве «цифрового товара» или «нематериального актива»⁹ [7]. Однако представляется, что даже при этом не вполне учитываются все нюансы их оборота, ведь криптовалюты могут быть не только объектом купли-продажи, но и использоваться в качестве платежного инструмента или средства накопления, что явно выходит за рамки традиционного понимания товара.

КЛАССИФИКАЦИЯ КРИПТОВАЛЮТ И ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Одна из основных проблем систематизации криптовалют и цифровых активов заключается в разнообразии оснований и подходов для классификации. Так, А.В. Габов указывает, что цифровой рубль, как централизованный инструмент, требует принципиально иного подхода к регулированию, чем децентрализованные криптовалюты, однако действующее законодательство не проводит между ними четкой границы [1]. В частности, в российской правовой доктрине доминирует фрагментарный подход, не учитывающий функциональную многозадачность криптоактивов [2]. В качестве критериев выделения видов могут использоваться технологический дизайн, экономическое назначение, юридический статус или функциональные особенности конкретных инструментов. Тем не менее зачастую криптовалюты и токены обладают гибридной природой, совмещая свойства различных классов активов. Как указывает О.В. Лосева, для целей стоимостной оценки цифровые активы требуют особой классификации, учитывающей не только их технологические характеристики, но и рыночную ликвидность, волатильность и потенциал монетизации, поэтому универсальный подход к систематизации пока отсутствует [5].

В некоторых классификациях, в зависимости от механизма создания и обращения, выделяют:

- нативные криптовалюты, имеющие собственный блокчейн (Bitcoin, Ethereum, Litecoin);
- токены-акции, дающие право на владение долей в капитале компании или на получение дивидендов. Как отмечает Комиссия по ценным бумагам и биржам США, такие токены подпадают под определение ценных бумаг и требуют соблюдения регуляторных норм¹⁰;
- кредитные токены, обеспеченные активами и дающие право требования на базовый актив (недвижимость, ценные бумаги, товары);
- необеспеченные платежные токены, выполняющие функцию платежного средства;
- служебные токены, предоставляющие доступ к продуктам или услугам проекта;
- токены-стейблкоины, курс которых привязан к фиатным валютам, драгоценным металлам или корзине активов [4, 8].

О.В. Лосева предлагает альтернативную классификацию, ориентированную на стоимостные параметры, где цифровые активы делятся на:

- высоколиквидные ЦА, например Bitcoin;
- ЦА, привязанные к реальным активам (стейблкоины);
- инструменты с неопределенной стоимостью (служебные токены) [5].

Однако далеко не все криптовалюты однозначно вписываются в предложенную схему. Например, Ethereum успешно совмещает свойства платежного средства и платформы для создания служебных токенов и децентрализованных приложений. Токены-акции зачастую торгуются на криптобиржах наравне с классическими криптовалютами, выполняя спекулятивную функцию. А некоторые служебные токены фактически превратились в полноценные цифровые валюты после роста популярности соответствующих проектов.

По степени централизации и анонимности транзакций выделяют публичные, частные и гибридные блокчейны¹¹ [4]. Публичные (такие, как Bitcoin и Ethereum) позволяют любому пользователю читать и записывать данные, сохраняя определенную степень конфиденциальности за счет псевдонимности адресов. Частные предполагают наличие единого оператора или консорциума участ-

⁸ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/

⁹ URL: <https://www.chainalysis.com/blog/2024-crypto-crime-report-introduction/>

¹⁰ URL: <https://www.sec.gov/corpfin/framework-investment-contract-analysis-digital-assets>

¹¹ URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2023.pdf>

ников, которые устанавливают правила консенсуса и допускают новых членов по своему усмотрению. Гибридные сочетают публичный и частный функционал за счет подключения закрытых кластеров к открытой сети.

Наконец, по целевому назначению и базовым характеристикам некоторые авторы классифицируют криптовалюты как:

- средства платежа, характеризующиеся высокой ликвидностью, делимостью и портативностью: Bitcoin, Litecoin, Dash;
- платформенные, используемые для создания децентрализованных приложений и запуска первичного размещения: Ethereum, EOS, Tron, NEO;
- инвестиционные токены, представляющие собой цифровые аналоги ценных бумаг или доли в уставном капитале;
- средства сохранения стоимости и защиты от волатильности: Bitcoin, токены-стейблкоины [9].

Следует признать, что приведенные классификации не являются взаимоисключающими. Многие криптовалюты и токены на практике совмещают платежные, инвестиционные и спекулятивные функции, что затрудняет разработку единого подхода к их регулированию. Предложенные в научной литературе категории носят, скорее всего, теоретический характер и не учитывают всех технологических и экономических нюансов функционирования ЦА.

С развитием Web3 и метавселенных появились новые формы цифровых активов, требующие пересмотра классификаций:

- Непередаваемые токены (SBT) — неотчуждаемые токены, фиксирующие репутацию или достижения пользователя в децентрализованных сообществах например, в децентрализованных автономных организациях (Decentralized Autonomous Organization, DAO)¹². Их правовой статус остается неясным, так как они не подпадают под традиционные категории ценных бумаг или товаров.
- Невзаимозаменяемые токены (NFT) с утилитарными функциями: например, токены, дающие доступ к эксклюзивному контенту или физическим активам (как в проектах Porsche NFT)¹³. В нашей стране подобные попытки сталкиваются с проблемой налогообложения, так как Налоговый кодекс России не различает NFT и криптовалюты.

- Гибридные стейблкоины, например, токены, обеспеченные алгоритмическими механизмами и резервами (как децентрализованный стейблкоин (DAI)). Их двойственная природа создает риски для финансовой стабильности, что показал крах TerraUSD в 2022 г.¹⁴

Кроме того, классификации, основанные на текущем состоянии рынка, устаревают буквально на глазах. Постоянно появляются новые виды токенов и гибридных инструментов, сочетающих признаки различных классов активов. Технологическая и организационная структуры блокчейн-проектов также продолжают эволюционировать, из-за чего большинство существующих формальных критериев становятся неадекватными.

С учетом комплексной и динамичной природы криптовалют и цифровых активов *представляется целесообразным на данном этапе воздержаться от попыток втиснуть их в жесткие рамки универсальных классификаций*. Вместо этого необходим дифференцированный подход к анализу и регулированию в зависимости от конкретных технологических и экономических характеристик каждого инструмента.

РИСКИ И УГРОЗЫ, СВЯЗАННЫЕ С КРИПТОВАЛЮТАМИ И ЦИФРОВЫМИ АКТИВАМИ

Внедрение криптовалют и цифровых активов в финансовую систему России формирует комплекс рисков, требующих многоаспектного анализа, так как они влияют как на микроуровень (частных участников рынка), так и макроэкономическую стабильность, создавая вызовы для регуляторов, финансовых институтов и общества в целом.

Риски для частных инвесторов

Основной угрозой для физических лиц остается экстремальная волатильность криптовалютных рынков. Например, в 2021 г. курс Bitcoin за три месяца упал на 65%, из-за чего инвесторы понесли значительные убытки [3, 10]. Подобные колебания усугубляются отсутствием фундаментальных механизмов ценообразования, превращая криптоактивы в высокорискованный инструмент для неопытных участников рынка.

Серьезную проблему представляет распространение мошеннических схем: фишинговые атаки,

¹² URL: <https://decentraland.org/dao/>

¹³ URL: <https://newsroom.porsche.com/en/2023/company/porsche-nft-collection-ethereum-web3-31868.html>

¹⁴ URL: <https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2023-32>

финансовые пирамиды (например, российская схема «Finiko» 2021 г.) и поддельные первичные размещения [11, 12]. В одном из исследований отмечается, что более 30% криптовалютных проектов, позиционирующих себя как инвестиционные фонды, не соответствуют заявленным целям, а их структура зачастую имитирует классические пирамидальные схемы [11]. Децентрализованная природа блокчейна затрудняет идентификацию злоумышленников, а отсутствие регулирования повышает уязвимость инвесторов.

Киберугрозы также являются критическим фактором риска. В 2023 г. совокупные убытки от взломов криптобирж достигли 3,8 млрд долл., включая инциденты с участием российских пользователей [13]. Утрата средств вследствие компрометации приватных ключей или смарт-контрактов не подлежит восстановлению, поскольку децентрализованные системы исключают возможность гарантийных обязательств [14].

Дополнительным барьером выступает правовая неопределенность. Банки РФ блокируют счета при подозрении в операциях с криптовалютами, ссылаясь на нормы 259-ФЗ, что порождает для инвесторов юридические и финансовые сложности [15].

Угрозы финансовой стабильности

На макроуровне криптовалюты способны дестабилизировать традиционные финансовые институты. По оценкам Банка России, до 40% операций с ЦА не декларируются, что способствует уклонению от налогов и сокращению фискальных поступлений¹⁵.

Массовая миграция капитала в криптовалюты может ослабить контроль центральных банков над денежной массой. Децентрализованные финансы (DeFi) создают альтернативную платежную экосистему, конкурирующую с фиатными валютами, что угрожает монетарному суверенитету государства¹⁶.

Рост DeFi-платформ, таких как децентрализованные биржи и кредитные протоколы, снижает спрос на традиционные банковские услуги, ставя под вопрос доходность сектора¹⁷. Это требует пересмотра стратегий регулирования для минимизации системных рисков.

¹⁵ URL: <https://www.cbr.ru/finstab/review/>

¹⁶ URL: <https://www.bis.org/publ/othp33.htm>

¹⁷ URL: https://www.bankingsupervision.europa.eu/press/supervisory-newsletters/newsletter/2023/html/ssm.nl230215_1_en.html

Расширение нелегальной деятельности

Криптовалюты активно используются в противоправных целях: 23% транзакций Bitcoin связаны с незаконными операциями, включая отмывание денег и торговлю на даркнет-рынках. Анонимность клиентов и кросс-границный характер блокчейна усложняют идентификацию участников, создавая угрозу для национальной безопасности [6].

Особую озабоченность вызывает финансирование терроризма. Кriptoактивы позволяют запрещенным организациям обходить санкции и перемещать средства вне традиционной банковской системы [15]. Санкционное давление на Россию дополнительно стимулирует использование стейблкоинов (например, USDT) для нелегального вывода капитала, что подрывает эффективность валютного контроля [16].

Риски, связанные с криптовалютами, носят многомерный характер, затрагивая правовую, экономическую и технологическую сферы. Для минимизации угроз необходима разработка сбалансированной регуляторной системы, сочетающей защиту инвесторов, противодействие нелегальным операциям и интеграцию инноваций в финансовую систему. Как подчеркивают эксперты, игнорирование этих вызовов может привести к системным кризисам, тогда как их учет способен создать условия для устойчивого развития цифровой экономики.

АВТОРСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

С учетом проведенного анализа терминологии и правового регулирования представляется необходимым разграничить понятия «цифровая валюта», «криптоактив» и «криптовалюта» следующим образом:

Цифровая валюта — виртуальный актив, существующий в электронной форме и основанный на технологических решениях, включающих как централизованные, так и децентрализованные системы учета. Она позволяет осуществлять платежи за товары и услуги и внутри страны, и при международных расчетах, служит средством сохранения стоимости, выступает расчетной единицей при определении и выражении цен.

Под данное понятие подпадают проекты национальных цифровых валют, выпускаемых центральными банками на базе государственных блокчейн-платформ (цифровые рубли, юани, доллары и т.п.). Их ключевым признаком является централизованный характер эмиссии и наличие законодательно

установленных правил обращения. При этом цифровые валюты центральных банков, как правило, признаются законным средством платежа наравне с традиционными фиатными деньгами.

Криптоактив — цифровой актив, создаваемый и функционирующий при помощи криптографических технологий и распределенных реестров, который может быть в роли средства обмена, объекта инвестиций или использоваться для подтверждения прав в экосистеме.

В данном случае акцент делается не на платежную функцию, а на технологию хранения и учета прав на актив. Любые токены, выпускаемые на блокчейне, могут рассматриваться как разновидность криптоактивов, вне зависимости от их экономической сущности. Это определение охватывает большинство существующих криптовалют и токенов, а также производные финансовые инструменты, такие как фьючерсы и опционы на криптовалюту.

Криптовалюта — децентрализованная цифровая форма денег, создаваемая и защищаемая при помощи криптографических методов на основе распределенных реестров, что позволяет участникам сети осуществлять прямой обмен ценностями без традиционных финансовых посредников и открытия банковского счета.

Определяющими признаками криптовалюты являются децентрализация инфраструктуры, использование методов криптографии для защиты транзакций и отсутствие обеспечения в виде традиционных активов. При этом основное экономическое назначение классических криптовалют состоит в том, что они выступают средством обмена, платежа и накопления.

Следует особо подчеркнуть, что предложенные определения носят авторский характер и не претендуют на универсальность. В контексте правового регулирования и государственного контроля они могут дополняться рядом дополнительных признаков, отражающих позицию регулятора.

Предлагаемое авторами определение «**криптоактив**» коррелирует с подходом FATF («цифровое представление стоимости»), но дополняет его технологическим критерием «использование распределенного реестра». Это позволяет, например, исключить из категории централизованные игровые токены (типа V-Bucks), регулируемые иначе.

В нашей трактовке понятия «**криптовалюта**» акцент делается на децентрализации, что отличает ее от цифрового рубля, но соответствует позиции Банка России, запрещающего частные платежные

токены. Однако это противоречит практике Казахстана, где криптовалюты с 2021 г. признаны цифровыми активами, что позволило легализовать майнинг. Такие различия подчеркивают необходимость адаптации терминологии к национальным приоритетам с сохранением при этом совместимости с глобальными стандартами.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

На основе проведенного анализа проблем терминологии и классификации цифровых активов можно сформулировать предложения по дальнейшему развитию российского законодательства в этой сфере. Для этого необходимо:

1. Унифицировать понятийный аппарат на уровне федеральных законов и подзаконных нормативных актов, устранив противоречия между различными определениями цифровых активов, криптовалют и токенов. В частности, целесообразно уточнить соотношение ЦА и ЦВ в рамках перспективного регулирования рынка криптовалют.

2. Предусмотреть в нормативной базе возможность функционального разграничения ЦА в зависимости от их фактического использования в гражданском обороте (платежные, служебные и инвестиционные токены и пр.). Это позволит дифференцировать требования к эмитентам и операторам с учетом рисков и особенностей каждого вида активов.

Авторская классификация криптовалют и цифровых активов по типу функционирования с учетом положений действующих в России нормативных документов приведена на *рисунке*.

По мнению авторов, классификация с учетом МСФО IAS 32 более корректна, и в категории цифровых финансовых активов необходимо включить ЭДС и ЦВ, в связи с чем предлагается внести соответствующие изменения в 259-ФЗ и 161-ФЗ.

3. Разработать согласованную систему бухгалтерского учета и налогообложения операций с ЦФА и криптовалютами, обеспечивающую баланс между борьбой с незаконными транзакциями и созданием благоприятных условий для развития цифровой экономики. В частности, важно определить порядок отражения криптоактивов в балансе организаций и физических лиц, а также механизмы исчисления и уплаты налогов с доходов от их обращения.

4. Создать правовые условия для интеграции смарт-контрактов и других технологических ре-

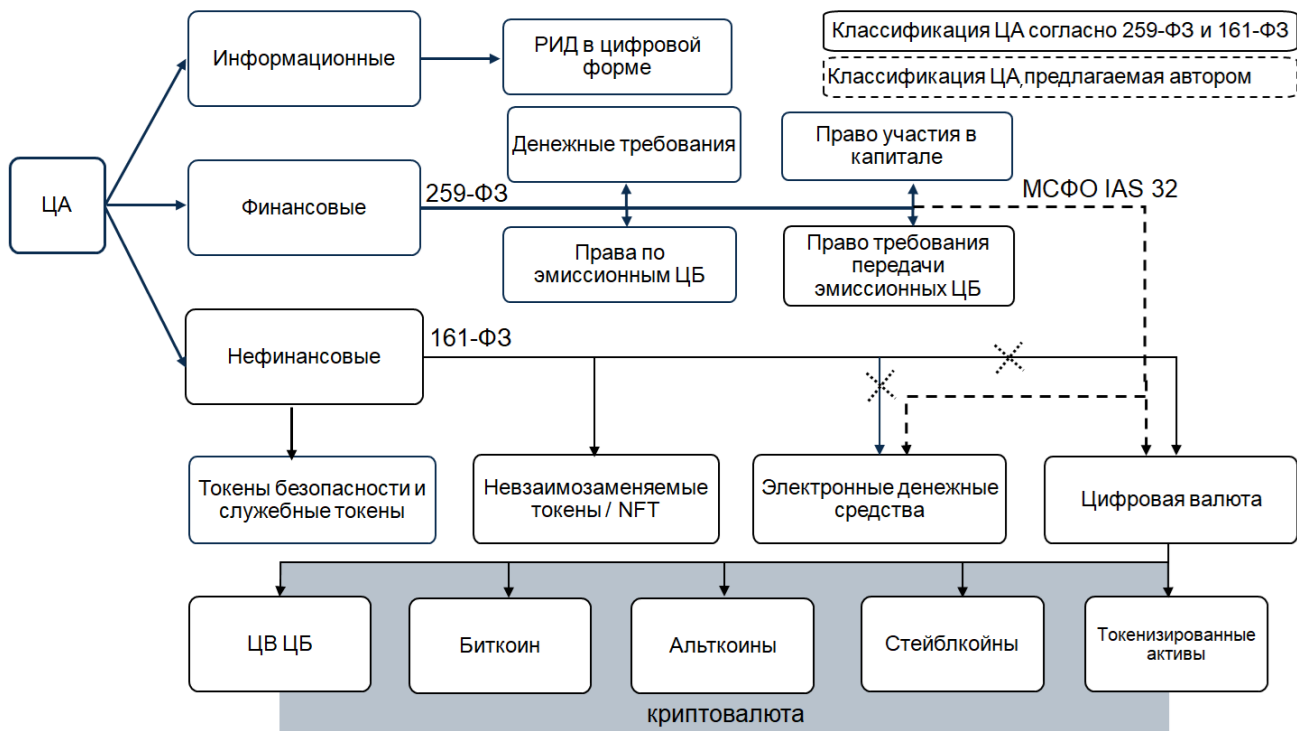

Рис. / Fig. Классификация криптовалют и цифровых активов по типу функционирования /
Classification of cryptocurrencies and digital assets by type of functioning

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: сплошная линия – классификация по 161-ФЗ и 259-ФЗ; пунктирная – противоречия с МСФО IAS 32 / solid line – classification according to 161-FZ and 259-FZ; dotted line – contradictions with IFRS IAS 32.

шений на базе распределенного реестра в существующую систему договорных отношений, что предполагает уточнение правового статуса смарт-контрактов, определение требований к их форме и содержанию, а также решение вопросов ответственности и применимого права.

5. Активизировать взаимодействие с международными организациями и зарубежными регуляторами в целях выработки общих стандартов и унификации подходов к регулированию ЦА. С учетом трансграничного характера большинства блокчейн-проектов важно обеспечить совместимость российского законодательства с глобальными правилами игры на крипторынке.

6. Внедрить механизмы защиты инвесторов. Предлагается создание правовых условий для лицензирования криптобирж по аналогии с регламентом MiCA, который устанавливает требования к прозрачности операций, капитализации платформ и защите клиентских активов. При этом целесообразно разработать государственную платформу для верификации первичных размещений, обеспечивающую проверку легитимности проектов, анализ «white paper» (исходных технических документов

для криптоинструментов) и соответствие стандартам раскрытия информации. Подобный подход, как отмечает Европейский центральный банк, позволяет снизить риски мошенничества и повысить доверие инвесторов к цифровым активам¹⁸.

7. Усилить контроль за нелегальными операциями. Ключевым элементом регулирования должно стать внедрение обязательных процедур KYC (Know Your Customer – «Знай своего клиента») и AML (Anti-Money Laundering – «Противодействие отмыванию денежных средств»), предусматривающих идентификацию пользователей на всех этапах взаимодействия с криптоплатформами. Данные меры, закрепленные в Соглашении Росфинмониторинга, уже доказали свою эффективность в традиционной финансовой системе¹⁹.

8. Создать методологию стресс-тестирования для оценки системных рисков, аналогичную подходу Европейского центрального банка, который

¹⁸ URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/financial-stability-publications/fsr/html/index.en.html>

¹⁹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_275858/

анализирует влияние ЦА на ликвидность банков, волатильность капитала и устойчивость платежной инфраструктуры. Такой анализ позволит прогнозировать сценарии кризисов, связанных с массовым переходом населения к использованию криптовалют, и своевременно корректировать регуляторные нормы.

Реализация предложенных мер, предусматривающая синхронизацию российского законодательства с международными стандартами, поможет не только устранить существующие правовые пробелы и коллизии, но и создать основу для сбалансированного включения ЦА в финансово-экономическую систему России. Это обеспечит гармонизацию инновационного развития цифровой экономики с защитой национальных интересов и будет способствовать устойчивой интеграции новых технологий в правовое поле.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показал, что в настоящий момент в российском законодательстве и правоприменительной практике отсутствует четкая и непротиворечивая система терминов и классификаций в сфере криптовалют и цифровых активов. 259-ФЗ не смог в полной мере снять существующие правовые неопределенности и коллизии. Предложенные в законе понятия «цифровая валюта» и «цифровые финансовые активы» недостаточно полно отражают технологические и экономические особенности криптовалют и токенов и вступают в противоречие со сложившимися практиками их использования.

В то же время разнообразие подходов к систематизации и множественность признаков цифровых активов в научной литературе затрудняют выработку универсальных критериев их разграничения. Большинство криптовалют и токенов имеют гибридный характер, совмещая свойства платежных средств, спекулятивных инструментов и служебных единиц внутри блокчейн-систем. Попытки классифицировать их как электронные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги или цифровые права сталкиваются с существенными ограничениями.

С учетом высокой динамики развития распределенных технологий и постоянного появления новых типов цифровых инструментов представляется нецелесообразным стремление зафиксировать все возможные виды криптоактивов в рамках закрытого перечня. Вместо этого необходим гибкий

риск-ориентированный подход, позволяющий дифференцировать регулятивные требования в зависимости от конкретных целей выпуска и обращения цифрового актива, его технологической реализации и фактического использования участниками гражданского оборота.

Игнорирование рисков, связанных с криптовалютами, может привести к системным кризисам, включая утрату контроля над финансовой стабильностью и рост теневого сектора. Внедрение предложенных мер, напротив, создаст условия для устойчивого развития цифровой экономики, сочетающего инновационный потенциал блокчейн-технологий с защитой интересов государства, бизнеса и общества. Достижение этого баланса требует не только правовых реформ, но и активного диалога между регуляторами, участниками рынка и научным сообществом.

Предложенные в статье авторские определения цифровой валюты, криптоактива и криптовалюты направлены на уточнение ключевых характеристик исследуемых феноменов с учетом правовых, экономических и технических аспектов. Они могут служить ориентиром для дальнейшего развития нормативного регулирования в условиях отсутствия устоявшихся подходов. При этом важно обеспечить терминологическое единство различных нормативных актов и интеграцию российских норм с международными стандартами.

Дальнейшее совершенствование российского законодательства должно идти по пути установления правовых основ выпуска и оборота цифровых активов (с учетом их функциональной специфики), а также снятия избыточных ограничений на применение технологий распределенного реестра в финансовой сфере. Особого внимания заслуживают вопросы налогообложения, бухгалтерского учета и отчетности, связанные с владением и совершением операций с криптоактивами. Важно выработать сбалансированный подход, который, с одной стороны, противодействует использованию криптовалют в противоправных целях, а с другой — не препятствует цифровым инновациям и развитию отечественной индустрии блокчейна.

Достижение ясности в базовых определениях и принципах регулирования создаст условия для формирования в России зрелого рынка цифровых активов, способного привлечь инвестиции и технологические компетенции при соблюдении прав и законных интересов всех участников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Габов А.В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав. *Актуальные проблемы российского права*. 2021;16(4):55–65. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065
2. Савельева М.В. О формировании механизма правового регулирования отношений, связанных с криптоактивами, в эпоху глобальной цифровизации. *Академический юридический журнал*. 2022;23(1):78–86. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1):78-86
3. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2022;17(3):75–130. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-04
4. Narayanan A., Bonneau J., Felten E., et al. Bitcoin and cryptocurrency technologies. Draft. Princeton: Princeton University Press; 2015. 29 p. URL: <http://vis.usal.es/rodrigo/documentos/papers/Narayanan2015.pdf>
5. Лосева О.В. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022;(2):45–57. DOI: 10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57
6. Foley S., Karlsen J.R., Putniņš T.J. Sex, drugs, and Bitcoin: How much illegal activity is financed through cryptocurrencies? *The Review of Financial Studies*. 2019;32(5):1798–1853. DOI: 10.1093/rfs/hhz015
7. Фролов И.В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе. *Право и экономика*. 2019;(6):5–17.
8. Yazman E., Sharif H. Categorization of cryptoassets. In: Munoz J.M., Frenkel M., eds. *The economics of cryptocurrencies*. Abingdon: Routledge; 2020:34–50.
9. Zetzsche D.A., Buckley R.P., Arner D.W., Föhr L. The ICO gold rush: It's a scam, it's a bubble, it's a super challenge for regulators. *Harvard International Law Journal*. 2019;60(2):267–315. URL: https://journals.law.harvard.edu/ilj/wp-content/uploads/sites/84/3_ICO_60.2.pdf
10. Katsiampa P. Volatility estimation for Bitcoin: A comparison of GARCH models. *Economics Letters*. 2017;158:3–6. DOI: 10.1016/j.econlet.2017.06.023
11. Bianchi D., Babiak M. On the performance of cryptocurrency funds. *Journal of Banking & Finance*. 2022;138:106467. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2022.106467
12. Shahzad S.J.H., Anas M., Bouri E. Price explosiveness in cryptocurrencies and Elon Musk's tweets. *Finance Research Letters*. 2022;47B:102695. DOI: 10.1016/j.frl.2022.102695
13. Conlon T., Corbet S., McGee R.J. Are cryptocurrencies a safe haven for equity markets? An international perspective from the COVID-19 pandemic. *Research in International Business and Finance*. 2020;54:101248. DOI: 10.1016/j.ribaf.2020.101248
14. Narayanan A., Bonneau J., Felten E., et al. Bitcoin and cryptocurrency technologies: A comprehensive introduction. Princeton: Princeton University Press; 2016. 336 p.
15. Кинсбургская В.А. Идентификация держателей криптовалюты в целях противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. *Национальная безопасность / nota bene*. 2019;(3):1–14. DOI: 10.7256/2454-0668.2019.3.29720
16. Эскиндаров М.А., Масленников В.В., Масленников О.В. Риски и шансы цифровой экономики в России. *Финансы: теория и практика*. 2019;23(5):6–17. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-6-17

REFERENCES

1. Gabov A.V. A digital ruble of the Central Bank as a civil rights object. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(4):55–65. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065
2. Savelyeva M.V. On the formation of the mechanism of legal regulation of relations related to cryptoassets in the era of global digitalization. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2022;23(1):78–86. (In Russ.). DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1):78-86
3. Kochergin D. Crypto-assets: Economic nature, classification and regulation of turnover. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organisations Research Journal*. 2022;17(3):75–130. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-04
4. Narayanan A., Bonneau J., Felten E., et al. Bitcoin and cryptocurrency technologies. Draft. Princeton: Princeton University Press; 2015. 29 p. URL: <http://vis.usal.es/rodrigo/documentos/papers/Narayanan2015.pdf>
5. Loseva O.V. Types and classification of digital assets for valuation purposes. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2022;(2):45–57. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57

6. Foley S., Karlsen J.R., Putniņš T.J. Sex, drugs, and Bitcoin: How much illegal activity is financed through cryptocurrencies? *The Review of Financial Studies*. 2019;32(5):1798–1853. DOI: 10.1093/rfs/hhz015
7. Frolov I.V. Cryptocurrency as a digital financial asset in Russian jurisdiction: On the issue of corporeal or legally binding concept. *Pravo i ekonomika*. 2019;(6):5–17. (In Russ.).
8. Yazman E., Sharif H. Categorization of cryptoassets. In: Munoz J.M., Frenkel M., eds. *The economics of cryptocurrencies*. Abingdon: Routledge; 2020:34–50.
9. Zetzsche D.A., Buckley R.P., Arner D.W., Föhr L. The ICO gold rush: It's a scam, it's a bubble, it's a super challenge for regulators. *Harvard International Law Journal*. 2019;60(2):267–315. URL: https://journals.law.harvard.edu/ilj/wp-content/uploads/sites/84/3_ICO_60.2.pdf
10. Katsiampa P. Volatility estimation for Bitcoin: A comparison of GARCH models. *Economics Letters*. 2017. DOI: 10.1016/j.econlet.2017.06.023.
11. Bianchi D., Babiak M. On the performance of cryptocurrency funds. *Journal of Banking & Finance*. 2022;138:106467. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2022.106467
12. Shahzad S.J.H., Anas M., Bouri E. Price explosiveness in cryptocurrencies and Elon Musk's tweets. *Finance Research Letters*. 2022;47B:102695. DOI: 10.1016/j.frl.2022.102695
13. Conlon T., Corbet S., McGee R.J. Are cryptocurrencies a safe haven for equity markets? An international perspective from the COVID-19 pandemic. *Research in International Business and Finance*. 2020;54:101248. DOI: 10.1016/j.ribaf.2020.101248
14. Narayanan A., Bonneau J., Felten E., et al. *Bitcoin and cryptocurrency technologies: A comprehensive introduction*. Princeton: Princeton University Press; 2016. 336 p.
15. Kinsburskaya V.A. Identifying cryptocurrency holders for the purposes of counteracting laundering of illegally obtained moneys and financing of terrorism. *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene = National Security / nota bene*. 2019;(3):1–14. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0668.2019.3.29720
16. Eskindarov M.A., Maslennikov V.V., Maslennikov O.V. Risks and chances of the digital economy in Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2019;23(5):6–17. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-6-17

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анатолий Владимирович Крупочкин — главный специалист, ООО «Салым Петролеум Девелопмент», Москва, Российская Федерация

Anatoly V. Krupochkin — chief specialist, Salym Petroleum Development LLC, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0009-0003-5004-9814>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

9683601984@mail.ru

Ирина Петровна Хоминич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировых финансовых рынков и финтеха, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Irina P. Khominich — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Global Financial Markets and Fintech Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0001-9033-4669>

Khominich.IP@rea.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.01.2025; после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.01.2025; revised on 14.02.2025 and accepted for publication on 27.02.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-33-49

УДК 332.1(045)

JEL P25, P28

Развитие инновационного потенциала регионов под влиянием нефтегазовой отрасли

И.Л. Беилин

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Казань, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. В условиях национально ориентированной экономики, с учетом вызовов новейшей геополитической реальности, формирование инновационного потенциала регионального экономического развития на основе промышленной детерминанты бюджетообразующей нефтегазовой отрасли является важнейшим драйвером структурно-технологических сдвигов, модернизации современного промышленного производства и энергоперехода 4.0. Производственная эффективность нефтегазового региона оказывает сильное влияние на состояние национальной экономической системы из-за перечисления в федеральный бюджет ряда крупных налогов. При этом рентабельность регионального нефтегазохимического комплекса зависит от международных товарно-сырьевых и фондовых рынков. Поступление налогов на прибыль, доходы физических лиц и имущество нефтегазовой отрасли и обслуживающих ее секторов экономики способствуют формированию региональных бюджетов, а устойчивость и энергетическая безопасность экономики нефтегазовых регионов к внешним шокам может поддерживаться инновационными межрегиональными и межотраслевыми индустриальными кластерами с якорными предприятиями по добыче и переработке углеводородов. **Цель работы** — оценка проблем формирования и раскрытия инновационного потенциала региональной нефтегазовой промышленности как совокупности научно-технических достижений и инвестиционного климата нефтегазового региона в условиях трансформации глобального энергетического баланса, технологической и финансовой независимости, санкционных ограничений нефтегазового экспорта. **Результатом исследования** является разработка равновесной циклической модели системы приоритетных условий и оптимальных результатов формирования и раскрытия инновационного потенциала регионального развития под влиянием промышленной детерминанты бюджетообразующей нефтегазовой отрасли и направленной на поддержание экономической резильентности региона.

Ключевые слова: экономика промышленности; нефтегазовый регион; региональная экономика; инновационная активность; нефтегазохимический комплекс; высокотехнологичное развитие; энергетический суверенитет

Для цитирования: Беилин И.Л. Развитие инновационного потенциала регионов под влиянием нефтегазовой отрасли. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):33-49. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-33-49

ORIGINAL PAPER

Development of Regional Innovation Potential under the Influence of the Oil and Gas Industry

I.L. Beilin

Kazan branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Kazan, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance In the context of a nationally oriented economy, the formation of innovative potential for regional economic development based on the industrial determinant of the budget-forming oil and gas industry is the most important driver of structural and technological shifts, modernization of modern industrial production and “energy transition 4.0” taking into account the challenges of the latest geopolitical reality. The economic production efficiency of an oil and gas region has a high impact on the functioning of the national economic system due to a number of large taxes transferred to the federal budget. At the same time, the profitability of the regional petrochemical complex is dependent on international commodity and stock markets. Income taxes on profit, personal income and property of the oil and gas industry, as well as its servicing sectors of the

© Беилин И.Л., 2025

economy, contribute significantly to the formation of regional budgets, meanwhile, sustainability and energy security of the economy of oil and gas regions to overcome external shocks can be supported by innovative interregional and intersectoral industrial clusters with “anchor” enterprises for hydrocarbon extraction and processing. **The objective** of the study is to assess the formation problems and disclose the innovative potential of the regional oil and gas industry as a set of scientific and technological achievements and investment climate of the oil and gas region in the conditions of transformation of the global energy balance, technological and financial independence, sanctions restrictions on oil and gas exports. **The result of the study** is the development of an equilibrium cyclic model of the system of priority conditions and optimal results of formation and disclosure of the innovation potential of regional development under the influence of the industrial determinant of the budget-forming oil and gas industry and aimed at maintaining the economic resilience of the region.

Keywords: industrial economy; oil and gas region; regional economy; innovation activity; petrochemical complex; high-tech development; energy sovereignty

For citation: Beilin I.L. Development of regional innovation potential under the influence of the oil and gas industry. *The World of the New Economy* 2025;19(2):33-49. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-33-49

ВВЕДЕНИЕ

Системные преобразования в российском топливно-энергетическом комплексе, направленные на решение проблемы монополизации и развития инклюзивной конкурентной среды, а также либерализацию хозяйственных процессов и институциональных и структурных трансформаций (для избавления от рентно-сырьевой экономической зависимости), возможны в условиях повышения инновационной активности промышленности. Использование инновационного промышленного потенциала нефтегазового региона способно привести к достижению таких важных результатов регионального производственного развития, как:

- определенность экономических условий на весь срок разработки месторождений, предусматривающих интенсификацию нефтедобычи на давно эксплуатируемых месторождениях и эксплуатацию их спутников;
- повышение глубины переработки нефти до 99%, выхода светлых нефтепродуктов до 89%, коэффициента использования попутного нефтяного газа — до 95%;
- стимулирование инвестиционной привлекательности производственного сектора нефтегазовых регионов с учетом достижения компромисса между высокой капиталоемкостью нефтегазовой отрасли и комфортными сроками окупаемости нефтегазовых проектов;
- развитие новых технологических укладов с учетом существующей вероятности будущего устойчивого долгосрочного снижения потребления углеводородов в мировом топливно-энергетическом балансе¹.

В ходе работы были проведены:

- теоретические исследования перспектив регионального экономического развития под влиянием инноваций в высокотехнологичных производствах и сфере услуг нефтегазохимического комплекса с учетом проблем добычи и переработки тяжелой трудноизвлекаемой нефти, кластерной организации инновационной промышленной деятельности и экологической повестки;
- теоретические исследования проблем пространственного размещения инновационных производств с учетом глобальных тенденций декарбонизации и циркулярной экономики, цифровой модернизации в обрабатывающей промышленности, институциональных рамок инновационно-ресурсных индустриально развитых нефтегазовых регионов в условиях меняющихся технологических и мирохозяйственных укладов;
- регрессионный анализ и прогноз динамики объема производства, работ и услуг нефтегазовых регионов по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства»; анализ структуры объема отгруженной продукции и оказанных услуг региональными нефтегазохимическими комплексами, рентабельности активов и продукции промышленных организаций нефтегазовых регионов;
- анализ уровня инновационной активности и удельного веса компаний, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций нефтегазовых регионов, а также соотношение затрат на их инновационную деятельность и объема инновационных товаров, работ, услуг в процентах от общего объема.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Основными источниками доходов региональных бюджетов, на основе которых возможно региональ-

¹ URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyani_i_ispolzovani_mineralno_syrevykh_resursov_rossiyskoy_federatsii/

ное экономическое развитие (в том числе социальной сферы, инфраструктуры, науки и инноваций), являются налоги на прибыль и имущество организаций и НДФЛ². Нефтегазовые компании входят в число наиболее прибыльных и в ряде случаев признаются бюджетообразующими, а заработные платы работников там одни из самых высоких. Это обстоятельство определяет важнейшее значение развития инновационного потенциала нефтегазовой и связанных с ней отраслей региональной промышленности, что обостряется проблемами технологического эмбарго и трансформации глобального энергетического баланса.

При указанных проблемах приоритетные институциональные драйверы региональной экономической динамики на территориях добычи и переработки высоковязкого трудноизвлекаемого углеводородного сырья могут находиться в области программного индикативного управления (с учетом эксплуатационных особенностей меняющейся ресурсной базы, а также инновационных инвестиций в нефтегазовой промышленности) [1, 2]. Эффективные решения для преодоления существующих и прогнозируемых вызовов экономике нефтегазового региона — сфера инновационно-ресурсных направлений эволюции региональной промышленности с учетом современных тенденций перехода к нооэкономике и технологическому суверенитету в целях достижения основных принципов и критериев устойчивого развития сырьевых регионов на долгосрочную перспективу [3–5].

Раскрытие инновационного потенциала регионального экономического развития под влиянием промышленной детерминанты бюджетообразующей нефтегазовой отрасли возможно на основе интенсификации процессов цифровой трансформации с учетом особенностей материально-технической базы индустриально развитых регионов, влияния внешнеполитической обстановки на структуру и динамику российского топливно-энергетического комплекса и адаптации промышленности к переходу на новые технологические и мирохозяйственные уклады [6–8]. В санкционной экономике для инновационного производственного развития нефтегазового региона требуется систематический анализ преобразований в финансовой и социально-экономической сфере, совершенствование механизмов привлечения инвестиционного капитала

для структурно-технологической модернизации хозяйственной деятельности, в том числе на основе организации кластерного типа инновационной активности в промышленности на региональных и межрегиональных отраслевых и межотраслевых уровнях [9–11].

В нефтегазовых регионах из-за доминирующего присутствия в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости такого вида экономической деятельности, как «Добыча полезных ископаемых» (включающей раздел «Обрабатывающие производства»), снижается значение других видов, что определяет основные направления технологической инверсии ресурсоемкой промышленности до энергоперехода 4.0 [12–14]. Высокорентабельная деятельность по добыче и переработке нефти и газа может быть эффективным инструментом раскрытия инновационного потенциала в результате введения некоторого норматива экологизации промышленного комплекса региона с использованием агент-ориентированных подходов к его управлению в целях решения задач региональной экономической безопасности и устойчивого инновационно-инвестиционного климата [15–17].

Региональные инновационные системы, имеющие собственные минерально-сырьевые ресурсы, определяют территориальные условия расположения производственных сил на основе базовых стратегий поведения бюджетообразующих отраслей промышленности с учетом парадигм новой российской индустриализации в условиях меняющейся структуры внешнеторгового оборота инновационных товаров и технологических новшеств [18–20]. Глобальная углеродная нейтральность требует развития методов увеличения доходности «зеленого» инвестиционного капитала в ограничение материалоемкости и энергоемкости региональных промышленных комплексов и адаптации всей национальной экономической системы к новейшим геополитическим условиям, в которых экономики нефтегазовых регионов наиболее подвержены воздействию нефтяного эмбарго, технологического и финансового дефицита [21–23].

Цифровая трансформация является важной составляющей роста производительности и взаимной связанности добывающей и обрабатывающей промышленности региона нефтегазовой специализации. Это может стимулировать достижение экономической резильентности на основе развития региональных адаптивных механизмов к шоковому воздействию — в дополнение к механизмам

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. М.: Росстат; 2024. 1126 с.

устойчивости экономической системы региона, предполагающим перманентную предсобытийную готовность к кризису [24, 25]. Системная эффективность соответствующих механизмов способна поддерживать эндогенный тип регионального экономического роста, который оказывает направленное воздействие на процессы организации пространственной структуры национальной экономики и через макроэкономические балансы определяет прогнозируемые тренды инновационной модернизации промышленности нефтегазового региона в меняющейся структуре и динамике мирового спроса на ископаемые виды топлива [26, 27].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Основным формализованным критерием отнесения субъектов к нефтегазовым регионам можно назвать разработанный ранее автором «коэффициент нефтегазовой деятельности региона» (КНГДР). Он включает два слагаемых: 1) процентная доля добычи нефти и природного газа в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых»; 2) процентная доля производства кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по

Таблица 1 / Table 1

Коэффициент нефтегазовой деятельности региона / Oil and gas activity coefficient of the region

Регион	ОСВДС ^а , %		ДНГ ^д , %	ПКНРПИ ^е , %	КНГДР ^г = (А*С + В*Д)* 10 ⁻³	Относитель- ный показатель КНГДР
	ДПИ ^б , %	ОП ^в , %				
	А	В	С	Д		
1	2	3	4	5	6	7
Приволжский федеральный округ	17,4	22,4	86,9	19,5	1,95	0,47
Республика Башкортостан	4,3	30,3	54,1	41,7	1,50	0,36
Республика Марий Эл	0,2	24,9	-	2,1	0,05	0,00
Республика Мордовия	0	28,6	-	2,1	0,06	0,00
Республика Татарстан	29,6	18,9	90,7	36,4	3,37	0,82
Удмуртская Республика	29,6	17	90,4	2	2,71	0,66
Чувашская Республика	0	24,2	0	2,3	0,06	0,00
Пермский край	26,5	26,8	92,6	9,7	2,71	0,66
Кировская область	0,2	33,6	-	3,1	0,10	0,01
Нижегородская область	0,1	26,5	-	7	0,19	0,04
Оренбургская область	44,5	11,3	85,7	24,4	4,09	1,00
Пензенская область	0,4	18,7	-	2	0,04	0,00
Самарская область	20,6	21,5	92,9	9	2,11	0,51
Саратовская область	4,4	20,7	88	5,1	0,49	0,11
Ульяновская область	3,2	23,6	88	9,8	0,51	0,12

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: ^а Отраслевая структура валовой добавленной стоимости; ^б Добыча полезных ископаемых; ^в Обрабатывающие производства; ^г Добыча нефти и природного газа в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых»; ^д Производство кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства»; ^е Коэффициент нефтегазовой деятельности региона / ^а Sectoral structure of gross value added; ^б Mining and quarrying; ^в Processing industry; ^г Oil and gas extraction in the structure of shipped products (works, services) by type of economic activity "Mining and quarrying"; ^е Manufacture of coke and petroleum products, rubber and plastic products in the structure of shipped products (works, services) by type of economic activity "Manufacturing"; ^г Regional oil and gas activity coefficient.

виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства».

Таким образом, если значение коэффициента >1 , то регион относится к нефтегазовым, а чем выше его абсолютная величина, тем большую зависимость от нефтегазовой отрасли имеет его бюджетная система. Приволжский федеральный округ занимает 2-е место в стране по объемам добычи и 1-е — по объемам физической и глубокой химической переработки нефтегазовых ресурсов. Наибольший коэффициент нефтегазовой деятельности региона — у Оренбургской области (4,09), за ней следует Республика Татарстан (3,37), далее Пермский край и Удмуртская Республика (по 2,71 в каждом субъекте), а замыкают перечень Самарская область и Республика Башкортостан (2,11 и 1,50, соответственно) (табл. 1).

Судя по данным табл. 2, в остальных субъектах рассматриваемого федерального округа коэффициент нефтегазовой деятельности существенно <1 и составляет от 0,51 и 0,49 — в Ульяновской и Саратовской областях, соответственно; до 0,04–0,06 — в Пензенской области, Республике Марий Эл, Республике Мордовия и Чувашской Республике. Разработанный коэффициент является количественным инструментом селективной региональной экономической политики, а проекция его абсолютных значений в относительную форму дает дополнительные показатели для анализа влияния промышленной детерминанты бюджетообразующей нефтегазовой отрасли на инновационный потенциал нефтегазового региона.

Другим эффективным методологическим подходом к исследованию инновационного потенциала регионального экономического развития представляется оценка динамики и прогноз объема производства, работ и услуг нефтегазовых регионов по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства»; структуры объема отгруженной продукции и услуг региональных нефтегазохимических комплексов; рентабельности активов и проданной продукции промышленных организаций региона. Выбор методов парной регрессии и однофакторного дисперсионного анализа обоснован структурой и количеством доступных данных для исследования, временным характером их рядов, предварительной неочевидностью нулевой гипотезы и соответствием поставленной цели. Все это в совокупности определяется комплексом современных научных исследований

в области эконометрического моделирования пространственных эффектов инновационно-промышленного регионального экономического роста. Объективность и научное значение используемой методологии выявляется в результате соотношения полученных данных с относительным коэффициентом нефтегазовой деятельности региона и их корреляцией с инновационной активностью и удельным весом организаций, осуществлявших технологические инновации, а также с объемом затрат на инновационную деятельность и объемом инновационной продукции организаций нефтегазовых регионов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Объем производства, работ и услуг нефтегазовых регионов (НГР) значительно превышает среднюю величину данного показателя по всем субъектам Приволжского федерального округа (ПФО) (не только по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», но и в обрабатывающей промышленности), демонстрируя устойчивые тенденции к дальнейшему возрастанию как в абсолютном выражении, так и относительно регионов, не относящихся к нефтегазовым.

Естественно, это объясняется не только влиянием высокорентабельного нефтегазового комплекса на состояние промышленности [что хорошо заметно на примере наиболее ресурсозависимых Оренбургской области (ОО) и Удмуртской Республики (УР)], но и процессами реиндустриализации для достижения устойчивого энергетического будущего, которые могут значительно поддерживаться нефтегазовыми доходами федерального и регионального бюджетов и нефтегазовых компаний.

Так, у Республики Башкортостан (РБ), Самарской области (СО) и Пермского края (ПК) — похожая динамика и прогноз объема производства, работ и услуг по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» при весьма различающейся структуре их промышленности. Безусловное лидерство Республики Татарстан (РТ) по рассматриваемому показателю в деятельности «Добыча полезных ископаемых» еще больше возрастает в обрабатывающей промышленности, что, в том числе, может объясняться ведением инновационной производственной политики, согласованной с региональным администрированием (рис. 1, 2).

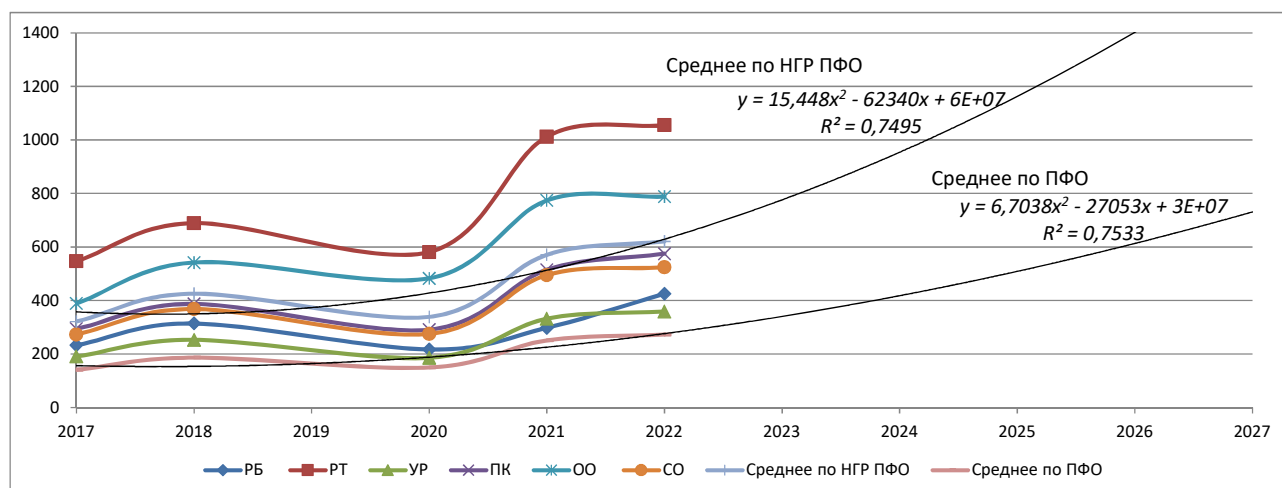

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика и прогноз объема производства, работ и услуг нефтегазовых регионов ПФО по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», млрд руб. / Dynamics and forecast of the volume of production, works and services of oil and gas regions of the Volga Federal District by the type of economic activity "Mining" (billion Roubles)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Преобразование уравнений парной регрессии из полиномиального вида в логарифмическую форму приводит к следующей системе уравнений для модели экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых»:

$$Y_{\text{НГР ПФО}} = 106772 \ln(x) - 812146,$$

$$Y_{\text{среднее по ПФО}} = 47039 \ln(x) - 357797.$$

Преобразование уравнений парной регрессии из полиномиального вида в логарифмическую форму приводит к следующей системе уравнений для модели экономической деятельности «Обработка производства»:

$$Y_{\text{НГР ПФО}} = 201776 \ln(x) - 2E+06,$$

$$Y_{\text{среднее по ПФО}} = 127046 \ln(x) - 966179.$$

Итак, исследование показало, что самое низкое значение коэффициента нефтегазовой деятельности региона в Республике Башкортостан коррелирует как с наименьшей долей добычи нефти в промышленной структуре этого субъекта, так и самой маленькой величиной рентабельности проданной продукции по трем из четырех составных частей промышленности. В регионе с наиболее высоким значением данного коэффициента — Оренбургской области — средние показатели рентабельности активов и продукции промышленных организаций, а их максимальные

значения отмечаются в Республике Татарстан и Пермском крае по обоим основным промышленным видам экономической деятельности: «Добыча полезных ископаемых» и «Обработка производства». Это может быть связано как с уровнем коэффициента нефтегазовой деятельности данных регионов — выше среднего, так и с другими внутренними экономическими и инновационно-инвестиционными факторами, которые оказались преобладающими в Самарской области и Удмуртской Республике (средние и ниже среднего уровни исследуемой рентабельности соответственно) при значительной доле отгруженной продукции добывающей отрасли (рис. 3, табл. 2, 3).

Региональное научно-технологическое развитие во многом отражает уровень инновационной активности и удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, а динамика этих показателей в нефтегазовых и ненефтегазовых регионах практически не отличается. Это обстоятельство обнажает проблему раскрытия инновационного потенциала регионального экономического развития под влиянием промышленной детерминанты бюджетобразующей нефтегазовой отрасли, на что могут влиять различные факторы затратного порядка (расходы на НИОКР, создание или использование объектов интеллектуальной собственности), аналитической природы (исследование особенностей жизненного цикла инновационного

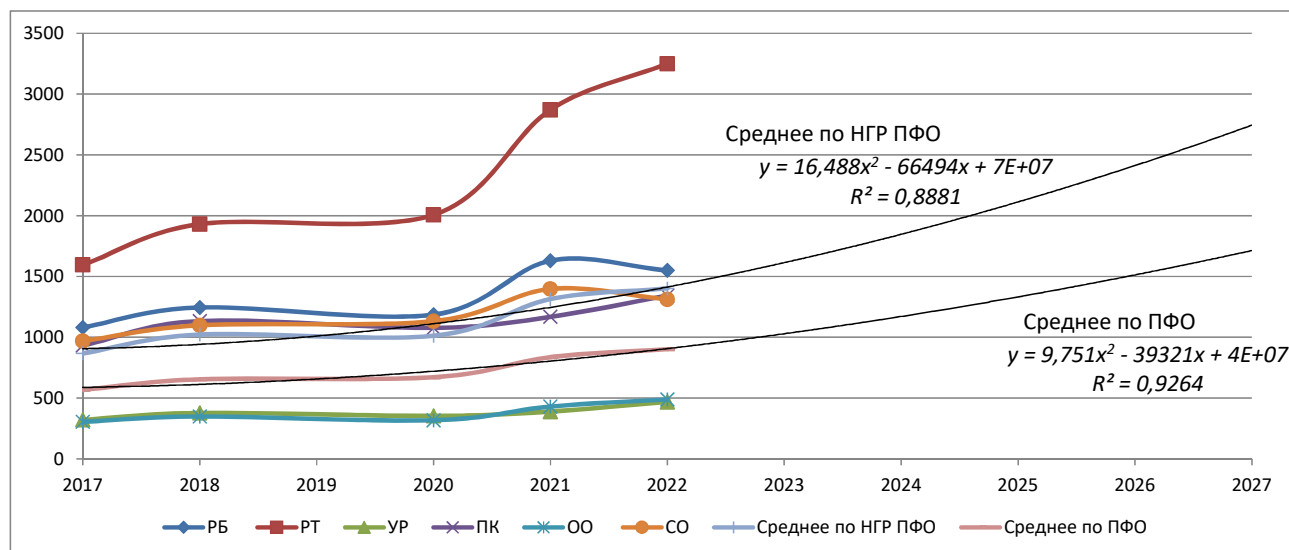

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика и прогноз объема производства, работ и услуг нефтегазовых регионов ПФО по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», млрд руб. / Dynamics and forecast of the volume of production, works and services of oil and gas regions of the Volga Federal District by the type of economic activity "Manufacturing" (billion Roubles)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

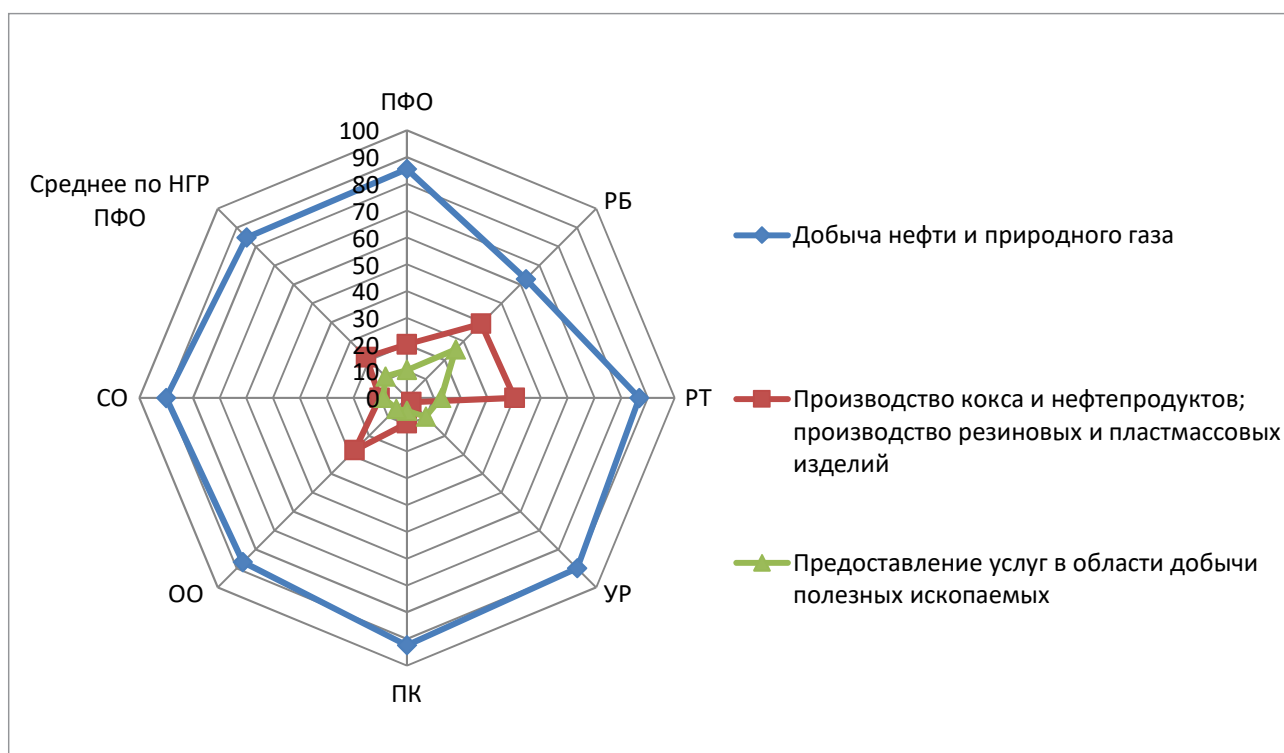

Рис. 3 / Fig. 3. Структура объема отгруженной продукции и оказанных услуг региональных нефтегазохимических комплексов в 2022 г., % от всего / Structure of the volume of products shipped and services provided by the regional oil and gas chemical complexes in 2022, in % of the total volume

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 2 / Table 2

Рентабельность активов промышленных организаций нефтегазовых регионов ПФО в 2022 г., % от общего объема / Return on assets of industrial organisations in the oil and gas regions of the Volga Federal District in 2022, in % of the total volume of assets

Регион	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
ПФО	13,5	11	6,5
РБ	7,2	13,2	7,3
РТ	24,1	11,2	8,1
УР	5,4	5,2	5,8
ПК	19,4	15,5	7,3
ОО	7,1	10,9	6
СО	9,6	7,8	6,1
Среднее по НГР ПФО	12,1	10,6	6,8

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 3 / Table 3

Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) промышленных организаций нефтегазовых регионов ПФО в 2022 г., % от общего объема / Profitability of sold goods, products (works, services) of industrial organizations of oil and gas regions of the Volga Federal District in 2022, % of the total volume

Регион	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
ПФО	18,8	18	6,5
РБ	12,3	9,5	8,4
РТ	30,8	19,8	7,8
УР	8,9	10,7	2,7
ПК	16,3	49	3,1
ОО	12,6	20,1	33,1
СО	11,6	17,1	4,4
Среднее по НГР ПФО	15,4	21,0	9,9

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

продукта или технологии), структурного характера (трансформация организационной структуры предприятия в инновационных целях). При этом взрывной характер роста обоих показателей по Республике Татарстан и монотонная невозрастающая кривая, демонстрирующая, что регион значительно отстает от остальных нефтегазовых регионов Оренбургской области, приводит к предположению, что оптимальная относительная величина коэффици-

ента нефтегазовой деятельности региона — около 0,8, а при возрастании этого коэффициента инновационный потенциал субъекта экстремально снижается (рис. 4, 5).

Преобразование уравнений парной регрессии из полиномиального вида в логарифмическую форму приводит к следующей системе уравнений для модели уровня инновационной активности региональных организаций:

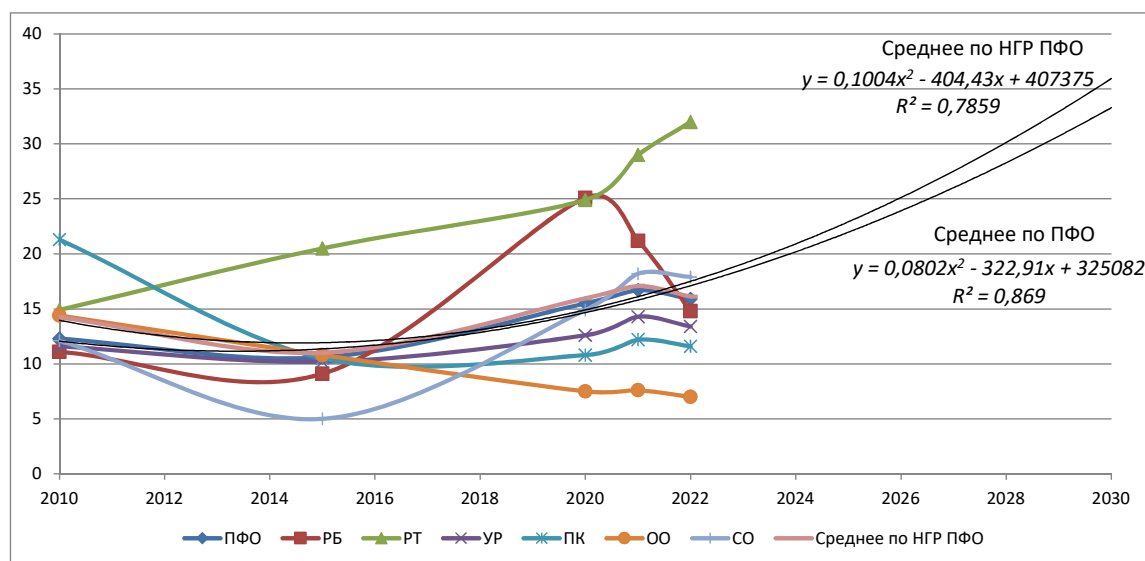

Рис. 4 / Fig. 4. Уровень инновационной активности организаций нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа / The level of innovation activity of the organizations in the oil and gas regions of the Volga Federal District

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: с 2019 г. статистическая информация по показателю приведена по обновленной методологии (приказ Росстата от 27.12.2019 № 818) / From 2019 onwards, statistical information on the indicator was provided in accordance with the updated methodology (The Rosstat Decree No. 818 of December 27, 2019).

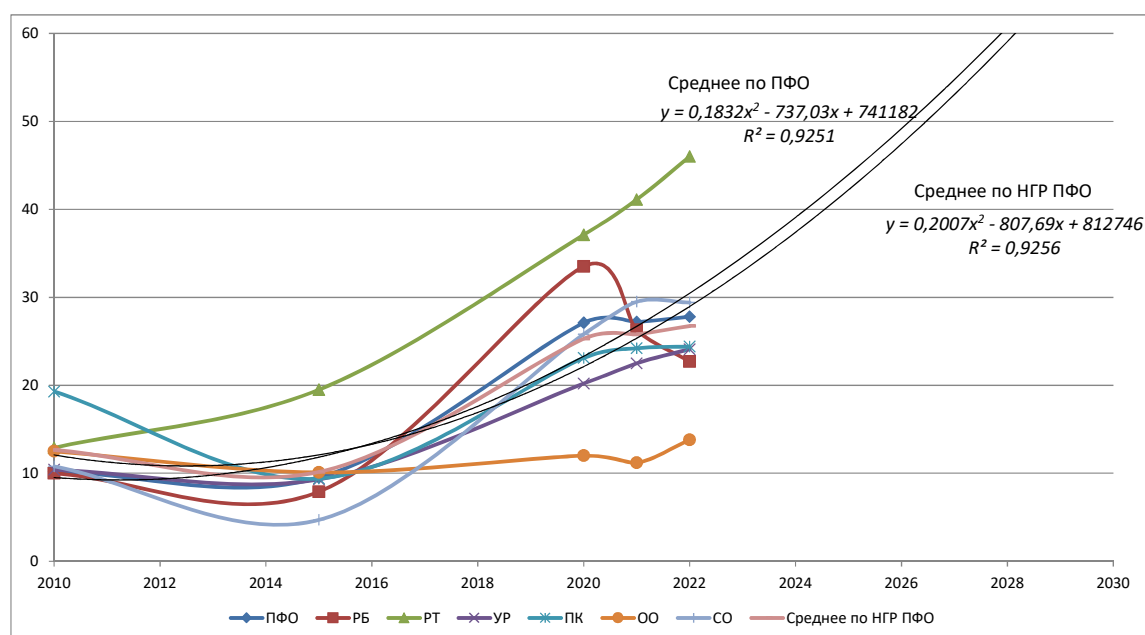

Рис. 5 / Fig. 5. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в общем числе обследованных организаций нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа / The share of organizations that implemented technological innovations in the total number of surveyed organizations in the oil and gas regions of the Volga Federal District

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: с 2019 г. статистическая информация по показателю приведена по обновленной методологии (приказ Росстата от 20.12.2019 № 788, с изменениями от 18.12.2020 № 813) / From 2019 onwards, statistical information on the indicator was provided in accordance with the updated methodology (The Rosstat Decree No. 788 of December 20, 2019 with amendments No. 813 of December 18, 2020).

$$УНГР\ ПФО = 607,16 \ln(x) - 4605,4,$$

$$У_{\text{среднее по ПФО}} = 854,27 \ln(x) - 6486,5.$$

Преобразование уравнений парной регрессии из полиномиального вида в логарифмическую форму приводит к следующей системе уравнений для модели удельного веса организаций, осуществлявших технологические инновации в общем числе обследованных организаций:

$$УНГР\ ПФО = 2857,8 \ln(x) - 21726,$$

$$У_{\text{среднее по ПФО}} = 3537,6 \ln(x) - 26900.$$

Таким образом, средние затраты на инновационную деятельность организаций нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа оказались меньше среднего значения данного показателя по всем регионам. Это обусловлено аномально низким уровнем затрат Республики Башкортостан, Оренбургской области и Удмуртской Республики, у которых значение коэффициента нефтегазовой деятельности, соответственно: самое низкое, самое высокое и среднее в регионе. Структура затрат на инновационную деятельность организаций нефтегазовых регионов показала тесную взаимную зависимость с объемом их инновационных товаров, работ и услуг, где в обоих случаях явная доминирующая роль — у Республики Татарстан, а отстающими являются три названных выше региона, что в условиях технологического эмбарго может привести к институциональной ловушке (рис. 6, 7).

Преобразование уравнений парной регрессии из полиномиального вида в логарифмическую форму приводит к следующей системе уравнений для модели объема инновационных товаров, работ, услуг региональных организаций:

$$УНГР\ ПФО = -3,433 \ln(x) - 35,638,$$

$$У_{\text{среднее по ПФО}} = -85,32 \ln(x) - 660,29.$$

Национально ориентированная экономическая политика может включать широкий диапазон условий и факторов формирования инновационного потенциала регионального экономического развития под влиянием промышленной детерминанты бюджетобразующей нефтегазовой отрасли. Вероятно, первыми из них являются принципы сбалансированности технологических и воспроизводственных инновационных инвестиций для роста фондоотдачи основного регионального

капитала. Достижение этих принципов может осуществляться в направлениях совершенствования стратегий коммерциализации инноваций (ориентированных на переход к новым технологическим укладам) и экономически эффективного влияния структуры инновационного капитала на региональный имущественный комплекс (с учетом проблем научно-технологического развития и институциональных ловушек высокорентабельного нефтегазохимического комплекса). Продвижение по заданным направлениям в условиях трансформации глобального энергетического баланса способно производиться при разработке механизмов простого и расширенного инновационного воспроизводства основных фондов нефтегазового региона. Это может быть обеспечено методологией индикативного программного управления цикличностью региональной экономической системы, что обусловлено оптимизацией и стратегическим планированием межрегионального и внешне-торгового товарооборота на основе рыночных основ взаимодействия промышленной и торговой политики (рис. 8).

Формирование и раскрытие инновационного потенциала регионального экономического развития под влиянием промышленной детерминанты бюджетобразующей нефтегазовой отрасли на основе реализации указанных механизмов способны привлечь дополнительные инвестиции для воспроизводства основных фондов и достижения экономической и технологической независимости промышленности.

Также в рамках рассматриваемой проблемы существенными являются инновационные процессы инклюзивных институциональных трансформаций в первичных и агрегированных промышленных структурах и ответственная тарифная политика реструктуризации региональной нефтегазовой отрасли в условиях внешних шоков топливно-энергетического комплекса.

Неопределенность мирового спроса на ископаемое топливо и потребление сырья и энергии создает необходимость сценарного прогнозирования рентабельности активов и продукции в нефтегазовом комплексе на основе методов теории нечетких множеств, что представляется важным фактором эффективности диверсификации инвестиционных стратегий и инновационной продукции для региональной энергетической безопасности.

Равновесность разработанной циклической модели системы приоритетных условий и опти-

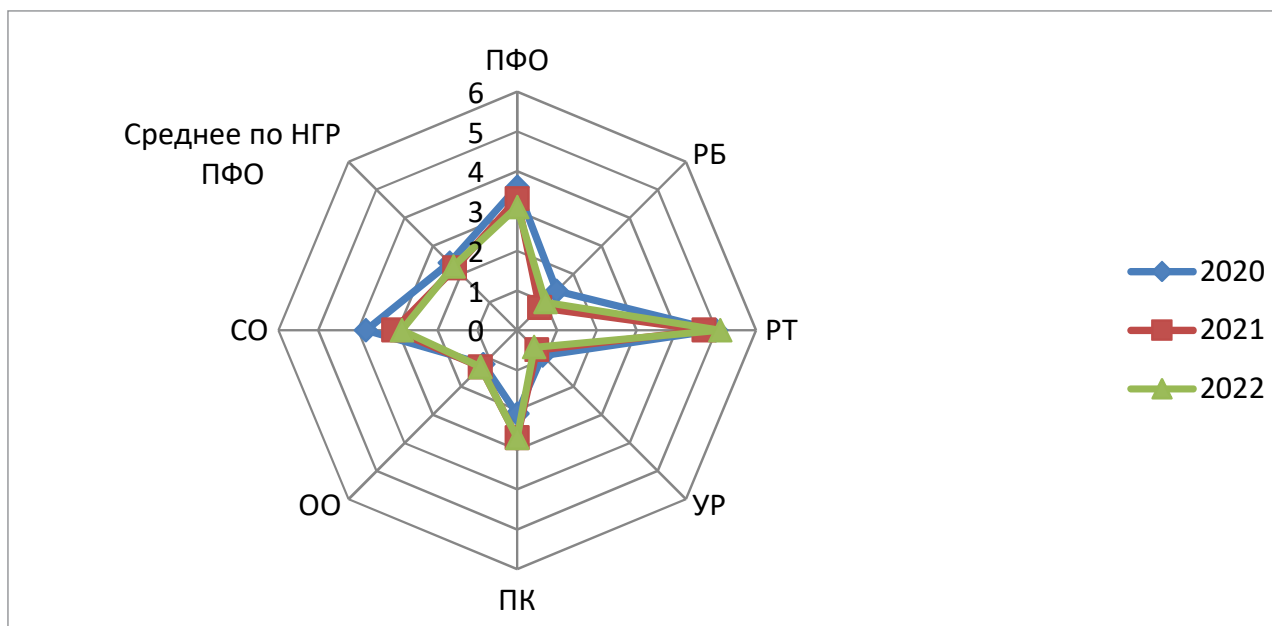

Рис. 6 / Fig. 6. Затраты на инновационную деятельность организаций нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа, % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг / Expenditure on innovation activities of organisations in the oil and gas regions of the Volga Federal District, % of the total volume of goods shipped, works performed and services rendered

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

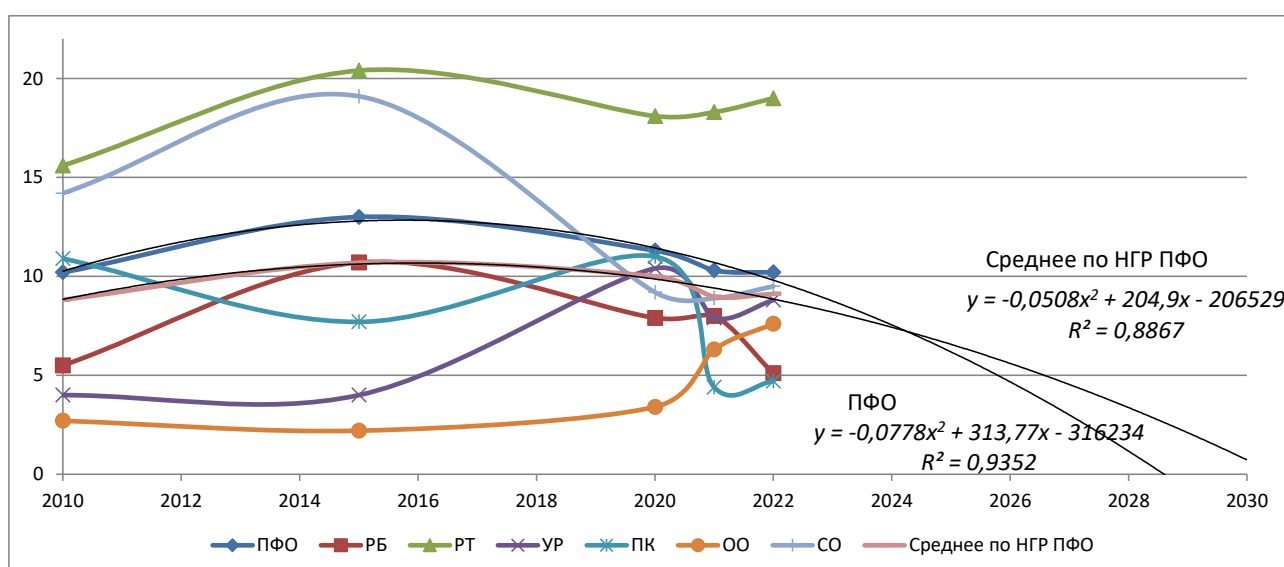

Рис. 7 / Fig. 7. Объем инновационных товаров, работ, услуг организаций нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа, % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг / Volume of innovative goods, works, services of organizations of oil and gas regions of the Volga Federal District, % of the total volume of goods shipped, works performed and services rendered

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Рис. 8 / Fig. 8. Равновесная циклическая модель системы приоритетных условий и оптимальных результатов формирования и раскрытия инновационного потенциала регионального экономического развития под влиянием промышленной детерминанты бюджетообразующей нефтегазовой отрасли / Equilibrium cyclic model of the system of priority conditions and optimal results to determine and disclose the innovative potential of regional economic development under the influence of the industrial determinant of the budget-forming oil and gas industry

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

мальных результатов формирования и раскрытия инновационного потенциала регионального экономического развития под влиянием промышленной детерминанты бюджетообразующей нефтегазовой отрасли определяется сбалансированностью и парностью включенных в нее показателей. Циклическая модель обусловлена тем, что совместные

технологические и производственные инновационные инвестиции для роста фондоотдачи основного капитала региона через совершенствование стратегий коммерциализации инноваций в направлении новых промышленных укладов также являются прямым условием оптимизации межрегионального и внешнеторгового товаро-

оборота и механизмов взаимодействия промышленной и торговой политики.

ВЫВОДЫ

Результаты проведенного исследования получены с учетом специфики управления нефтегазовым регионом, которая обусловлена:

- наличием бюджетообразующего регионального нефтегазового комплекса, что требует развития региональных программ по его стимулированию;
- высокой волатильностью нефтяных и зависимых от них газовых котировок на мировых товарно-сырьевых рынках, создающих неопределенность в том, что касается нефтегазовых доходов регионального бюджета.

Основными проблемами управления нефтегазовыми регионами в условиях российской экономики можно назвать:

- дополнительные задачи диверсификации нефтегазовых доходов регионального бюджета;
- экологические вопросы: загрязнение атмосферы и сельскохозяйственных угодий, проблема рационального использования попутного нефтяного газа.

Теоретическая значимость проведенной работы определяется ее направленностью на формирование неoinституционального научного подхода к экономическим механизмам инновационной модели промышленного развития с учетом ры-

ночных конкурентных преимуществ и проблем концепции «нефтяного проклятья» высокорентабельной нефтегазовой отрасли и связанных с ней секторов экономики региона.

На практике полученные результаты могут быть применены в отраслях, использующих природные ресурсы, и в направлениях территориального концентрирования высокотехнологичных производств и наукоемкого сервисного обслуживания [28–32]. Это определяет темы будущих исследований в области разработки комплексного подхода к стратегии управления экономическим развитием нефтегазового региона на основе закономерностей организации его финансово-промышленной системы и особенностей механизмов социальной и экологической ответственности на территориях добычи и переработки нефтегазовых ресурсов (с учетом факторов и следствий использования модели регионального промышленного инновационного потенциала). Также актуальный научный интерес представляет изучение проблем регионального регулирования при переходе нефтегазового региона к новым бизнес-моделям во внешнеторговом товарообороте с опорой на развитие межотраслевого подхода и горизонтальной промышленной политики в производстве сырьевых ресурсов и промышленных товаров с ориентацией на процессы импортозамещения продукции с высокой добавленной стоимостью глубокой химической переработки углеводородов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00189.

ACKNOWLEDGEMENT

The research work was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00189.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крюков В.А., Борисова Ю.А. Сравнительный анализ подходов к формированию институциональных рамок освоения меняющейся ресурсной базы добычи углеводородов (на примере высоковязких нефтей провинции Альберта (Канада) и Республики Татарстан (Россия)). *Георесурсы*. 2024;26(1):71–77. DOI: 10.18599/grs.2024.1.6
2. Крюков В.А., Токарев А.Н. Возможности развития Тюменской области на основе нефтегазовых инноваций. *Регион: экономика и социология*. 2023;(3):32–54. DOI: 10.15372/REG20230302
3. Крюков В.А., Токарев А.Н. Инновационно-ресурсные направления развития промышленности: пример юга Тюменской области. *Проблемы прогнозирования*. 2023;(1):42–52. DOI: 10.47711/0868-6351-196-42-52
4. Kryukov V., Tokarev A. Hard-to-recover oil reserves in the context of sustainable development of resource regions. *E 3S Web of Conferences*. 2023;470:01026. DOI: 10.1051/e3sconf/202347001026
5. Бодрунов С.Д., Золотарев А.А. Переход к ноономике, проблемы технологического суверенитета и региональное развитие. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2024;(1):75–79. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-75-79

6. Лаврикова Ю.Г., Бодрунов С.Д., Акбердина В.В., Коровин Г.Б. Цифровая трансформация экономики: особенности индустриально развитых регионов. *Экономическое возрождение России*. 2024;(1):5–24. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24
7. Аганбегян А.Г. ТЭК России — будущее с учетом требований устойчивого развития и геополитической обстановки. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2022;236(4):359–383. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-359-383
8. Глазьев С.Ю. Адаптация российской экономики к смене технологических и мирохозяйственных укладов. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2023;244(6):95–102. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-244-6-95-102
9. Гринберг Р.С., Белозёров С.А., Соколовская Е. Оценка эффективности экономических санкций: возможности систематического анализа. *Экономика региона*. 2021;17(2):354–374. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-1
10. Порфирьев Б.Н., Широков А.А. Структурно-технологические сдвиги и модернизация экономики России (средне- и долгосрочные перспективы). *Вестник Российской академии наук*. 2024;94(3):255–265. DOI: 10.31857/S 0869587324030085
11. Голов Р.С., Мыльник А.В. Классификация задач развития инновационно-инвестиционных кластеров в условиях региональных инновационных систем. *СТИН*. 2023;(12):43–45.
12. Костыгова Л.А., Голов Р.С. Современные проблемы технологического развития промышленности: ресурсный аспект. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2024;246(2):228–253. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-246-2-228-253
13. Голов Р.С., Мыльник А.В. Основные направления развития концепции «энергопереход 4.0» в условиях современного промышленного производства. *СТИН*. 2023;(1):50–52.
14. Лаврикова Ю.Г., Бучинская О.Н., Вегнер-Козлова Е.О. Зеленый энергопереход российской промышленности: барьеры и пути преодоления. *AlterEconomics*. 2022;9(4):638–662. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.5
15. Лаврикова Ю.Г., Бучинская О.Н., Вегнер-Козлова Е.О. Экологизация региональных экономических систем в рамках целей устойчивого развития. *Экономика региона*. 2021;17(4):1110–1122. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-5
16. Акбердина В.В., Шориков А.Ф., Коровин Г.Б., Сиротин Д.В. Идентификация параметров агент-ориентированной модели управления промышленным комплексом региона. *Экономика региона*. 2024;20(1):48–62. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-4
17. Акбердина В.В., Смирнова О.П. Оценка угроз экономической безопасности регионального промышленного комплекса. *Финансы и кредит*. 2023;29(11):2592–2617. DOI: 10.24891/fc.29.11.2592
18. Акбердина В.В., Василенко Е.В. Базовые стратегии поведения промышленности как участника региональных инновационных экосистем. *AlterEconomics*. 2023;20(3):548–569. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.4
19. Лаженцев В.Н. Минерально-сырьевые ресурсы северных регионов в условиях новой индустриализации России. *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2023;26(3):7–21. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.001
20. Пилясов А.Н., Гончаров Р.В., Максимов И.С. Размещение производительных сил в условиях инновационной экономики. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке. М.: Тов-во научных изданий КМК; 2020:194–213.
21. Узяков М.Н., Колпаков А.Ю., Порфирьев Б.Н., Галингер А.А., Янговский А.А. Материалоемкость и энергоёмкость глобальной углеродной нейтральности. *Проблемы прогнозирования*. 2023;(3):80–89. DOI: 10.47711/0868-6351-198-80-89
22. Порфирьев Б.Н. Декарбонизация versus адаптация экономики к климатическим изменениям в стратегии устойчивого развития. *Проблемы прогнозирования*. 2022;(4):45–54. DOI: 10.47711/0868-6351-193-45-54
23. Романова О.А., Пономарева А.О. Тактика и стратегия развития региональных промышленных комплексов в новейших геополитических условиях. *Региональная экономика: теория и практика*. 2023;21(4):604–634. DOI: 10.24891/re.21.4.604
24. Romanova O., Ponomareva A. Impact of digital transformation on labor productivity growth in the manufacturing industry in Russia. In: Kumar V., Leng J., Akberdina V., Kuzmin E., eds. Digital transformation in industry: Digital twins and new business models. Cham: Springer-Verlag; 2022:433–445. (Lecture Notes in Information Systems and Organisation. Vol. 54). DOI: 10.1007/978-3-030-94617-3_30

25. Романова О.А., Сиротин Д.В., Пономарева А.О. От экономики сопротивления — к резильентной экономике (на примере промышленного региона). *AlterEconomics*. 2022;19(4):620–637. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19–4.4
26. Михеева Н.Н. Пространственная структура и направления модернизации экономики России. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке. М.: Тов-во научных изданий КМК; 2020:148–193.
27. Суворов А.В., Иванов В.Н., Буданова А.И. Система макроэкономических балансов для прогнозирования экономики регионов России. *Проблемы прогнозирования*. 2021;(2):6–18. DOI: 10.47711/0868-6351-185-6-18
28. Andersen A.D., Marin A., Simensen E. O. Innovation in natural resource-based industries: A pathway to development? Introduction to special issue. *Innovation and Development*. 2018;8(4):1–27. DOI: 10.1080/2157930X.2018.1439293
29. Boschma R., Martín V., Minondo A. Neighbour regions as the source of new industries. *Papers in Regional Science*. 2017;96(2):227–246. DOI: 10.1111/pirs.12215
30. Crespi G., Katz J., Olivari J. Innovation, natural resource-based activities and growth in emerging economies: The formation and role of knowledge-intensive service firms. *Innovation and Development*. 2018;8(1):79–101. DOI: 10.1080/2157930X.2017.1377387
31. Jin L., Liu Z., Xu F. Research on the measurement of the technical innovative capabilities of oil and gas industry clusters and their factors of influence: Empirical analysis based on eight provinces in China. *Sustainability*. 2018;10(12):4833. DOI: 10.3390/su10124833
32. Scholvin S. Obstacles to linkage-based diversification in the oil and gas sector. *The Extractive Industries and Society*. 2022;11:100996. DOI: 10.1016/j.exis.2021.100996

REFERENCES

1. Kryukov V.A., Borisova Yu.A. Comparative analysis of approaches to the formation of an institutional framework for the development of a changing resource base for hydrocarbon production (on the example of high-viscosity oils in Alberta (Canada) and the Republic of Tatarstan (Russia)). *Georesursy = Georesources*. 2024;26(1):71–77. (In Russ.). DOI: 10.18599/grs.2024.1.6
2. Kryukov V.A., Tokarev A.N. Opportunities for the development of Tyumen oblast based on innovations for the oil and gas sector, production of high-tech equipment, and high-tech services. *Regional Research of Russia*. 2024;14(1):77–85. DOI: 10.1134/S 2079970523600373 (In Russ.: *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2023;(3):32–54. DOI: 10.15372/REG20230302).
3. Kryukov V.A., Tokarev A.N. Innovative-resource directions of industrial development: The example of the South of the Tyumen oblast. *Studies on Russian Economic Development*. 2023;34(1):25–32. DOI: 10.1134/S 1075700723010100 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2023;(1):42–52. DOI: 10.47711/0868-6351-196-42-52).
4. Kryukov V., Tokarev A. Hard-to-recover oil reserves in the context of sustainable development of resource regions. *E 3S Web of Conferences*. 2023;470:01026. DOI: 10.1051/e3sconf/202347001026
5. Bodrunov S.D., Zolotarev A.A. Transition to noonomy, problems of technological sovereignty and regional development. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya = Economy of the North-West: Issues and Prospects of Development*. 2024;(1):75–79. (In Russ.). DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-75-79
6. Lavrikova Yu.G., Bodrunov S.D., Akberdina V.V., Korovin G.B. Digital transformation of the economy: Peculiarities of industrialized regions. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*. 2024;(1):5–24. (In Russ.). DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24
7. Aganbegyan A. G. The Russian fuel and energy complex is the future, taking into account the requirements of sustainable development and the geopolitical situation. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2022;236(4):359–383. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-359-383
8. Glaz'ev S. Yu. Adaptation of the Russian economy to the change in technological and world economic structures. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2023;244(6):95–102. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2023-244-6-95-102
9. Grinberg R.S., Belozyorov S.A., Sokolovska O. Effectiveness of economic sanctions: Assessment by means of a systematic literature review. *Economy of Regions*. 2021;17(2):354–374. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021–2–1 (In Russ.: *Ekonomika regiona*. 2021;17(2):354–374. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-1).

10. Porfiriev B.N., Shirov A.A. Structural and technological shifts and modernization of the Russian economy: Mid-term and long-term prospects. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2024;94(3):255–265. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 0869587324030085
11. Golov R.S., Myl'nik A.V. Classifying development tasks for innovative industrial clusters in regional innovation systems. *Russian Engineering Research*. 2024;44(1):122–124. DOI: 10.3103/S 1068798X24010143 (In Russ.: *STIN*. 2023;(12):43–45.).
12. Kostygova L.A., Golov R.S. Modern problems of technological development of industry: Resource aspect. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2024;246(2):228–253. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2024-246-2-228-253
13. Golov R.S., Myl'nik A.V. Energy transition 4.0 principles in industrial production. *Russian Engineering Research*. 2023;43(2):221–222. DOI: 10.3103/S 1068798X23030103 (In Russ.: *STIN*. 2023;(1):50–52.)
14. Lavrikova Yu.G., Buchinskaia O.N., Wegner-Kozlova E.O. Green energy transition of Russian industry: Barriers and ways to overcome them. *AlterEconomics*. 2022;9(4):638–662. (In Russ.). DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19–4.5
15. Lavrikova Yu.G., Buchinskaia O.N., Wegner-Kozlova E.O. Greening of regional economic systems within the framework of sustainable development goals. *Economy of Regions*. 2021;17(4):1110–1122. DOI: 10.17059/ekon.reg. 2021–4–5 (In Russ.: *Ekonomika regiona*. 2021;17(4):1110–1122. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021–4–5).
16. Akberdina V.V., Shorikov A.F., Korovina G.B., Sirotin D.V. Parameter identification of the agent-based model for managing a regional industrial complex *Economy of Regions*. 2024;20(1):48–62. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024–1–4 (In Russ.: *Ekonomika regiona*. 2024;20(1):48–62. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024–1–4).
17. Akberdina V.V., Smirnova O.P. Evaluating economic security threats to the regional industrial complex. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2023;29(11):2592–2617. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.29.11.2592
18. Akberdina V.V., Vasilenko E.V. Basic strategies for the behaviour of industry as a participant in regional innovation ecosystems. *AlterEconomics*. 2023;20(3):548–569. (In Russ.). DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20–3.4
19. Lazhentsev V.N. Mineral resources in Northern regions in the context of Russia's industrial transformation. *Sever i ryok: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka*. 2023;26(3):7–21. (In Russ.). DOI: 10.37614/2220–802X.3.2023.81.001
20. Pilyasov A.N., Goncharov R.V. Location of productive forces in Russia in an innovation economy. *Regional Research of Russia*. 2023;13(1):129–141. DOI: 10.1134/S 207997052270054X (In Russ.: Challenges and policy of spatial development of Russia in the 21st century. Moscow: Scientific Publications Association KMK; 2020:194–213.).
21. Uzyakov M.N., Kolpakov A. Yu., Porfiryev B.N., Galinger A.A., Yantovskii A.A. Materials and energy intensity of the global carbon neutrality. *Studies on Russian Economic Development*. 2023;34(3):335–341. DOI: 10.1134/S 1075700723030164 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2023;(3):80–89. DOI: 10.47711/0868–6351–198–80–89).
22. Porfiryev B.N. Decarbonization vs. adaptation of the economy to climate change within the sustainable development strategy. *Studies on Russian Economic Development*. 2022;33(4):385–391. DOI: 10.1134/s1075700722040074 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2022;(4):45–54. DOI: 10.47711/0868–6351–193–45–54).
23. Romanova O.A., Ponomareva A.O. Tactics and strategy of regional industrial complexes' development in the latest geopolitical conditions. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2023;21(4):604–634. (In Russ.). DOI: 10.24891/re.21.4.604
24. Romanova O., Ponomareva A. Impact of digital transformation on labor productivity growth in the manufacturing industry in Russia. In: Kumar V., Leng J., Akberdina V., Kuzmin E., eds. Digital transformation in industry: Digital twins and new business models. Cham: Springer-Verlag; 2022:433–445. (Lecture Notes in Information Systems and Organisation. Vol. 54). DOI: 10.1007/978-3-030-94617-3_30
25. Romanova O.A., Sirotin D.V., Ponomareva A.O. From resistance economy to resilient economy (the case of an industrial region in Russia). *AlterEconomics*. 2022;19(4):620–637. (In Russ.) DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19–4.4
26. Mikheeva N.N. Spatial structure and directions of modernization of the Russian economy. *Regional Research of Russia*. 2023;13(1):101–128. DOI: 10.1134/S 2079970522700526 (In Russ.: Challenges and policy of spatial development of Russia in the 21st century. Moscow: Scientific Publications Association KMK; 2020:148–193.).
27. Suvorov A.V., Ivanov V.N., Budanova A.I. A system of macroeconomic balances for forecasting the economies of Russian regions. *Studies on Russian Economic Development*. 2021;32(2):123–132. DOI: 10.1134/S 1075700721020131 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2021;(2):6–18. DOI: 10.47711/0868–6351–185–6–18).

28. Andersen A.D., Marin A., Simensen E.O. Innovation in natural resource-based industries: A pathway to development? Introduction to special issue. *Innovation and Development*. 2018;8(4):1–27. DOI: 10.1080/2157930X.2018.1439293
29. Boschma R., Martín V., Minondo A. Neighbour regions as the source of new industries. *Papers in Regional Science*. 2017;96(2):227–246. DOI: 10.1111/pirs.12215
30. Crespi G., Katz J., Olivari J. Innovation, natural resource-based activities and growth in emerging economies: The formation and role of knowledge-intensive service firms. *Innovation and Development*. 2018;8(1):79–101. DOI: 10.1080/2157930X.2017.1377387
31. Jin L., Liu Z., Xu F. Research on the measurement of the technical innovative capabilities of oil and gas industry clusters and their factors of influence: Empirical analysis based on eight provinces in China. *Sustainability*. 2018;10(12):4833. DOI: 10.3390/su10124833
32. Scholvin S. Obstacles to linkage-based diversification in the oil and gas sector. *The Extractive Industries and Society*. 2022;11:100996. DOI: 10.1016/j.exis.2021.100996

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Игорь Леонидович Беилин — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Казань, Российская Федерация

Igor L. Beilin — Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics of the Kazan branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Kazan, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-5878-4915>

i.beilin@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.02.2025; после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.02.2025; revised on 10.03.2025 and accepted for publication on 20.03.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-50-61
УДК 338.28(045)
JEL E69

Количественные изменения и трансформация сектора МСП после шоков 2022 года

А.А. Блохин^а, К.В. Глухов^б

^{а,б} ИНП РАН, Москва, Российская Федерация;

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — выявление структурных изменений сектора малого и среднего предпринимательства (МСП), свидетельствующих о его позитивной динамике и качественных трансформациях в ходе адаптации российской экономики к шокам 2022 г. **Методы.** Исследование построено в форме экспресс-анализа репрезентативной выборки компаний сектора МСП за последние пять лет и учитывает его отраслевые и институциональные параметры: вид деятельности и размер компаний, их взаимодействие с крупным бизнесом, принадлежность физическим или юридическим лицам. **Актуальность** темы определяется необходимостью целостного понимания роли и взаимодействия секторов в развитии российской экономики в текущих условиях. **Научная значимость.** В работе подтверждается важная роль сектора МСП в генерации доходов доминирующих над ним крупных компаний, получающих таким образом институциональную ренту. Это необходимо как для прогнозирования развития секторов, так и перестройки государственной политики от патерналистской поддержки к управлению преобразованиями.

Ключевые слова: сектор МСП; структурные сдвиги; институциональные трансформации; доминирование; институциональная рента

Для цитирования: Блохин А.А., Глухов К.В. Количественные изменения и трансформация сектора МСП после шоков 2022 года. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):50-61. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-50-61

ORIGINAL PAPER

Quantitative Changes and Transformation of the SME Sector after the Shocks of 2022

A.A. Blokhin^a, K.V. Glukhov^b

^{a,b} Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The aim of the article is to identify structural changes in the SME sector, indicating positive dynamics and qualitative transformations of the sector during the adaptation of the Russian economy to the shocks of 2022. **The methods of the research** is based on a rapid analysis of a representative sample of companies in the SME sector over the past five years. It considers its industry and institutional parameters, such as the type of activity, company scale, interaction with large businesses, belonging to individuals or legal entities. **The relevance of the topic** is determined by the need for a holistic understanding of the role and interaction of sectors in the development of the Russian economy in the current conditions. **The significant role** of the SME sector is confirmed in generating income for large-size dominant companies, which thus receive institutional rent. Such a vision is necessary both for forecasting the development of sectors and for restructuring public policy from paternalistic support to the logic of transformation management.

Keywords: SME sector; structural shifts; institutional transformations; dominance; institutional rent

For citation: Blokhin A.A., Glukhov K.V. Quantitative changes and transformation of the SME sector after the shocks of 2022. *The World of the New Economy* 2025;19(2):50-61. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-50-61

ВВЕДЕНИЕ

В ходе адаптации российской экономики к внешним шокам 2022–2024 гг. каждый из секторов — крупнейший, крупный, средний и малый бизнес — не только продемонстрировал свою жизнеспособность, но и выработал разные, характерные именно для него способы реакции на них. В исследованиях, посвященных данной теме, обращается внимание на импортозамещение, изменение кооперационных связей (от западных партнеров — к дружественным странам), развитие ВПК, варианты господдержки компаний, секторов, отраслей, активизацию инновационной деятельности [1–4]. Большое внимание уделяется направлениям общей перестройки институциональной среды развития бизнеса и изменениям системы государственного регулирования в последние два-три года [5, 6]. В то же время чувствительность разных секторов, «запас прочности» к воздействиям, различия в адаптационном поведении пока попадают в поле зрения исследователей в меньшей степени. При этом многие примеры указывают на серьезные подвижки в том, что касается потребительского спроса, кооперационных связей, инвестиционной деятельности [1, 3, 5]. Динамичные процессы наблюдаются на локальных рынках и в экосистемах банков или цифровых платформ. Санкции и иные ограничения — с одной стороны, и возросшая из-за них инфляция — с другой, оказали разное влияние на крупные, средние и малые компании. Трансформируется и система отношений между ними — характер и сила доминирования крупных — над малыми [7]. Такие противоречивые процессы указывают на изменение как роли сектора МСП в российской экономике, так и его количественных пропорций. Они остаются пока малоизученными.

Не претендуя на полноту их описания, авторы данной статьи определили цель: установить новые особенности динамики сектора МСП после шоков 2022 г., оценить их значимость и предложить интерпретацию меняющихся характеристик с точки зрения теории экономического доминирования в многоуровневой экономике [8]. Таким образом, были поставлены и решены следующие исследовательские задачи:

1. Подтверждение появления новых устойчивых количественных тенденций и качественных трансформаций сектора МСП за последние три года и их высокой значимости для российской экономики в целом.

2. Обоснование интерпретации таких процессов с использованием теории экономического доминирования в многоуровневой экономике.

3. Определение подходов к исследованию, прогнозированию и регулированию сектора МСП с учетом выявленных тенденций.

При постановке целей и задач предполагалось, что внешние шоки 2022 г. создали сильные импульсы как для заметной структурной перестройки сектора, так и для ускорения его позитивной динамики. При этом значимые изменения могли отразиться на размере компаний (принадлежность к секторам среднего, малого бизнеса и микропредприятиям), их связи с крупным бизнесом (как в форме владения, так и в том, что касается основных заказчиков), отнесении к различным отраслям и пр.

Фактор доминирования над МСП более крупных структур (корпораций, инфраструктурных и информационных компаний, банков, компаний городского хозяйства или транспортной системы) мало изучен в научной литературе, но именно он может оказаться значимым при анализе адаптационных процессов, поскольку сами шоки 2022 г. носили характер институциональных трансформаций, и реакция бизнеса на них важна, скорее всего, тоже в институциональном разрезе.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Традиционно сектор МСП привлекает большое внимание российских и зарубежных исследователей как совокупность организаций, имеющих заметную долю в создании ВВП, заполняющих рыночные ниши, «неинтересные» для более крупного бизнеса, в том числе в сфере создания инноваций, организации стартапов, генерирующих новые рабочие места [9–11]. Описание данного сектора сводится к тому, что он объединяет компании, выполняющие важные функции для экономики, но нуждающиеся в патерналистской поддержке государства. Так, В.А. Барина, С.П. Земцов и др. апеллируют к необходимости комплексного подхода к улучшению инвестиционного климата для повышения предпринимательской активности и устранению различных барьеров, возникающих на пути роста сектора, где значительную роль должно взять на себя государство [12, 13]. Также существуют работы, описывающие динамику и логику развития МСП в традиционном ключе, независимо от шоков 2022 г., в том числе ставшие уже классическими [14–17].

Следует подчеркнуть, что санкции последних лет, ограничения в движении капитала, уход западных компаний, добровольная либо принудительная передача управления бизнесом с зарубежным участием российским компаниям или физическим лицам непосредственно касались в основном крупнейшего и крупного бизнеса. При такой трактовке данный сектор после 2022 г. получил некоторые преимущества, поскольку стал заполнять освободившиеся ниши, но через какое-то время они будут нивелированы на фоне высокой инфляции. Кроме того, импульсы от описанных внешних шоков сформировали заметный интерес крупных компаний к выстраиванию новой кооперации внутри государства и с партнерами из дружественных стран.

После 2022 г. в научной литературе появилось немало публикаций уровня макроэкономического [1, 4, 18] либо отраслевого анализа [2, 19, 20]. Большое количество работ посвящено отдельным аспектам адаптации, например, импортозамещению или инновационной активности компаний, в том числе малого и среднего предпринимательства [1, 3, 21–23]. Однако тема адаптации МСП к внешним шокам последних лет пока не получила должного освещения.

Его описание как единого объекта, логически встроенного в модель экономического развития в качестве сектора, генерирующего доходы для более крупного бизнеса, перераспределяющего их в свою пользу в форме институциональной ренты, предложено в теории экономического доминирования — там он приобретает функциональную роль гамма-бизнеса, подчиненного в своем экономическом поведении альфа- и бета-бизнесу [8]. Однако данная теория до сих пор большее внимание уделяла именно последним: более крупным и влиятельным компаниям. В ней не дается точное соотношение сектора МСП и гамма-бизнеса, в состав которого могут включаться и более крупные организации. Первая попытка представить данный сектор в логике доминирования над ним более крупных компаний была предпринята авторами данной статьи в прошлом году [24].

В работе обосновывалось, что сектор малого и среднего предпринимательства — совокупность динамично развивающихся сегментов экономики, доходы от которых перераспределяются в пользу более крупных структур, доминирующих над ними, однако там отсутствовала тема его адаптации к внешним шокам. Настоящая статья направлена как раз на раскрытие этой темы.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ, МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ ОЦЕНОК

Сформулированные задачи и гипотезы исследования определили выбор источников и методу. Авторы использовали информационную базу данных «СПАРК-Интерфакс»¹ (далее — база СПАРК). В определенной степени данная статья опирается на предыдущую [24] и развивает сформулированные в ней положения, хотя в части анализа «пост-шоковых» тенденций — это новый материал: и по результатам расчетов, и по постановке исследовательских задач. Близкий по выделению выборки микропредприятий подход для оценки барьеров их развития был описан в одной из работ [25].

Для данного исследования важно, что база СПАРК позволяет строить фильтры по таким признакам, как размер компаний (объем выручки за год), собственник (физическое, юридическое лицо, иностранный участник, государство), выполнение заказов, поставок для крупных компаний или публично-правовых образований (на постоянной или нерегулярной основе) и ряду других, а также в отраслевом разрезе (по кодам ОКВЭД). Это существенно, поскольку, например, активность дочерней или зависимой от крупного бизнеса компании МСП определяется в основном доминирующими над ней структурами (доминирование здесь понимается как институциональное преимущество одних компаний над другими, позволяющее им перераспределять часть доходов в свою пользу) [8], активность же компании МСП, где владелец — физическое лицо, зависит от состояния рынка, на котором она работает. Достоверность информации по названным признакам в базе СПАРК далеко не бесспорна, но для первичного экспресс-анализа ее качество представляется допустимым.

Решение задач исследования осуществлялось в следующей логической последовательности.

Шаг 1. Построение репрезентативной² выборки компаний МСП (далее — базовая выборка) для экспресс-анализа, позволяющего проводить диагностику изменений сектора в различных разрезах, прежде всего — отраслевом и организационно-институциональном.

¹ URL: <https://spark-interfax.ru/>

² Доверительный интервал по выборке составляет 95%, с учетом 10%-ной вероятности ошибки.

В базе СПАРК выбрана 981 компания МСП за 2023 г.³ По ним собрана информация о динамике выручки за 2019–2023 гг. Все данные «очищены» от инфляции путем деления на темпы роста индекса потребительских цен и приведены к показателям 2019 г. Затем каждая из оставшихся в выборке компаний была проверена вручную на наличие одного из следующих признаков:

- нахождение в собственности юридического лица (от 50 до 100% участия в уставном капитале);
- контроль юридическим лицом с блокирующим пакетом (доля от 25 до 50%);
- нахождение в собственности юридических и физических лиц, ни одно из которых не владеет контрольным или блокирующим пакетом;
- нахождение в собственности или под контролем физического лица (с долей более 50% или блокирующей);
- работа под залогом ее основных средств/оборотных средств;
- работа по договорам (в том числе долгосрочным) с крупными компаниями, в том числе государственными;
- работа по договору предоставления услуг через маркетплейс по распространению товаров и услуг;
- взаимодействие только с МСП;
- контроль или работа с организациями с участием иностранного капитала;
- взаимодействие с другими компаниями преимущественно через офшорную структуру.

Система СПАРК не учитывает самозанятых, а методика обследования не была направлена на выделение организаций МСП, работающих в экосистемах банков или иных крупных компаний, а также действующих в сетевых структурах, например, на основе договоров франчайзинга. Такое исследование следует проводить по конкретным сетям или экосистемам, а в будущем оно может дополнить методику, предложенную в настоящей статье. Ряд важных признаков, таких как включенность в теневую экономику, по очевидным причинам учтены не были, хотя они зна-

чимы. Не были также приняты во внимание случаи, когда владелец бизнеса — физическое лицо — входит в руководство крупных компаний и фактически в их интересах ведет дела в секторе МСП. Вероятно, такие ситуации можно сгруппировать под признаком «работающие по договорам с крупными компаниями», однако проверка подобных взаимосвязей оказалась очень трудоемкой и пока оставлена для будущих исследований.

Кроме названных институциональных признаков, компаниям из выборки были присвоены тэги по отраслям (видам деятельности по ОКВЭД).

Признаки, которым в выборке соответствует небольшое число компаний или невысокий объемом суммарной выручки, по отдельности не рассматривались и были сгруппированы в более общие. Отметим, что в их числе оказались организации с иностранным участием или МСП, находящиеся в государственной собственности. Такие признаки в условиях санкций и ухода западного бизнеса значимы на уровне больших компаний, но оказались несущественными для сектора МСП.

Шаг 2. Разделение базовой выборки на следующие подвыборки (совокупности) компаний МСП:

- «стабильные» — существовавшие в течение всего исследуемого периода (с 2019 по 2023 г.) — 767 организаций;
- «созданные» — появившиеся в базовой выборке в любой год исследуемого периода после первого — 214 организаций.

Каждая из выделенных совокупностей использовалась для различных вариантов расчетов. Так, сопоставление «созданных» (особенно после 2022 г.) со «стабильными» показывает, за счет каких из них возник импульс активизации сектора МСП (табл. 1).

Отметим, что к числу «созданных» относится примерно каждая пятая компания МСП (что подтверждает известный факт об их быстрой сменяемости в данном секторе), однако «стабильных» — около 80%, и динамика объема их выручки довольно велика — он почти удвоился за четыре года, при этом максимальный прирост произошел за последний год. Сегмент «созданных» увеличивается очень быстро за счет двух факторов: роста числа новых компаний и повышения объема их выручки. При этом размер «стабильных» и «созданных» в 2023 г. был примерно одинаков — 399,7 и 404,7 млн руб. выручки в среднем на одну компанию, соответственно. То есть увеличение выручки «созданных» в основном происходит за счет приращения их количества и в меньшей степени — за счет «стартового разгона» до нормального

³ Общая генеральная совокупность составляет 1,4 млн субъектов МСП, данные по которым по заданным критериям присутствуют в базе СПАРК. Выборка осуществлялась следующим образом: по 10 компаний в диапазоне выручки от 2 до 1,1 млрд верхние — от 2 млрд далее с шагом 100 млн брались следующие 10. В диапазоне 1 млрд — 700 млн — верхние 50 компаний с шагом 100 млн. В диапазоне 600 млн — 200 млн — верхние 100 компаний с шагом в 100 млн. В диапазоне 120 млн — 110 млн — верхние 100 компаний с шагом в 100 млн.

Таблица 1 / Table 1

Динамика совокупностей «созданных» и «стабильных» компаний в выборке / Population dynamics of 'established' and 'stable' companies in the sample

Тип компании / Год	2019	2020	2021	2022	2023
«Созданные»:					
объем выручки (млн руб. в год)	2510,4	8822,2	9772,9	23 944,4	88 600,7
темп роста к 2019 г.	1	3,514	3,892	9,538	35,293
«Стабильные»:					
объем выручки (млн руб. в год)	160 531	180 413,1	216 983,9	242 286,2	306 938,4
темп роста к 2019 г.	1	1,123	1,351	1,509	1,912

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

для них уровня. Кроме того, в совокупности «стабильных» были выделены быстро растущие организации (с темпом в среднем более 10% в год) — их почти половина, что говорит о высокой динамике сектора МСП (при том, что инфляция из нее исключена). В целом, описанная активность свидетельствует о высокой и увеличивающейся значимости роста сектора МСП в адаптации российской экономики к внешним шокам.

Шаг 3. Оценка значимости размера компаний.

Построенная выборка позволяет определить, какие сегменты сектора МСП — средние, малые или

микропредприятия — оказались более подвержены изменениям за последние три года (табл. 2); их количество, соответственно: 132, 397 и 471.

Как видно из табл. 2, чем меньше размер компаний, тем быстрее растет соответствующий сегмент. Микропредприятия имеют подавляющее преимущество в том, что касается роста выручки, хотя общий объем данного сегмента в выборке отстает от соответствующего показателя малых и тем более средних предприятий. В 2023 г. рост каждого сегмента ускорился по сравнению с 2022 г., но у микропредприятий он увеличился более чем

Таблица 2 / Table 2

Динамика сегментов средних, малых компаний и микропредприятий в базовой выборке / Dynamics of medium, small, and micro-sized companies within the baseline sample

Сегменты МСП / Год	2019	2020	2021	2022	2023
Средние					
объем выручки (млн руб. в год)	75 359,7	91 558,9	116 105,2	125 657,5	150 048,8
темп роста к 2019 г.	-	1,214	1,540	1,667	1,991
Малые					
объем выручки (млн руб. в год)	69 887,9	78 892,3	102 445	123 057,6	170 550
темп роста к 2019 г.	-	1,128	1,465	1,760	2,440
Микропредприятия					
объем выручки (млн руб. в год)	13 410,3	19 520,3	28 099	48 756	109 108,1
темп роста к 2019 г.	1	1,455	2,095	3,635	8,136

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

в два раза. Это может свидетельствовать о высоком и далеко не до конца исчерпанном потенциале адаптации российской экономики. Несмотря на высокую ключевую ставку и низкую доступность кредитов, сектор МСП рос, активно искал новые рыночные ниши и пробные проекты развития. Нарастание выпуска в нем ведет к последующему поглощению и масштабированию успешных проектов более крупным бизнесом, — таким образом, импульс его роста можно будет проследить в соответствующих сегментах. Такое утверждение высказывается пока только как гипотеза, подобное исследование надо будет провести позднее с учетом лагов в разворачивании данного импульса.

Шаг 4. Группировка и сравнение компаний МСП в институциональном разрезе.

С учетом того, что ряд институциональных признаков незначимо представлен в выборке (**Шаг 1**), компании МСП сгруппированы следующим образом.

Группа 1. Компании, ориентированные на спрос крупного бизнеса. Объединяет следующие признаки (типы): «находится в собственности юридического лица (от 50% до 100% участия в уставном капитале)»; «контролируется юридическим лицом с блокирующим пакетом (доля от 25 до 50%)»; «работает

по договорам (в том числе долгосрочным) с крупными компаниями, в том числе государственными»; «работает по договору предоставления услуг через маркетплейс по распространению товаров и услуг». В выборке — 385 организаций.

Группа 2. Компании, ориентированные на конкурентные рынки. Объединяет следующие признаки (типы): «находится в собственности или под контролем физического лица (более 50% или с блокирующей долей)»; «находится в собственности юридических и физических лиц, ни одно из которых не владеет контрольным или блокирующим пакетом»; «взаимодействуют только с МСП». В выборке — 488 организаций.

Группа 3. Компании, зависимые от банков. Объединяет компании с признаком (типом): «работает под залогом ее основных средств/оборотных средств». В выборке — 93 организации.

Группа 4. Компании, связанные с иностранным капиталом. Объединяет следующие признаки (типы): «контролируется организациями с участием иностранного капитала или работает с ними»; «взаимодействует с другими компаниями преимущественно через офшорную структуру». В выборке — 15 организаций. Сравнение по группам приводится в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Динамика сегментов сектора МСП, выделенных по институциональным признакам / Dynamics of SME sector segments identified by institutional characteristics

Группы компаний МСП по институциональным признакам / год	2019	2020	2021	2022	2023
Группа 1					
объем выручки (млн руб. в год)	72 439,65	87 709,16	117 284,00	137 797,80	187 459,49
темп роста к 2019 г.	1	1,211	1,619	1,902	2,588
Группа 2					
объем выручки (млн руб. в год)	51 177,28	60 396,97	79 682,81	98 999,98	175 198,69
темп роста к 2019 г.	1	1,180	1,557	1,934	3,423
Группа 3					
объем выручки (млн руб. в год)	31 988,87	36 629,78	44 235,50	49 900,66	57 580,11
темп роста к 2019 г.	1	1,145	1,383	1,560	1,800
Группа 4					
объем выручки (млн руб. в год)	3052,07	5235,50	5446,83	10 772,55	9468,57
темп роста к 2019 г.	1	1,715	1,785	3,530	3,102

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Как видно из *табл. 3*, наиболее динамично развивается *Группа 2*, включающая компании, в меньшей степени зависимые от доминирующих на рынке игроков, т.е. работающие на более конкурентных рынках. *Группа 3* — зависимых от банков компаний — более скованна в своей динамике: вероятно, они сильнее закредитованы и испытывают трудности с текущим финансированием и обслуживанием своих долгов. Средние размеры выручки компаний в указанных группах в 2023 г. составили соответственно: 486,9; 359,0; 619,1 и 631,2 млн руб. в год. Наименьший показатель — у *Группы 2*. Это означает, что компании, созданные физическими лицами, и те, что работают на открытых конкурентных рынках, вероятно, чаще, чем в других группах, являются микропредприятиями. Они больше зависят от инициативы людей, но и имеют свои барьеры, связанные с возможностями масштабирования успешных стратегий развития. *Группа 4* представлена небольшим количеством организаций, поэтому по ней трудно делать обоснованные наблюдения и выводы. Однако можно отметить довольно неожиданный скачок темпов роста их выручки в 2022–2023 гг. на фоне ужесточения отношений с внешним миром. Если это не случайная ошибка измерения, то он может объясняться расширением внешних связей с партнерами из дружественных стран. В любом случае вопрос требует дополнительной проработки.

Шаг 5. Оценка динамики сектора МСП в отраслевом разрезе.

Для анализа в отраслевом разрезе были выбраны лишь те виды деятельности, данные по которым можно считать «представительными» (не менее 50 компаний) либо имеющие «выразительную» динамику при их меньшем количестве. Показатели по ним приведены в *табл. 4*, однако при анализе более широкой выборки следует брать более полный перечень видов деятельности.

Судя по *табл. 4*, динамика довольно высокая и различается по отраслям. Она может демонстрировать направленность начавшихся структурных сдвигов на уровне сектора МСП. Эти сдвиги показательны, поскольку объясняются не столько политическими решениями, а в большей мере — спонтанными процессами адаптации экономики, идущими «снизу». Сельское хозяйство, обрабатывающие производства, строительство и другие компании реального сектора растут, заполняя новые ниши в соответствии с запросами потребительского рынка и со спросом крупных компаний, который заметно ускорился в 2023 г. по

сравнению с 2022 г. Транспортировка, хранение, строительство, административная деятельность, вероятно, подтверждают активность в выстраивании новой логистики и новых кооперационных связей, в том числе крупным и средним бизнесом, через компании сектора МСП (их позиции также значительно выросли в 2022–2023 гг.). Деятельность в области информации и связи, а также профессиональная, научная и техническая представлены не очень большим числом организаций, их выручка составляет примерно 350 млн руб. в год. Тем не менее проявившаяся тенденция ускорившегося роста этой группы подтверждает, что инновационные процессы в секторе МСП разворачиваются довольно быстро, хотя и с довольно низкого старта.

ВЫВОДЫ

Подводя итог описанию метода оценок и его результатов, следует подчеркнуть, что с учетом его неточности можно обращать внимание на наиболее «выпуклые» результаты и формировать гипотезы для более точных расчетов, например, расширяя выборку в тех случаях, когда экспресс-метод дает «смазанные» показатели. Кроме того, большое количество «выпуклых» результатов по всем аспектам рассмотрения исходной выборки позволяет говорить о целостной картине изменений сектора МСП, его собственной активной адаптации к возникшим шокам, а также значимой роли в формировании новой конфигурации взаимодействий с крупным бизнесом. Даже при довольно грубом анализе можно сделать следующие выводы о самом методе и результатах его использования.

Во-первых, продуктивность метода: даже на уровне экспресс-анализа построенной выборки из 981 компании удастся заметить значимые изменения в динамике сегментов сектора МСП. Такой анализ позволяет увидеть довольно сложную структурную перестройку сектора, проходящую во всех рассмотренных аспектах: отраслевом, институциональном и т.д. Так, опережающий рост микропредприятий, по сравнению с малыми и средними, более быстрая динамика компаний МСП с участием физических лиц и ускоренное развитие инновационных и ИТ-компаний говорят о преимуществе сектора в том, что касается освоения новых ниш. По мере появления информации за 2024 и последующие годы работа может и должна быть продолжена, и следует ожидать подтверждения выявленных тенденций.

Таблица 4 / Table 4

**Темпы роста компаний МСП по видам деятельности /
Growth rates of SME companies by type of activity**

Группы компаний МСП по видам деятельности / Год	2019	2020	2021	2022	2023
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (41 компания)					
объем выручки (млн руб. в год)	8334,7	9831	11 640,3	13 170,3	15 884,9
темп роста к 2019 г.	1	1,179	1,396	1,580	1,905
Обрабатывающие производства (172 компании)					
объем выручки (млн руб. в год)	37 329	42 360,8	52 707	60 137,4	85 534,7
темп роста к 2019 г.	1	1,134	1,411	1,611	2,291
Строительство (108 компаний)					
объем выручки (млн руб. в год)	8947,6	11 284,4	15 048	21 715,4	37 647,3
темп роста к 2019 г.	1	1,261	1,681	2,426	4,207
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (394 компании)					
объем выручки (млн руб. в год)	79 087	98 386	129 918,9	149 768,3	201 539,9
темп роста к 2019 г.	1	1,244	1,642	1,893	2,548
Транспортировка и хранение (69 компаний)					
объем выручки (млн руб. в год)	7708,4	9805,4	13 952,4	19 608,8	34 260,1
темп роста к 2019 г.	1	1,272	1,810	2,544	4,445
Деятельность в области информации и связи (24 компании)					
объем выручки (млн руб. в год)	2435,9	2666	3296,2	4411,2	8488,2
темп роста к 2019 г.	1	1,094	1,353	1,810	3,484
Деятельность профессиональная, научная и техническая (50 компаний)					
объем выручки (млн руб. в год)	5165,9	6580,4	6898,4	11 445,9	17 105,9
темп роста к 2019 г.	1	1,273	1,335	2,215	3,311
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (27 компаний)					
объем выручки (млн руб. в год)	735,3	749,3	1151,4	3039,7	5142,9
темп роста к 2019 г.	1	1,019	1,565	4,133	6,994

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Во-вторых, достоверность результатов анализа доказывается «естественными» содержательными интерпретациями выявленных изменений. Их тщательный анализ может производиться на более широких выборках, но даже предложенный авторами позволяет определить важные направления для последующих глубоких и детальных исследований сектора МСП. Требуется внимания, в частности, структурированное изучение взаимодействия компаний сектора МСП с крупными компаниями.

В-третьих, проведенный анализ показывает высокую гибкость сектора МСП, его чувствительность к происходящим в российской экономике адаптационным процессам, интенсивно зарождающиеся «снизу» новые структурные сдвиги, которые могут со временем масштабироваться на более широкие сектора экономики. Большинство изменений происходит с заметным ускорением — показатели темпов роста отдельных сегментов в 2023 г. более чем в два раза превышают те, что были в 2022 г., которые тоже велики по сравнению с 2021 г. Потенциал развития этих секторов можно оценивать как высокий.

В-четвертых, заметную роль в объяснении и интерпретации выявленных оценок играет теория экономического доминирования в многоуровневой российской экономике [8]. Значимую роль для по-

следующих исследований в данном направлении должны играть как процессы прямого поглощения крупными организациями более мелких, так и активность посреднических компаний (банков, информационных структур, цифровых платформ и др.) по перераспределению доходов: от мелких — к крупным.

В-пятых, остались неосвещенными некоторые важные процессы, происходящие в секторе МСП, например, развитие сетевых структур, экосистем, теневых отношений. Они требуют иных методов анализа и оценки.

В-шестых, сектор МСП в данном исследовании предстает как целостный, живой, активно меняющийся объект, требующий от государства не столько спасения слабых, нежизнеспособных структур, сколько выработки политики управления преобразованиями для получения значимых эффектов в социально-экономическом развитии страны.

В-седьмых, предложенный подход может использоваться для построения сценариев, учитывающих не столько количественную динамику показателей, сколько происходящие качественные трансформации, опирающиеся на тенденции развития крупного бизнеса, потребительских рынков, социальных процессов и государственной поддержки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шилов А.А., ред. Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Научный доклад. М.: Арт-Принт; 2024. 264 с. (Научный доклад ИНП РАН). DOI: 10.47711/sr1-2024
2. Дегтярев К.Ю. Оценка влияния экономических санкций на реальный сектор экономики России. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2024;(102):7–16. DOI: 10.55959/MSU 2070-1381-102-2024-7-16
3. Казанцев С.В. Реакция на антироссийские санкции: последствия сокращения объема внешней торговли и рост объемов производства в Российской Федерации. *Мир новой экономики*. 2022;16(4):34–44. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-34-44
4. Ершов М.В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов. *Вопросы экономики*. 2022;(12):5–23. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-12-5-23
5. Буклемишев О.В. «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика. *Проблемы прогнозирования*. 2023;(4):42–53. DOI: 10.47711/0868-6351-199-42-53
6. Волошин В.И. От сырьевой к инновационной модели экономики России: роль нефтегазового экспорта. *Beneficium*. 2024;(1):40–46. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.1(50).40–46
7. Блохин А.А., Сергеев Ю.В. Различия в адаптации отраслевого российского бизнеса разного размера к внешним шокам. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2024;22(1):26–43. DOI: 10.47711/2076-3182-2024-1-26-43
8. Блохин А.А. Экономическое доминирование: базовые положения теории и подход к измерению. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2023;21(1):6–30. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-6-30
9. Amoah J., Belas J., Dziwornu R., Khan K.A. Enhancing SME contribution to economic development: A perspective from an emerging economy. *Journal of International Studies*. 2022;15(2):63–76. DOI: 10.14254/2071-8330.2022/15-2/5

10. Al-Shaikh M.E., Hanaysha J.R. A conceptual review on entrepreneurial marketing and business sustainability in small and medium enterprises. *World Development Sustainability*. 2023;2:100039. DOI: 10.1016/j.wds.2022.100039
11. Elmira M. The evolution of SME and corporate banking services: The influence of modern digital technologies. *The American Journal of Management and Economics Innovations*. 2024;6(12):63–72 DOI: 10.37547/tajmei/volume06issue12-07
12. Баринаова В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. В поисках предпринимательства в России. Ч. 1. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться. М.: Дело; 2023. 402 с.
13. Баринаова В.А. Институциональные условия инновационного развития фирмы. М.: Дело; 2012. 153 с.
14. Eneh O.C., Okezie Y.C. Developing and growing sustainable micro, small, and medium enterprises — global template. *Sustainable Human Development Review*. 2009;1(4):67–92.
15. Подшивалова М.В., Вайсман Е.Д., Подшивалов Д.В. Демография организаций в промышленности России в контексте специфики малого бизнеса: свет в конце туннеля? *Вопросы экономики*. 2025;(2):19–38. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-2-19-38
16. Lucas R.E., Jr. On the size distribution of business firms. *The Bell Journal of Economics*. 1978;9(2):508–523. DOI: 10.2307/3003596
17. Boudeville J.R. Problems of regional economic planning. Edinburgh: Edinburgh University Press; 1966. 208 p.
18. Френкель А.А., Тихомиров Б.И., Сурков А.А. Деловая активность в условиях западных санкций и турбулентности стратегического развития России. *Мир новой экономики*. 2024;18(4):69–80. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-4-69-80
19. Кузык М.Г., Симачев Ю.В. Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023;(3):172–179. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180
20. Симачев Ю.В., Яковлев А.А., Голикова В.В. и др. Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования. *Вопросы экономики*. 2023;(12):5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-5-30
21. Фурманов К.К., Туровец Ю.В. Оценка влияния внешних шоков на развитие обрабатывающей промышленности. *Проблемы прогнозирования*. 2024;(5):128–140. DOI: 10.47711/0868-6351-206-128-140
22. Хейфец Б.А. Вывоз капитала и деофшоризация российской экономики в условиях новой реальности. *Экономическая безопасность*. 2022;5(3):835–852. DOI: 10.18334/ecsec.5.3.114878
23. Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Ибрагимов Ш.Ш., Зайцева А.А. Российские предприятия весной 2024 года: значительный рост инвестиционной активности в условиях санкций. *Проблемы прогнозирования*. 2024;(6):201–216. DOI: 10.47711/0868-6351-207-201-216
24. Блохин А.А., Глухов К.В. Институциональные трансформации сектора МСП: приоритеты государственной поддержки. *Мир новой экономики*. 2024;18(1):104–115. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-104-115
25. Глухих П.Л., Шкурин Д.В., Шевченко Н.Г. Административные барьеры роста микропредприятий: типология и эмпирическая оценка. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2025;18(1):152–169. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.9

REFERENCES

1. Shirov A.A., ed. Russia 2035: Towards a new quality of the national economy: Scientific report. Moscow: Artik Print; 2024. 264 p. (In Russ.). DOI: 10.47711/sr1-2024
2. Degtyarev K. Yu. Assessment of economic sanctions impact on the real sector of the Russian economy. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. E-Journal*. 2024;(102):7–16. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU 2070-1381-102-2024-7-16
3. Kazantsev S.V. Anti-Russian sanctions impact: Aftermath of a reduction in foreign trade and production growth in the Russian Federation. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2022;16(4):34–44. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-34-44
4. Ershov M.V. Russian economy in the face of new sanctions challenges. *Voprosy ekonomiki*. 2022;(12):5–23. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2022-12-5-23
5. Buklemishev O.V. “Structural transformation” of the Russian economy and economic policy. *Studies on Russian Economic Development*. 2023;34(4):456–463. DOI: 10.1134/S 1075700723040044 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2023;(4):42–53. DOI: 10.47711/0868-6351-199-42-53).

6. Voloshin V.I. From the raw material to the innovative model of the Russian economy: The role of oil and gas exports. *Beneficium*. 2024;(1):40–46. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.1(50).40–46
7. Blokhin A.A., Sergeev Yu.V. Adaptation ways of different-scaled Russian industrial businesses to external shocks. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific Articles: Institute of Economic Forecasting. Russian Academy of Sciences*. 2024;22(1):26–43. (In Russ.). DOI: 10.47711/2076-3182-2024-1-26-43
8. Blokhin A.A. Economic dominance: Basic provisions of theory and measurement approach. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific Articles: Institute of Economic Forecasting. Russian Academy of Sciences*. 2023;21(1):6–30. (In Russ.). DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-6-30
9. Amoah J., Belas J., Dziwornu R., Khan K.A. Enhancing SME contribution to economic development: A perspective from an emerging economy. *Journal of International Studies*. 2022;15(2):63–76. DOI: 10.14254/2071-8330.2022/15-2/5
10. Al-Shaikh M.E., Hanaysha J.R. A conceptual review on entrepreneurial marketing and business sustainability in small and medium enterprises. *World Development Sustainability*. 2023;2:100039. DOI: 10.1016/j.wds.2022.100039
11. Elmira M. The evolution of SME and corporate banking services: The influence of modern digital technologies. *The American Journal of Management and Economics Innovations*. 2024;6(12):63–72 DOI: 10.37547/tajmei/volume06issue12-07
12. Barinova V.A., Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. In search of entrepreneurship in Russia. Pt. 1. What hinders the development of small and medium businesses. Moscow: Delo; 2023. 402 p. (In Russ.).
13. Barinova V.A. Institutional conditions for the innovative development of firms. Moscow: Delo; 2012. 153 p. (In Russ.).
14. Eneh O.C., Okezie Y.C. Developing and growing sustainable micro, small, and medium enterprises — global template. *Sustainable Human Development Review*. 2009;1(4):67–92.
15. Podshivalova M.V., Vaisman E.D., Podshivalov D.V. Firm demography in Russian industry in the context of small business specifics: Is there a silver lining? *Voprosy ekonomiki*. 2025;(2):19–38. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2025-2-19-38
16. Lucas R.E., Jr. On the size distribution of business firms. *The Bell Journal of Economics*. 1978;9(2):508–523. DOI: 10.2307/3003596
17. Boudeville J.R. Problems of regional economic planning. Edinburgh: Edinburgh University Press; 1966. 208 p.
18. Frenkel A.A., Tikhomirov B.I., Surkov A.A. Business activity in the context of Western sanctions and turbulence in Russia's strategic development. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2024;18(4):69–80. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-4-69-80
19. Kuzyk M.G., Simachev Yu.V. Strategies of Russian companies to adapt to the 2022 sanctions. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2023;(3):172–179. (In Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180
20. Simachev Yu.V., Yakovlev A.A., Golikova V.V., et al. Russian industrial companies under the “second wave” of sanctions: Response strategies. *Voprosy ekonomiki*. 2023;(12):5–30. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-12-5-30
21. Furmanov K.K., Turovets Yu.V. Assessing the impact of external shocks on the development of the manufacturing industry. *Studies on Russian Economic Development*. 2024;35(5):697–706. DOI: 10.1134/S 1075700724700230 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2024;(5):128–140. DOI: 10.47711/0868-6351-206-128-140).
22. Kheyfets B.A. Capital outflow and deoffshorization of the Russian economy in the new reality. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*. 2022;5(3):835–852. (In Russ.). DOI: 10.18334/ecsec.5.3.114878
23. Kuvalin D.B., Zinchenko Yu.V., Ibragimov Sh. Sh., Zaitseva A.A. Russian enterprises in the spring of 2024: Significant increase in investment activity under sanctions. *Studies on Russian Economic Development*. 2024;35(6):909–919. DOI: 10.1134/S 1075700724700448 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2024;(6):201–216. DOI: 10.47711/0868-6351-207-201-216).
24. Blokhin A.A., Glukhov K.V. Institutional transformations of the SME sector and the need to change the priorities of its state support. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2024;18(1):104–115. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-104-115
25. Glukhikh P.L., Shkurin D.V., Shevchenko N.G. Administrative barriers to the growth of microenterprises: Typology and empirical assessment. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(1):152–169. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Андрей Алексеевич Блохин — доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИНП РАН, Москва, Российская Федерация; профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Andrey A. Blokhin — Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2132-4664>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
andraleks@rambler.ru

Константин Вячеславович Глухов — соискатель ИНП РАН, Москва, Российская Федерация

Konstantin V. Glukhov — applicant at the Institute of Economic Forecasting RAS, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3305-1643>

konstantinglukhov@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 03.02.2025; после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 05.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 03.02.2025; revised on 17.02.2025 and accepted for publication on 05.03.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-62-72
УДК 336.61(045)
JEL G32, O43

Модели управления целевым капиталом в российских и зарубежных университетах

А.А. Пилипосян

советник при Ректорате, преподаватель МГИМО, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет. Фонды целевого капитала во всем мире генерируют значимую часть средств для финансирования деятельности учреждений высшего профессионального образования. Эндаумент-фонды университетов — это некоммерческие институты долгосрочного или бессрочного функционирования, капитал которых формируется за счет пожертвований с целью его дальнейшего инвестирования и получения дохода, направляемого на уставные цели вузов. **Цель.** В основе работы лежит сравнительный анализ моделей управления целевым капиталом эндаументов российских и зарубежных университетов, где, в зависимости от соотношения целевых показателей риска и доходности, применяются различные стратегии: от консервативных — с традиционными финансовыми инструментами до высокорискованных — со значительной долей вложений в инновационные стартапы. **Актуальность.** В нашей стране эндаумент-фонды, рассматриваются в первую очередь как механизм, обеспечивающий стабильный финансовый поток на долгосрочную перспективу при минимальных рисках, контролируемых на законодательном уровне. **Выводы.** Активизация процесса привлечения средств в эндаументы российских вузов путем вложения «длинных денег» в инновационные проекты высшей научной школы (по примеру Стэнфордской модели) может способствовать росту экономики. Но для этого необходимо преодолеть существующие проблемы, такие как: нестабильность входящего денежного потока; недостаточный опыт внутриуниверситетских структур по аккумуляции капитала; ограничения, налагаемые на использование инструментов инвестирования; непостоянство уровня расходования денежных поступлений.

Ключевые слова: эндаумент-фонд; целевой капитал; инвестиционная деятельность; доходность и риск

Для цитирования: Пилипосян А.А. Модели управления целевым капиталом в российских и зарубежных университетах. *Мир новой экономики. Мир новой экономики.* 2025;19(2):62-72. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-62-72

ORIGINAL PAPER

Models for Managing Endowment Funds in Russian and Foreign Universities

A.A. Piliposyan

Advisor to the Rector, Lecturer of
Moscow State University of International Relations, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Subject. Endowment funds worldwide generate a significant portion of financing for higher education institutions. University endowment funds are nonprofit resources with long-term or perpetual operation, whose capital is formed through donations and subsequently invested to generate income channeled into the statutory objectives of universities. **Objective.** This study presents a comparative analysis of endowment capital management models at Russian and foreign universities. Depending on the balance between targeted risk and return indicators, various strategies are employed, ranging from conservative approaches utilizing traditional financial instruments to high-risk strategies with substantial investments in innovative startups. **Relevance.** In Russia, endowment funds are primarily regarded as a mechanism to ensure a stable long-term financial flow with minimal risks, regulated at the legislative level. **Conclusions.** Intensification of the inflow of funds into Russian university endowments by means of investing “long money” into innovative projects of advanced academic institutions (following the Stanford model) may contribute

© Пилипосян А.А., 2025

to economic growth. However, in order to achieve this, it is necessary to overcome existing problems, such as the following: instability of incoming cash flow; insufficient experience of intra-university structures in capital accumulation; restrictions imposed on the use of investment instruments, as well as volatility of the level of expenditure of cash flow.

Keywords: endowment fund; target capital; investment activities; profitability and risk.

For citation: Piliposyan A.A. Models for managing endowment funds in Russian and foreign universities. *The world of the new economy*. 2025;19(2):62-72. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-62-72

ВВЕДЕНИЕ

Эндаумент-фонды в области высшего образования создаются чаще, чем в других сферах экономической деятельности, что можно связать с наличием развитой и диверсифицированной сети стейкхолдеров, готовых осуществлять пожертвования на развитие вуза [1]. Бывает, что выпускники и крупные спонсоры проявляют заинтересованность в успешности функционирования и развитии своей альма-матер, что дополнительно мотивирует их к осуществлению пожертвований [2].

Первыми использовать механизм эндаумент-фондов для создания дополнительного денежного потока в финансировании собственной деятельности стали университеты в США и Великобритании, что создало исторический прецедент: в 70-х гг. XX в. начался их активный рост на фоне интенсивного развития финансовых рынков. В становлении эндаумент-фондов можно выделить три этапа, напрямую связанные с развитием финансовых механизмов и инструментов в различных странах мира. На первом этапе произошло формирование отдельных фондов капитала для поддержания исторического наследия без применения единого регуляторного механизма на уровне стран (окончание этого этапа можно условно отнести к началу 70-х гг. XX в.). На втором этапе осуществилась формализация англо-саксонской модели эндаумент-фондов (США, Англия, Канада, Австралия), и их количество стало увеличиваться; появились первичные нормативные документы; начали возникать диверсифицированные структуры, объединяющие воедино более мелкие целевые фонды. Третий этап характеризуется расширением географии фондов и формированием национальных систем контроля их деятельности в Азии, арабских странах и Восточной Европе с последующим постепенным внедрением законодательного регулирования и определением региональной специфики функционирования. Таким образом, появились азиатская, арабская и восточно-европейская модели фондов целевого капитала.

До недавнего времени по размеру целевого капитала самыми крупными считались эндаументы аме-

риканских вузов¹, но в 2023 г. в этом вопросе стали лидировать арабские и азиатские страны. Рекордные по объемам целевого капитала фонды в Азии и на Ближнем Востоке взяли за основу англо-саксонскую модель организации деятельности, но при этом функционируют с учетом своих региональных или религиозных традиций, устоявшихся в обществе, а поэтому имеют специфические особенности.

В последнее время, из-за изменения приоритетов развития университетского образования и новых геополитических вызовов, происходит пересмотр практик управления фондами.

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ КАПИТАЛОМ ЭНДАУМЕНТ-ФОНДОВ

Выбор инвестиционной модели напрямую зависит от размера фонда, целей эндаумента и сроков их достижения, а также от объема доступных ресурсов и уровня профессионализма менеджмента вуза [3]. Если обратиться к практике инвестирования средств университетскими эндаумент-фондами, то условно можно выделить шесть наиболее распространенных моделей, применяемых в зависимости от соотношения доходности и риска:

- модели Йеля (Yale Model) и Стэнфорда (Stanford Model), которые используются фондами, стремящимися к максимальной доходности с более высокими рисками;
- Гарвардская (Harvard Model) и Канадская (Canadian Model) модели, основанные на обеспечении баланса между уровнем доходности и риском и поэтому ориентирующиеся на диверсификацию активов в портфеле и активное управление;
- традиционная модель (Endowment Model) и модель, базирующаяся на принципах современной портфельной теории (Modern Portfolio Theory), применяющиеся наиболее консервативными фондами, имеющими сравнительно маленькие объемы целевого капитала и ограниченный доступ к альтернативным финансовым активам (табл. 1).

¹ URL: <https://www.forbes.ru/education/519546-universitetskie-endaumenty-rassiraut-geografii>

Таблица 1 / Table 1

Сравнительная характеристика инвестиционных моделей эндаумент-фондов университетов / Comparative analysis of investment models of university endowment funds

Модель	Среднегодовая ретроспективная доходность за 10 лет	Уровень риска	Размер эндаумент-фондов	Способ управления
Yale Model	Высокая (~12%)	Высокий	Крупные фонды	Внешнее
Stanford Model	Высокая (~10%)	Высокий	Инновационные крупные фонды	Внешнее
Harvard Model	Средняя (~8%)	Средний	Средние и крупные фонды	Комплексное: внешнее и внутреннее
Canadian Model	Средняя (~8%)	Средний	Средние и крупные фонды	Внутреннее
Endowment Model	Низкая (~5–7%)	Низкий	Небольшие фонды	Внутреннее
Modern Portfolio Theory	Низкая (~6%)	Средний	Универсальная модель	Внешнее или внутреннее

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Каждая из анализируемых моделей имеет специфику, которая требует детального рассмотрения. Модель Йеля — это стратегия управления крупными фондами, ориентированная на высокую доходность в результате широкой диверсификации активов и использования альтернативных инструментов инвестирования. Она была разработана под руководством Дэвида Свенсена, главы инвестиционного офиса Йельского университета, и считается одной из наиболее успешных стратегий управления эндаументами [4].

Основная идея модели заключается в создании сбалансированного портфеля путем максимизации долгосрочной доходности при заданном уровне риска (предел по уровню риска обычно определяется в зависимости от направления инвестирования в альтернативные активы²). Портфель на основе данной модели формируется за счет распределения вложений в традиционные активы (акции, облигации) и альтернативные инвестиции (недвижимость, венчурный капитал, хедж-фонды и т. д.). Например, структура портфеля эндаумента Йельского университета предполагает размещение до 75% средств целевого капитала в альтернативные активы [5]: хедж-фонды, венчурный капитал (инвестиции

в стартапы), недвижимость и осуществление прямых инвестиций (рис. 1).

Подобное распределение активов позволяет эндаументу получать высокую доходность даже в нестабильные периоды. Такая модель ориентирована на горизонт более 10 лет, что позволяет инвестировать в активы с высокой волатильностью и потенциальной доходностью, значительно опережающей рыночный показатель в долгосрочной перспективе. Низкая зависимость стоимости портфеля от котировок традиционных активов защищает капитализацию эндаумента от рыночных спадов.

При этом управление портфелем осуществляется профессиональными менеджерами с глубокими знаниями в области инвестиций, готовых применять инновационные стратегии и «обыгрывать» рынок. Несмотря на высокий уровень рисков, используется системный подход, предполагающий, во-первых, широкую диверсификацию по классам активов, регионам и инвестиционным стратегиям, а во-вторых, ограничение риска ликвидности для покрытия краткосрочных обязательств.

На практике инвестиционная модель Йельского университета доказала свою эффективность, продемонстрировав высокую среднегодовую доходность около 12% [6]. Она считается эталоном управления крупным целевым капиталом, но из-за сложности стратегии требует профессионального подхода и высоких расходов на администрирование инвестиционного портфеля.

² Альтернативные активы (Alternative Assets) — это классы активов, которые не относятся к традиционным инвестиционным инструментам (таким как акции, облигации и денежные средства). Они обладают уникальными характеристиками и имеют низкую корреляцию с традиционными активами.

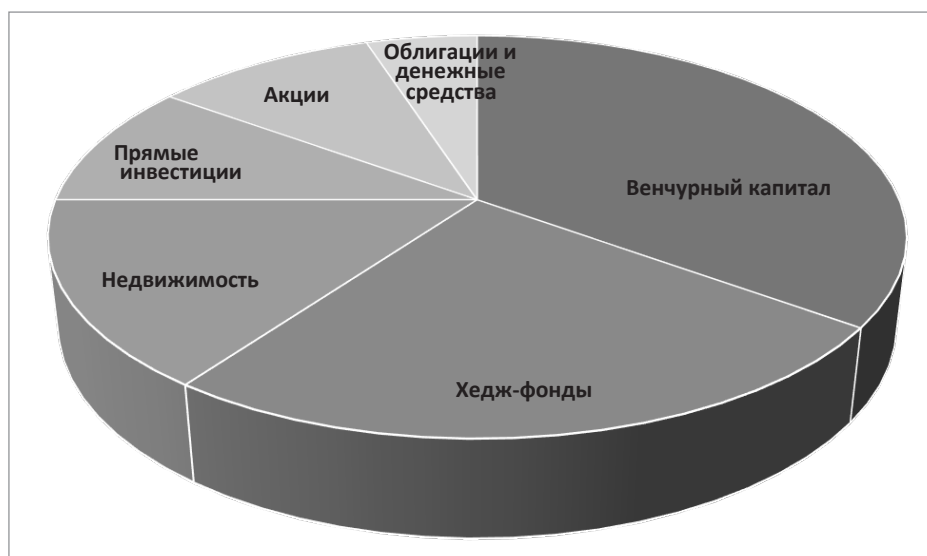

Рис. 1 / Fig. 1. Пропорциональное соотношение активов в портфеле эндаумент-фонда Йельского университета в 2023 г. / Relative proportions of assets in the Yale Endowment Fund portfolio (2023)

Источник / Source: составлено на основе Financial Report 2023–2024 Yale University / based on Financial Report 2023–2024 Yale University.

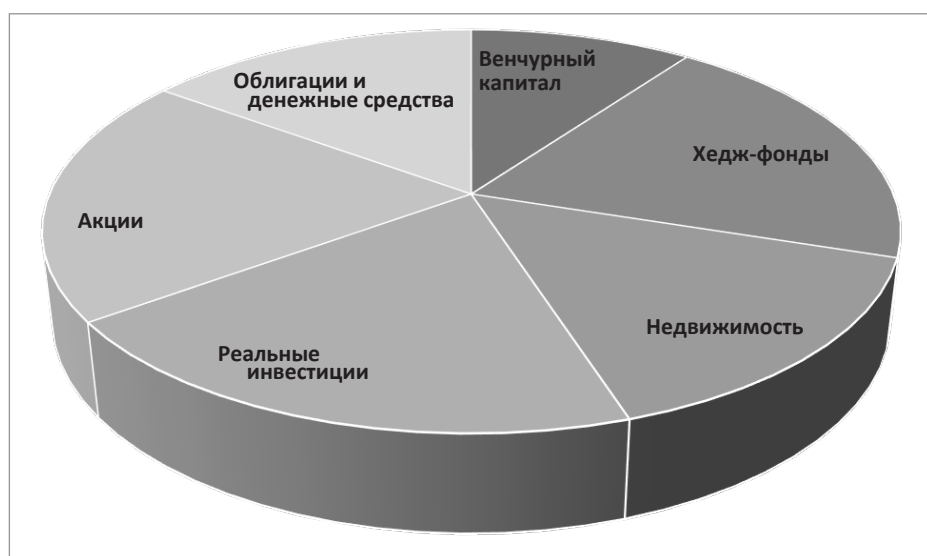

Рис. 2 / Fig. 2. Пропорциональное соотношение активов в портфеле эндаумент-фонда Гарвардского университета в 2023 г. / Relative proportions of assets in the Harvard Endowment Fund portfolio (2023)

Источник / Source: составлено автором на основе Financial Report 2023 Harvard University / compiled by the author based on Financial Report 2023 Harvard University.

Высокую эффективность по соотношению показателей риска и доходности на долгосрочном горизонте продемонстрировала и Гарвардская модель, предполагающая также широкую диверсификацию активов, включая значительную долю альтернативных инвестиций. Но в ней, в отличие от Йельской,

до 2010 г. управление осуществлялось внутренним подразделением университета — собственным инвестиционным офисом. В 2010-х гг. модель показала низкую эффективность — внутреннее управление не дало результатов, сравнимых с внешними фондами, что привело к ее трансформации и переходу

на комбинированную стратегию с передачей части активов внешним компаниям.

Гарвардский эндаумент для снижения рисков стремится распределить свой целевой капитал среди множества классов активов, выбирая для этих целей традиционные и альтернативные, а также диверсифицируя средства по географическому принципу [7]. Акции и облигации составляют умеренную долю портфеля, а большая его часть — это прямые и альтернативные инвестиции: вложения в недвижимость, природные ресурсы (реальные активы), венчурный капитал, хедж-фонды. Горизонт инвестирования большинства активов составляет 10–20 лет, что позволяет использовать преимущества сложных стратегий.

Структура портфеля эндаумента Гарварда предполагает размещение до 65–70% средств целевого капитала в альтернативные активы³ (рис. 2).

Подобное распределение позволяет эндаументу получать высокую доходность в долгосрочной перспективе. В отличие от Йельской модели, Гарвардская традиционно акцентировала внимание на внутреннем управлении с активным вложением в реальные активы (такие как природные ресурсы и инфраструктура), что делает ее схожей с Канадской. Также, в отличие от других, Гарвардская модель более интенсивно использует заемные средства и ориентирована на долгосрочную стабильность путем диверсификации активов и применения альтернативных инструментов. Она считается эталонной и применяется в рамках автоследования⁴. Несмотря на сложности, связанные с внутренним управлением, проявившиеся в 2010 г., реформа структуры и переход к более адаптивным стратегиям позволили сохранить хорошее долгосрочное соотношение показателей риска и доходности портфеля.

Стэнфордская модель похожа на Йельскую и Гарвардскую в том, что касается приоритетного выбора альтернативных активов для инвестирования, но акцентируется на поддержании высокой гибкости и адаптивности стратегии в краткосрочной и среднесрочной перспективе (ликвидность активов рассматривается как третий ключевой ориентир). Стэнфордский университет активно инвестирует в инновационные сектора, что отражает его тесную

связь с Кремниевой долиной. Такая модель предполагает размещение значимой части портфеля в высокорисковый и высокодоходный венчурный капитал.

Структура портфеля эндаумента Стенфорда подразумевает размещение до 65–70% средств целевого капитала в альтернативные активы с приоритетным выбором высокотехнологичных стартапов⁵ (рис. 3).

Уникальное расположение университета в Кремниевой долине определило специфику инвестирования эндаумента в перспективные технологические компании, биотехнологии, ИИ, финтех и пр. Значительная доля капитала эндаумента (около 30%) направляется в венчурные фонды. Стэнфордская модель демонстрирует среднегодовую доходность около 10–12%, что сопоставимо с результатами Йельской. Для минимизации рисков распределение активов в портфеле регулярно пересматривается с частотой, которая зависит от рыночных условий. Во время кризиса или высокой волатильности на финансовых рынках доля венчурных инвестиций может снижаться, а при росте инновационных секторов эндаумент Стенфорда, наоборот, демонстрировал возможность расширения венчурного капитала [8] — таким образом, например, был поддержан интенсивный рост Google, Uber и других компаний.

Инвестиционная модель Стенфорда оптимизирует портфель для максимизации доходности на горизонте 20+ лет. В отличие от Гарвардской, управление активами осуществляется в основном извне в рамках секторального распределения для реализации прямых инвестиций и вложений в специальные венчурные фонды.

Сравнение наиболее успешных по соотношению риск/доходность инвестиционных моделей эндаумент-фондов представлено в табл. 2.

Стэнфордская модель обладает рядом преимуществ по сравнению с двумя другими: в частности, ее высокая доходность обеспечивается сильной связью с инновационными высокотехнологичными индустриями Силиконовой долины. Но этот же факт определяет ключевые риски, сопряженные с высокой зависимостью доходности портфеля от конъюнктуры технологических секторов, а также с высокой долей низколиквидных активов (венчурный капитал, недвижимость).

³ URL: https://finance.harvard.edu/files/fad/files/fy23_harvard_financial_report.pdf

⁴ Автоследование — это возможность копировать стратегию опытных инвесторов, ориентируясь на долевое соотношение активов.

⁵ URL: <https://bondholder-information.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj21416/files/media/file/fy23-stanford-annual-financial-report.pdf>

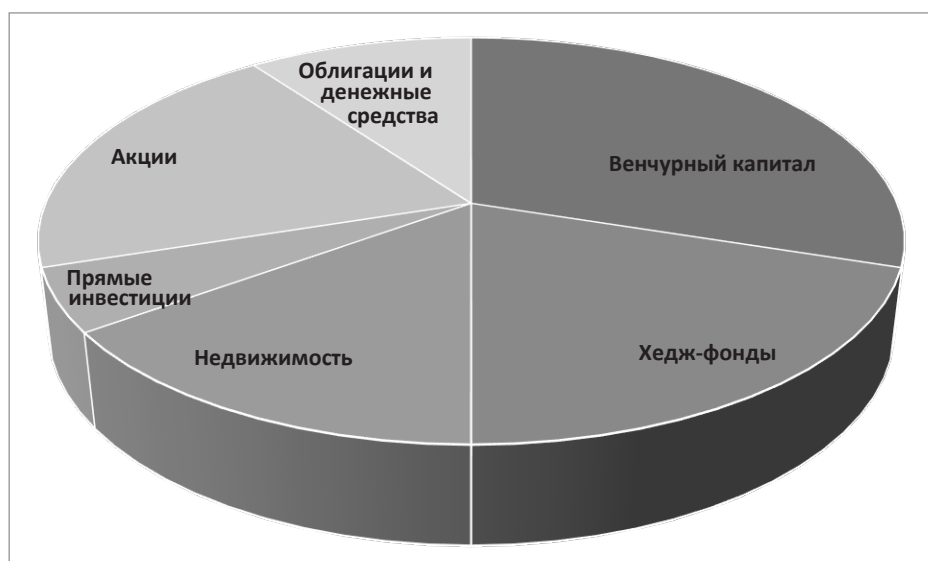

Рис. 3 / Fig. 3. Пропорциональное соотношение активов в портфеле эндаумент-фонда Стэнфордского университета в 2023 г. / Relative proportions of assets in the Stanford Endowment Fund portfolio (2023)

Источник / Source: составлено на основе Stanford annual financial report / compiled by the author based on Stanford annual financial report.

Таблица 2 / Table 2

Сравнительная характеристика инвестиционных моделей эндаумент-фондов университетов / Relative proportions of investment models of the university endowment funds

Критерий	Стэнфордская модель	Йельская модель	Гарвардская модель
Основные активы в портфеле	Венчурный капитал: технологии и инновации	Хедж-фонды	Реальные инвестиции: природные ресурсы
Венчурный капитал	Высокий (~30%)	Умеренный (~20%)	Низкий (~10%)
Гибкость управления	Высокая	Средняя	Низкая
Риск	Высокий	Средний	Низкий
Доходность	Высокая (~10–12%)	Высокая (~12%)	Средняя (~8–9%)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Кроме рассмотренных трех наиболее доходных моделей, существуют другие, каждая из которых основывается на различных подходах к управлению активами, диверсификации и оценке рисков. Традиционной, исторически используемой большинством средних и малых эндаумент-фондов до появления инновационных моделей (Йельской, Гарвардской и Стэнфордской) является классическая Endowment Model (инвестиционная модель эндаументов) [9]. В ее рамках предполагается осуществление консер-

вативных инвестиций (с вложением до 70% средств в рынок акций и облигаций) с минимальной долей альтернативных или их полным отсутствием. Безусловно, данная модель обеспечивает минимизацию рисков, высокий показатель ликвидности активов и стабильный предсказуемый доход, который, однако, будет существенно ниже, чем у современных, ориентированных на альтернативные активы. До кризиса 2022 г. модель могла обеспечивать умеренный рост капитала, превышающий инфляцию, что

позволяло применяющим ее эндаумент-фондам поддерживать объем целевого капитала в реальном выражении и использовать инвестиционный доход для достижения уставных целей университетов, но в условиях увеличения инфляции и снижения доходности традиционных финансовых активов она совсем не пригодна.

К классическим также относится инвестиционная модель Марковица (Modern Portfolio Theory), в рамках которой оптимальное распределение активов в портфеле производится путем решения задачи по нахождению баланса между доходностью и риском с учетом допустимых инвестором предельных значений этих показателей. Модель имеет ограниченное применение для целевого капитала, так как слабо учитывает его специфику, проявляющуюся в бессрочности использования средств, поэтому в большинстве случаев она определяет эффективное множество портфелей без учета альтернативных активов.

Как комбинация классических и инновационных стратегий функционирует модель Свенсена (Swensen Model), ориентированная на долгосрочные инвестиции в неэффективные рынки⁶. При этом основу, как и в современных высокодоходных моделях, составляют прямые и венчурные инвестиции, вложения в хедж-фонды, но для выявления направлений подбираются управляющие, обладающие уникальным опытом в проведении экспертизы и способные выявить рыночные дисбалансы. Модель Свенсена обеспечивает лучшее соотношение между ликвидностью и доходностью портфеля, так как подразумевает использование менее волатильных активов за счет высокопрофессиональной оценки рисков и выявления неэффективности.

Перечисленные выше модели базируются на портфельной теории, которая рекомендует диверсифицировать активы и создавать портфели с осуществлением регулярной ребалансировки⁷ их структуры: в зависимости от выбора подбирается структура управления инвестициями и определяются расходы на нее. В противопоставление всем вышеуказанным была разработана Канадская модель (Canadian Model), которая применяется круп-

нейшим канадским эндаументом Университета Торонто (University of Toronto) и предполагает прямое владение активами: инвестирование целевого капитала в инфраструктуру, недвижимость, природные ресурсы (в частности, в покупку аэропортов, магистралей, коммерческой недвижимости и др.), а также минимизацию расходов на управляющих.

Данная модель ориентирована на сложные и масштабные проекты с длительным сроком окупаемости (10–20 лет), требующие значительных капиталовложений, и недоступна для небольших фондов. Средства эндаумента Университета Торонто активно инвестируются за пределами Канады на рынки Северной Америки, Европы, Азии и развивающихся стран. В отличие от моделей, зависящих от внешних управляющих (например, Yale Model), Канадская делает ставку на внутренние команды профессионалов, что помогает снизить издержки на комиссии управляющих и повысить гибкость в принятии решений. Это высокоэффективный подход для крупных эндаумент-фондов: требуя значительных ресурсов и профессионального управления, модель позволяет им участвовать в глобальных проектах и владеть активами, обеспечивающими стабильный доход, а также демонстрирует отличный баланс между риском и доходностью, выступая одной из самых успешных для крупных институциональных инвесторов.

Эндаумент-фонды университетов используют различные модели инвестирования в зависимости от своих целей, масштабов и доступных ресурсов. Инвестиционная модель Йеля остается эталоном благодаря своей высокой доходности и широкой диверсификации, но другие — такие как Гарвардская и Канадская — показывают, что высокая доходность при умеренном уровне риска может быть достигнута при их адаптации к уникальным условиям фонда.

За последние десятилетия эндаументы крупнейших университетов и организаций существенно выросли: например, у Гарвардского или Йельского — в 3 и 5 раз, соответственно. В условиях увеличения капиталов эффективность управления фондами становится очень важна для их долгосрочной устойчивости и выполнения текущих задач, что требуют более сложных и адаптивных подходов. Теперь традиционные классы активов, такие как облигации, не всегда могут обеспечить достаточную доходность для покрытия инфляции, поэтому фокус внимания сместился в сторону более продвинутых методов инвестирования. Практики управления активами с использованием альтернативных инвестиций

⁶ Неэффективность рынка — это ситуация, когда на рынке появляется недооценка или переоценка актива, но основная масса участников торгов ее игнорирует.

⁷ Ребалансировка — это процесс рекомбинации активов в инвестиционном портфеле с целью достижения соотношения между различными классами активов в соответствии с инвестиционной стратегией.

(венчурный капитал, недвижимость, хедж-фонды) показали себя более действенными в долгосрочной перспективе (средний уровень доходности фондов вырос до 10–12%).

Однако в некоторых странах, в том числе в России, законодательство ограничивает виды активов, доступных для инвестирования, что вынуждает управляющих разрабатывать стратегии, максимизирующие доходность в рамках существующих нормативов. Даже при строгих законодательных ограничениях грамотное управление капиталами позволяет достигать высоких результатов в условиях высокой волатильности ключевых финансовых показателей. С учетом того, что в российской практике фонды целевого капитала появились только в 2007 г.⁸, изучение зарубежного опыта представляется очень важным.

УПРАВЛЕНИЕ ЦЕЛЕВЫМ КАПИТАЛОМ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Почти половина всех действующих эндаумент-фондов в России — университетские, и топ-десять из них имеют активы свыше 500 млн руб. [10]. В ближайшем будущем количество эндаументов в сфере высшего образования, скорее всего, будет увеличиваться при активном участии со стороны власти. Многие университетские фонды в нашей стране поддерживают различные программы и направления. Например, в Высшей школе экономики (НИУ ВШЭ) создано 10 целевых направлений, в Московском физико-техническом институте — 12, а в Уральском федеральном университете им. Б.Н. Ельцина — 14 [11].

Основателями эндаумент-фондов высшей школы чаще всего выступают сами учебные заведения или объединения выпускников монопрофильных специализированных вузов, ориентированных на конкретные отрасли, компании и регионы. Выпускники демонстрируют высокую сплоченность и активно поддерживают свои университеты, претендуя на активное участие в управленческих процессах.

В классических многопрофильных университетах развитые связи с выпускниками обычно встречаются на уровне отдельных факультетов или кафедр, имеющих отраслевую специализацию. Часто подобные эффективные стратегии опережают

инициативы центральной администрации, и такой подход более продуктивен.

Однако, несмотря на усиление такого сотрудничества, рост целевых капиталов сдерживается нехваткой квалифицированных специалистов, способных профессионально заниматься привлечением средств в фонды. Редко случается, что в российских университетах для занятия фандрайзингом создаются отдельные подразделения или вводятся ставки специалистов. Чаще всего — это дополнительная обязанность сотрудников, что снижает эффективность подобной работы. Поэтому в формате управления целевым капиталом российских эндаумент-фондов важно наличие/отсутствие ключевого спонсора, источники, объемы и скорость ежегодного пополнения целевого капитала, а также степень централизации в принятии управленческих решений по аккумулируемым средствам.

Большая часть средств эндаумент-фондов российских университетов поступает от частных или корпоративных спонсоров и выпускников университетов. В некоторых случаях (как и в международной практике) осуществляется государственная поддержка на начальном этапе формирования капитала (например, фонд Сколково).

В соответствии с российским законодательством, активами эндаумент-фондов российских университетов занимаются профессиональные управляющие компании (УК). По данным рейтингового агентства «Эксперт РА» на 30 июня 2024 г., крупнейшими из них являются «ТКБ Инвестмент Партнерс», «Траст-Юнион Эссет Менеджмент», «РОНИН Траст» (рис. 4).

На рис. 4 показано, что среди крупнейших УК российских эндаументов есть как специализированные финансовые институты, так и организации крупнейших банков. С 2021 г. на данном рынке появились несколько новых достаточно крупных игроков. Например, АО «Регион Эссет Менеджмент» активно пополняет свой портфель и с 2021 г. начало сотрудничество с Московским городским педагогическим университетом (МГПУ), взяв в управление целевой капитал Института психологии и комплексной реабилитации⁹. Период 2020–2021 гг. характеризовался стремительным ростом активов фондов целевого капитала: с 29,8 до 44,1 млрд руб.¹⁰, но

⁸ Заметим, что в дореволюционной России существовали элементы эндаумент-фондов (например, демидовские стипендии), но эти благотворительные традиции были утрачены в советское время.

⁹ URL: https://www.mgpu.ru/obrazovanie/institutes/ipkr/tselevoj-kapital-mgpu-isop/?utm_source=chatgpt.com

¹⁰ Рассчитано на основе информации из исследования «Российские фонды целевых капиталов: качество и полнота раскрытия информации», РАЭК-Аналитика и Фонд Потанина, Москва, 2024 г.

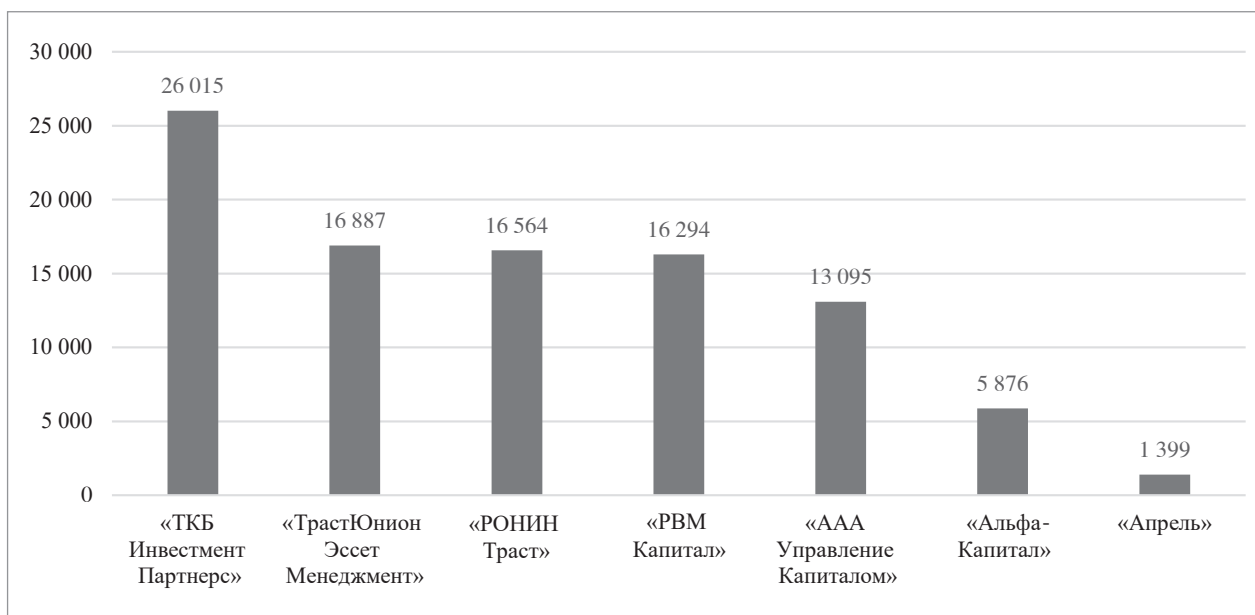

Рис. 4 / Fig. 4. ТОП-7 крупнейших российских управляющих компаний по объему активов эндаумент-фондов на 30 июня 2024 г., в млн руб. / Top 7 major Russian management companies by mutual fund assets as of July 30, 2024 in million Rubles

Источник / Source: составлено на основе данных рейтингового агентства «Эксперт РА» / compiled by the author based on data from the rating agency "Expert RA".

в 2022 г., из-за переоценки активов, произошло существенное снижение его объемов. Поэтому рост в 2023 г. общего объема активов эндаумент-фондов под управлением вышеуказанных компаний, по сравнению с 2022 г., отражает в первую очередь эффект низкой базы¹¹, а во вторую — тенденции к увеличению количества и размеров фондов целевого капитала в России. Поэтому в рамках подбора стратегии важно ориентироваться на опыт управляющих компаний, касающийся именно целевого капитала, с учетом их способности к генерации дополнительной премии на долгосрочный инвестируемый капитал, т.е. создавать устойчивую доходность. Стоит отметить, что сейчас российские УК в большинстве случаев ориентируются на среднесрочную или даже краткосрочную перспективу, что не позволяет извлекать полную доходность от инвестирования «длинных денег».

Законодательство Российской Федерации строго регулирует виды активов, допустимых для инвестирования целевого капитала. Находящиеся

в управлении средства эндаумент-фондов могут быть вложены только в инструменты со средним и низким уровнем риска, что, безусловно, ограничивает доходность вложений. Поэтому большая часть средств эндаумент-фондов вузов сейчас инвестируется в денежный рынок, облигации и другие низкорискованные инструменты. Альтернативные активы, такие как недвижимость или венчурный капитал, используются редко из-за законодательных ограничений и недостатка управленческого опыта.

Закон «О порядке формирования и использования целевого капитала»¹² также содержит ограничения, которые применяются по отношению к эндаумент-фондам, например, на источники формирования капитала, что возможно только за счет денежных пожертвований.

Исследование конкретных моделей управления российскими вузовскими эндаумент-фондами затруднительно из-за непрозрачности отчетности и/или отсутствия полной информации в открытом доступе. Эти фонды инвестируют преимущественно в консервативные активы, такие как облигации и депозиты — в результате на долгосрочном горизонте наблюдается низкая среднегодовая доходность,

¹¹ Эффект низкой базы (или low base effect) — ситуация, когда текущие темпы роста (например, ВВП, прибыли, производства и др.) выглядят высокими по сравнению с аномально низкими показателями предыдущего года. То есть рост кажется значительным, но это в основном связано с тем, что точка отсчета (база сравнения) была очень низкой.

¹² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64939/

но высокий уровень сохранности капитала. В последние годы происходит постепенное внедрение практик инвестирования в альтернативные активы: так, «Сколтех» активно вкладывает средства в инновационные и высокотехнологичные проекты, а СПбГУ — в недвижимость.

ВЫВОДЫ

Российские университетские эндаумент-фонды продолжают развиваться и повышать эффективность своих инвестиционных стратегий, следуя успешным примерам международной практики. Для активизации их роста необходимо повышать уровень профессионализма команд внутреннего и внешнего управления целевым капиталом, внедрять альтернативные инструменты инвестирования, усиливать взаимодействие с донорами и постепенно создавать культуру благотворительности.

Зарубежные подходы к управлению эндаументами значительно более эффективны благодаря использованию гибких моделей, учитывающих динамику рыночных факторов и предполагающих широкую диверсификацию активов. Российские модели ведут к потере объемов фондов в реальном выражении (у большинства в 2022–2023 гг. реальная доходность отрицательная) или чрезмерному накоплению неликвидных активов. Для успешного развития эндаументов в нашей стране требуется либерализация законодательной базы и реализация комбинированных стратегий инвестиционной деятельности, основанных на лучшем мировом опыте. Эти решения могут способствовать развитию системы высшего образования, продвижению научно-исследовательских инициатив и научно-техническому прогрессу в условиях экономических ограничений и усиления конкуренции на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Князев Е.А., Дрантусова Н.В. Дифференциация в высшем образовании: основные концепции и подходы к изучению. *Университетское управление: практика и анализ*. 2012;(5):43–52.
Knyazev E.A., Drantusova N.V. Differentiation in higher education: The main concepts and approaches to study. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2012;(5): 43–52. (In Russ.).
2. Chao-Bushoven K.H. Why do people donate? Motivation of major donors in higher education. Master degree thesis. Arcata, CA: Cal Poly Humboldt; 2021. 81 p. URL: <https://digitalcommons.humboldt.edu/etd/462/>
3. Dimmock S.G., Wang N., Yang J. The endowment model and modern portfolio theory. *Management Science*. 2024;70(3):1554–1579. DOI: 10.1287/mnsc.2023.4759
4. Longo J.M. Lessons on risk, return, and portfolio construction from the great investors. In: Lee C.F., Lee A.C., Lee J.C., eds. *Handbook of investment analysis, portfolio management, and financial derivatives*. Singapore: World Scientific Publishing Co Pte Ltd; 2024;4:2023–2050. DOI: 10.1142/9789811269943_0064
5. Chaplinsky S. Investure, LLC: Investing in alternative assets. Charlottesville, VA: Darden Business Publishing; 2021. 19 p.
6. Ceulenaere J., Van Haver S. University endowment funds: exploring their returns and the impact of alternative assets. Master degree thesis. Ghent: Ghent University; 2024. 75 p. URL: https://libstore.ugent.be/fulltxt/RUG01/003/203/401/RUG01-003203401_2024_0001_AC.pdf
7. Fardows N., et al. Enhancing quality assurance in higher education through strategic endowment fund management: Case studies and best practices. *The Business and Management Review*. 2023;14(3):46–53. DOI: 10.24052/BMR/V14NU 03/ART-05
8. Etzkowitz H. Entrepreneurial university icon: Stanford and Silicon Valley as innovation and natural ecosystem. *Industry and Higher Education*. 2022;36(4):361–380. DOI: 10.1177/09504222221109504
9. Gao X., Gu Z., Wang Z. A choice model of university endowments governance. *The B.E. Journal of Theoretical Economics*. 2021;21(1):269–285. DOI: 10.1515/bejte-2019-0136
10. Ошанина О. Филантропы приходят в вузы. Эндаумент-фонды помогают развивать науку и образование. *Ведомости*. 19 июля 2023. URL: https://www.vedomosti.ru/science/private_initiative/articles/2023/07/19/986016-filantropi-prihodyat-v-vuzi
Oshanina O. Philanthropists come to universities. Endowment funds help develop science and education. *Vedomosti*. Jul. 19, 2023. URL: https://www.vedomosti.ru/science/private_initiative/articles/2023/07/19/986016-filantropi-prihodyat-v-vuzi (In Russ.).

11. Климанов В.В., Казакова С.М. Эндаументы в России: состояние и перспективы. Аналитический доклад. М.: Благотворительный фонд Владимира Потанина; 2022. 31 с. URL: <https://fondpotanin.ru/upload/iblock/998/h741x8aazn2rvbjh1b60ae0xq9hhtxpc.pdf>
Klimanov V.V., Kazakova S.M. Endowments in Russia: Status and prospects. Analytical report. Moscow: Vladimir Potanin Charitable Foundation; 2022. 31 p. URL: <https://fondpotanin.ru/upload/iblock/998/h741x8aazn2rvbjh1b60ae0xq9hhtxpc.pdf> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Анна Арменовна Пилипосян — советник при ректорате, преподаватель МГИМО, Москва, Российская Федерация

Anna A. Piliposyan — Advisor to the Rector, Lecturer of Moscow State University of International Relations, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0009-0003-3264-2059>

pliposyan.a.a@my.mgimo.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.01.2025; после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 28.01.2025; revised on 15.02.2025 and accepted for publication on 03.03.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-73-85
УДК 338.24(045)
JEL M21

Масштабирование субъектов малого и среднего предпринимательства на макроуровне при реализации мер государственной поддержки

А.Е. Плахин, Е.Г. Шеина

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена тем, что малые и средние предприятия (МСП) играют ведущую роль в экономике любой страны, поэтому представляется важным исследовать факторы, оказывающие существенное влияние на их масштабирование. **Цель статьи** — выявление связи или ее отсутствия между факторами макроуровня, государственной поддержки и деятельности субъектов МСП в семнадцати отраслях национальной экономики. В связи с этим авторами выдвинуто три гипотезы о влиянии мер государственной поддержки на результаты масштабирования МСП. **Методы:** исследование было проведено с использованием актуальных данных на основе их отбора из достоверных источников. Оценка влияния факторов на результаты деятельности субъектов МСП в различных отраслях экономики проводилась посредством построения корреляционных моделей. **Научная новизна** работы заключается в развитии методических положений определения факторов масштабирования субъектов МСП и разработке матрицы оценки управления ими в отраслях национальной экономики с учетом государственной поддержки. **Результаты исследования** позволили выявить резистентность ряда отраслей к мерам государственной поддержки, реализованным в рамках национального проекта РФ. **Практическая значимость** статьи состоит в том, что полученные результаты позволяют усовершенствовать оценку влияния мер государственной поддержки на динамику показателей развития и масштабирования субъектов МСП в стратегически значимых отраслях национальной экономики.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства; масштабирование; факторы; макроуровень; государственная поддержка; корреляция; меры поддержки

Для цитирования: Плахин А.Е., Шеина Е.Г. Масштабирование субъектов малого и среднего предпринимательства на макроуровне при реализации мер государственной поддержки. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):73-85. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-73-85

ORIGINAL PAPER

Scaling Small and Medium-Sized Enterprises at the Macro Level in the Government Support Measures

A.E. Plakhin, E.G. Sheina

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of the study is due to the fact that small and medium-sized enterprises (SMEs) play a key role in the economy of any country. Therefore, it is important to investigate the factors that significantly influence their scaling. The aim of this article is to identify the presence or absence of a relationship between macro-level factors, government support, and the performance of SMEs across seventeen sectors of the national economy. In this regard, the authors proposed three hypotheses about the impact of government support measures on SME scaling results. **Methods:** the study was conducted using up-to-date data selected from reliable sources. The influence of various factors on the performance of SMEs in different sectors of the economy was assessed by building correlation models. **Scientific novelty** of the research lies in the development of methodological approaches to identifying scaling factors of SMEs and the creation of an assessment matrix for managing SME scaling in sectors of the national economy, taking government support into account. **Research**

© Плахин А.Е., Шеина Е.Г., 2025

results revealed the resilience of certain sectors to the government support measures implemented under the national project of the Russian Federation. **Practical significance** of the article is that the findings can help improve the evaluation of how government support measures affect the dynamics of development and scaling indicators of SMEs in strategically important sectors of the national economy.

Keywords: small and medium-sized businesses; scaling; factors; macro-level; government support; correlation; support measures

For citation: Plakhin A.E., Sheina E.G. Scaling small and medium-sized enterprises at the macro level in the government support measures. *The World of the New Economy*. 2025;19(2):73-85. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-73-85

ВВЕДЕНИЕ

Малое и среднее предпринимательство представляет одну из важных и проблемных сфер российской экономики. Выступая в качестве локомотива модернизации экономических процессов [1], формируя «индустриальную и социальную диверсификацию общества» [2] и положительно влияя на устойчивое развитие отдельных территорий [3], малые и средние предприятия, вместе с тем, являются уязвимым сектором экономики, развивающимся очень неравномерно [4] из-за ограниченности доступа к ресурсам и наличия ряда нормативно-законодательных барьеров. Это затрудняет процесс их масштабирования в виде положительного преобразования показателей деятельности, в том числе, качественного перехода из одной категории субъектов МСП в другую, что, соответственно, обуславливает потребность в выстраивании особых отношений между государством и бизнесом с целью развития приоритетных отраслей национальной экономики [5].

О высокой дискусионности данной темы свидетельствуют многочисленные исследования, где значительное внимание уделяется развитию сектора МСП, а также эффективности реализуемых мер государственной поддержки [6]. Ученые подчеркивают несомненное положительное влияние последней на динамику развития МСП [7], отмечая необходимость более глубокого изучения их взаимосвязи [8]. В работах эмпирически подтверждается интенсивность внедрения экологических практик в производство в результате освоения средств государственной поддержки [9], выявляется недостаточная прозрачность условий их распределения [10], а также отсутствие стремления к достижению рыночной зрелости и независимости малых и средних предприятий [4].

Так может ли российский малый и средний бизнес равномерно развиваться по отраслям без государственной поддержки, или же она — неотъемлемое условие масштабирования и роста данного сектора экономики? С целью устранения научно-теоретического пробела, не позволяющего

однозначно ответить на данный вопрос, в данной статье проведено структурирование комплекса факторов и оценка их влияния на масштабирование субъектов МСП.

Под масштабированием субъектов МСП авторы понимают положительную реакцию на институциональное стимулирование развития микро-, малых и средних предприятий в виде улучшения их основных финансово-экономических показателей деятельности, в том числе лежащих в основе оценки перехода из одной категории субъектов предпринимательской деятельности в другую (более высокую).

Поставленная авторами цель диктует необходимость:

- идентифицировать факторы макроуровня, оказывающие влияние на положительные изменения показателей деятельности МСП с учетом и без учета мер государственной поддержки;
- на основе обозначенных критериев сформировать информационную базу для проведения анализа выявления связи между отобранными авторами факторами макроуровня и качественными изменениями показателей МСП;
- разработать методический инструментарий для проведения исследования по сгруппированным факторам на основе сформулированных гипотез, призванных подтвердить или опровергнуть научную идею о наличии взаимосвязи между различными факторами масштабирования субъектов МСП в российской экономике и показателями их деятельности (рис. 1).

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ МСП

Стимулирование развития малых и средних предприятий в контуре национальной экономики зависит от многообразия способствующих или препятствующих данному процессу внешних (сторонних) и внутренних факторов. Это предопределяет целесообразность конструирования и обоснования их выбора, а также установления взаимосвязей и взаимозависимости между ними.

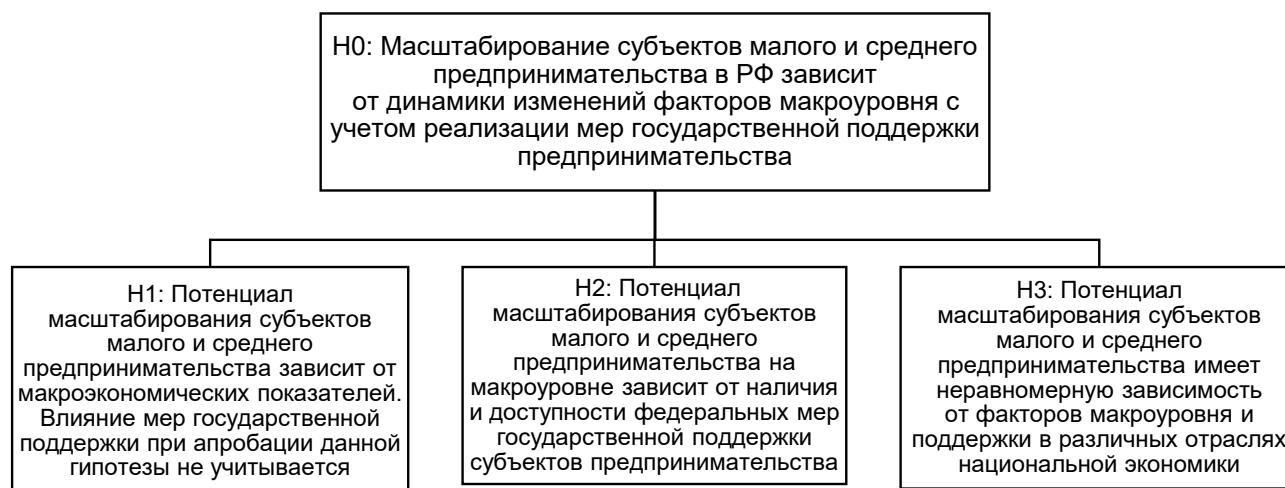

Рис. 1 / Fig. 1. Гипотезы исследования / Research hypotheses

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Ряд ученых в качестве основных стимулов выделяют внутренние факторы развития МСП: необходимость стратегического планирования [1, 11], изменение стадий их жизненного цикла [12, 13], особенности психологического типа личности предпринимателя [14], а также акцентируют внимание на активном заявительном участии МСП в различных видах поддержки их деятельности [15].

При этом у исследователей отсутствует единство в констатации факта положительного влияния мер государственной поддержки: отмечается их в целом благоприятное влияние [7] и направленность на «повышение эффективности предпринимательской сферы» [16]. При этом имеется пласт работ, критикующих «вспомоществование и льготирование» существующих мер поддержки [4], отсутствие четкого фокуса государственной политики на сектор МСП [17], несоответствие задач и ресурсов при реализации национальных проектов [5] и полемизирующих, почему поддержку получают не те предприятия, которые реально в ней нуждаются [8].

Не умаляя значимости накопленного опыта, необходимо отметить разрозненность ученых в освещении вопросов отбора факторов макроуровня, оказывающих влияние на масштабирование субъектов МСП, а также отсутствие исследований, посвященных обоснованию уровня влияния мер государственной поддержки на показатели их роста в разрезе отраслей национальной экономики. Данные обстоятельства позволили авторам настоящей статьи внести свой вклад в существующую научную дискуссию по данному вопросу.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поставленная цель предопределяет разработку и применение методологии выявления факторов макроуровня, имеющих потенциал влияния на масштабирование субъектов МСП, с учетом и без учета реализации мер государственной поддержки предпринимательства на федеральном уровне. Такая методология дает возможность учесть общую динамику макроэкономических показателей национальной экономики, а также отдельных мер поддержки, обозначенных в паспорте национального проекта РФ «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»¹, и включает следующие этапы.

1. Определение целевого вектора масштабирования субъектов МСП на уровне национальной экономики, параметры обоснования которого являются динамичными и могут корректироваться в соответствии с изменениями нормативно-правовой базы в сфере поддержки предпринимательства в РФ, а также — с актуализацией национальных целей развития страны согласно указам Президента РФ.

2. Отбор перечня источников, содержащих наиболее полную и достоверную информацию для проведения оценки факторов макроуровня, влияющих на потенциал масштабирования субъектов МСП.

¹ URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/

3. Формирование информационной базы для расчетов на основе данных официальных сайтов Федеральной службы государственной статистики, Министерства экономического развития РФ и Банка России в соответствии с поставленной целью исследования в разбивке по категориям на микро-, малые и средние предприятия.

4. Проведение исследования в соответствии с алгоритмом определения факторов масштабирования субъектов МСП (рис. 2).

5. Наличие и существенность (или отсутствие) взаимосвязей выбранных авторами значимых для данной задачи показателей из анализируемых трех групп: x_1 , x_2 и x_3 определяется через коэффициент корреляции, уровень связанности — в соответствии со шкалой Чеддока².

6. Приведение данных к методически сопоставимому формату посредством применения метода нормирования.

7. Тестирование гипотез, сформулированных авторами с целью подтверждения или опровержения научной идеи о наличии взаимосвязи между различными факторами масштабирования субъектов МСП.

Гипотеза 1: H1 — Потенциал масштабирования субъектов МСП зависит от макроэкономических показателей. Влияние мер государственной поддержки при апробации данной гипотезы не учитывается.

В качестве ключевых, оказывающих наиболее значительное влияние на масштабирование субъектов МСП, авторами выделены следующие показатели группы факторов макроуровня (табл. 1).

В связи с поставленной целью: оценить влияние факторов с учетом и без учета реализации мер государственной поддержки предпринимательства в рамках действия национального проекта РФ, анализируется временной период проведения исследования для всех групп факторов и показателей с 2019 по 2023 г. В качестве результирующих выбраны отдельные показатели деятельности МСП.

Гипотеза 2: H2 — Потенциал масштабирования субъектов МСП на макроуровне зависит от наличия и доступности федеральных мер государственной поддержки субъектов предпринимательства.

В качестве факторов государственной поддержки предпринимательства на федеральном уровне, оказывающих наиболее значительное влияние на масштабирование субъектов МСП и во многом определяющих его потенциал, авторами выделены следующие (табл. 2).

Гипотеза 3: H3 — Потенциал масштабирования субъектов МСП имеет неравномерную зависимость от факторов макроуровня и факторов поддержки в различных отраслях национальной экономики.

Чтобы отобразить тенденции развития субъектов МСП в РФ, выбрано десять показателей, обобщающих результаты их деятельности в различных отраслях национальной экономики (табл. 3).

Определение степени влияния групп факторов на масштабирование субъектов МСП

Перечень факторов трех групп (табл. 1–3) представляет собой наиболее полный спектр показателей, всесторонне раскрывающих траекторию развития сектора МСП. Поэтому целесообразно применить метод корреляционного анализа в программе Excel, что позволит на основании сформированной информационной базы исследования определить наличие и существенность взаимосвязей показателей групп x_1 , x_2 и x_3 или их отсутствие (табл. 4).

В соответствии с алгоритмом (рис. 3), фактор влияет на масштабирование субъектов МСП при условии, что значение его связи с результирующими показателями $> 0,7$. Таким образом, было проведено нормирование показателей с целью их приведения к сопоставимому формату.

Авторы отобрали перечень факторов макроуровня для анализа по принципу их значимости для развития МСП: ключевая ставка ЦБ РФ влияет на доступность кредитования, которое является одним из основных источников финансирования деятельности МСП; уровень инфляции, темп роста ВВП, среднегодовой курс рубля и денежные доходы отражают возможности потребления и влияют на спрос, что, в свою очередь, отражается на выручке и иных показателях МСП.

Однако гипотеза 1 не подтвердилась: потенциал масштабирования субъектов МСП зависит лишь от двух из пяти макроэкономических показателей — x_{12} и x_{14} , при этом не все результирующие показатели МСП оказываются одинаково чувствительны к ним. Следовательно, полученный итог не отражает качественное масштабирование, а лишь указывает на рост отдельных показателей МСП в связи с ростом инфляции.

Фактор макроуровня x_{11} показывает слабую связь практически со всеми результирующими показателями МСП, так как при росте ключевой ставки кредитование становится менее доступным, что сдерживает рост МСП. Факторы макроуровня x_{13} и x_{15} также имеют умеренную связь или от-

² URL: <https://stepik.org/lesson/424892/step/7?unit=414724>

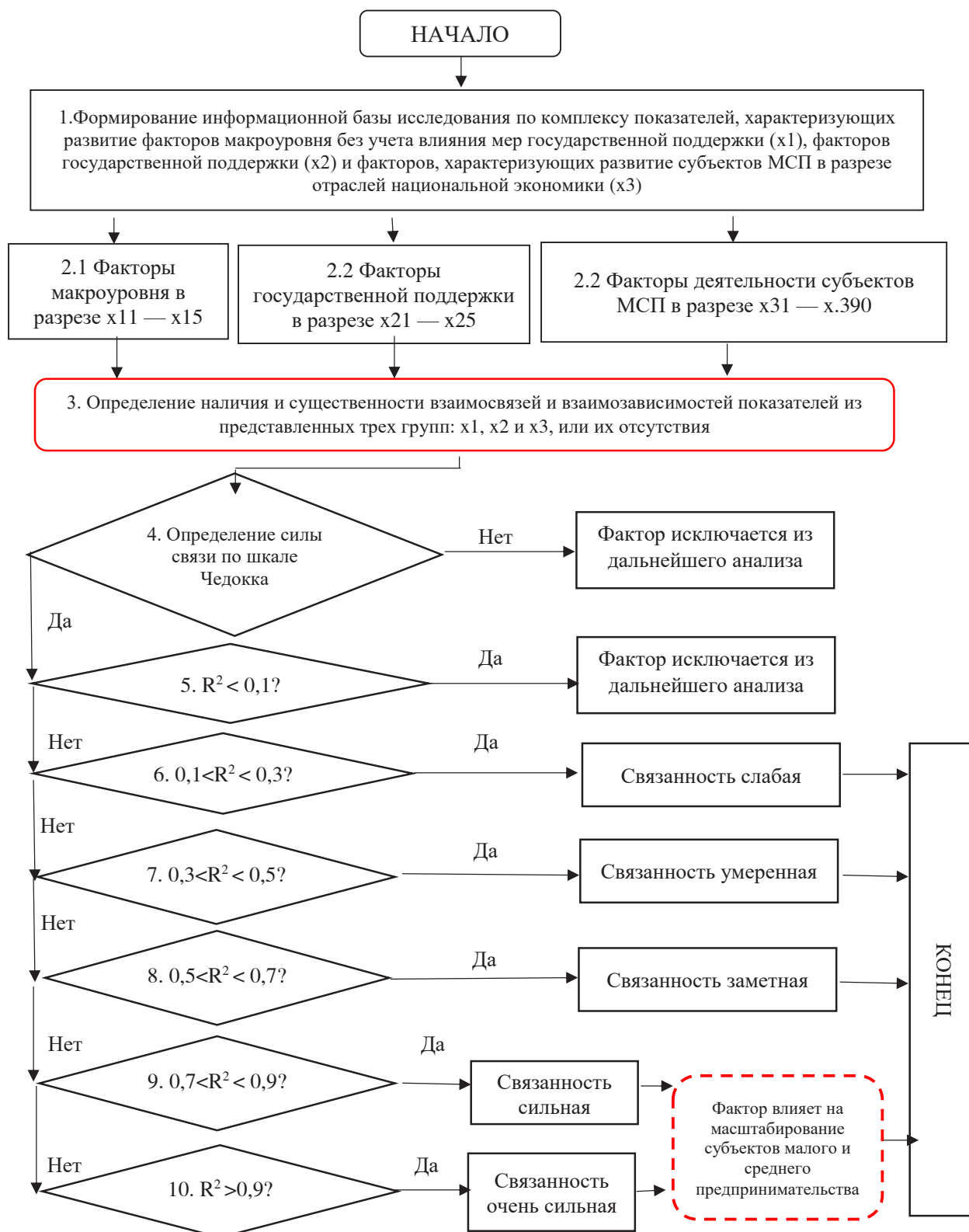

Рис. 2 / Fig. 2. Алгоритм определения факторов масштабирования субъектов МСП /
Algorithm for Identifying Scaling Factors of SMEs

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: R^2 – коэффициент корреляции, характеризующий степень детерминированности зависимости / R^2 – correlation coefficient characterising the degree of determinism of dependence.

Таблица 1 / Table 1

Показатели группы факторов макроуровня (x1) / Indicators of Macro-Level Factors Group (x1)

Условное обозначение	Показатель	Источник информации
x11	Ключевая ставка ЦБ РФ, %	Центральный банк РФ URL: https://cbr.ru/
x12	Уровень инфляции в стране, %	Федеральная служба государственной статистики URL: https://rosstat.gov.ru/
x13	Темп роста ВВП, % к предыдущему году	
x14	Среднегодовой курс RUB/USD, руб.	Курс доллара к рублю по годам URL: https://infotables.ru/statistika/95-tseny-tarify/1327-kurs-dollar-tablitsa
x15	Реальные денежные доходы (в среднем на душу населения), руб.	Федеральная служба государственной статистики URL: https://rosstat.gov.ru/

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

**Показатели группы факторов государственной поддержки (x2) /
Indicators of Government Support Factors Group (x2)**

Условное обозначение	Показатель	Источник информации
x21	Общий бюджет национального проекта РФ, млрд руб.	Министерство экономического развития России URL: https://www.economy.gov.ru/
x22	Объем поручительств субъектам МСП, млрд руб.	
x23	Темп роста поручительств субъектам МСП, %	
x24	Объем микрозаймов субъектам МСП, млрд руб.	
x25	Темп роста микрозаймов субъектам МСП, %	

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

**Показатели группы факторов деятельности субъектов МСП по отраслям экономики (x3) /
Indicators of SME Activity Factors Group by Economic Sectors (x3)**

Условное обозначение	Показатель	Источник информации
x31	Выручка (оборот) от реализации товаров, работ, услуг, млрд руб.	Федеральная служба государственной статистики (статистические сборники по годам) URL: https://rosstat.gov.ru/
x32	Средняя численность работников предприятий, тыс. чел.	
x33	Рентабельность проданных товаров, работ, услуг, %	
x34	Активов всего, млрд руб.	
x35	Рентабельность активов, %	
x36	Капитал и резервы, млрд руб.	
x37	Коэффициент текущей ликвидности, %	
x38	Коэффициент автономии, %	
x39	Среднемесячная начисленная заработная плата работников МСП, руб.	
x390	Темп роста среднемесячной начисленной заработной платы работников МСП, %	

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 4 / Table 4
Взаимосвязь показателей групп факторов макроуровня и результирующих показателей деятельности МСП /
Correlation Between Macro-Level Factors and Resulting SME Performance Indicators

Результирующие показатели МСП	Показатели группы факторов макроуровня	Ключевая ставка ЦБ РФ, % (x11)	Уровень инфляции в стране, % (x12)	Темп роста ВВП, % к предыдущему году (x13)	Среднегодовой курс RUB/USD, руб. (x14)	Реальные денежные доходы, руб. (x15)
Микропредприятия						
Выручка (оборот) от реализации товаров, работ, услуг, млрд руб. (x31)		-0,4937	0,2278	-0,6395	0,7875	-0,9283
Средняя численность работников предприятий, тыс. человек (x32)		-0,9273	-0,4089	-0,7298	0,3394	-0,4881
Рентабельность проданных товаров, работ, услуг, % (x33)		0,2495	0,8116	-0,2054	0,8429	-0,9051
Всего активов, млрд руб. (x34)		0,3017	0,8034	-0,1205	0,8661	-0,8950
Рентабельность активов, % (x35)		0,7331	0,3287	0,4602	-0,6281	0,6553
Капитал и резервы, млрд руб. (x36)		0,1236	0,6834	-0,2219	0,9248	-0,9643
Малые предприятия						
Выручка (оборот) от реализации товаров, работ, услуг, млрд руб. (x31)		0,4019	0,8862	-0,0947	0,7808	-0,8236
Средняя численность работников предприятий, тыс. человек (x32)		-0,6728	-0,8033	-0,3378	-0,7462	0,6346
Рентабельность проданных товаров, работ, услуг, % (x33)		0,3089	0,8402	-0,1597	0,8255	-0,8783
Всего активов, млрд руб. (x34)		0,3522	0,8656	-0,1343	0,8017	-0,8524
Рентабельность активов, % (x35)		0,8459	0,8687	0,2674	-0,0190	-0,0076
Капитал и резервы, млрд руб. (x36)		0,1653	0,7095	-0,1940	0,9176	-0,9521
Средние предприятия						
Выручка (оборот) от реализации товаров, работ, услуг, млрд руб. (x31)		0,5980	0,9880	-0,0079	0,5398	-0,5996
Средняя численность работников предприятий, тыс. человек (x32)		-0,0375	0,6559	-0,4307	0,8575	-0,9742
Рентабельность проданных товаров, работ, услуг, % (x33)		0,3152	0,6558	0,0684	0,9483	-0,8816
Всего активов, млрд руб. (x34)		0,5946	0,9851	-0,0050	0,5544	-0,6109
Рентабельность активов, % (x35)		0,5125	0,9655	-0,0725	0,6282	-0,6950
Капитал и резервы, млрд руб. (x36)		0,5793	0,9700	0,0071	0,6120	-0,6544

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сутствие связи с большинством результирующих показателей МСП, при этом фактор x_{15} логически связан с показателями МСП, но в исследуемом периоде реальные доходы снижались (из-за пандемии COVID-19), а потому результатом является отсутствие влияния.

Для подтверждения *гипотезы 2* и *гипотезы 3* (рис. 1) авторами осуществлен корреляционный анализ выявления наличия и существенности взаимосвязей показателей посредством наложения факторов группы x_2 и x_3 , что позволило получить результаты масштабного исследования по деятельности всех действующих субъектов МСП в РФ в семнадцати отраслях национальной экономики с разбивкой по категориям предприятий на микро-, малые и средние, с учетом пяти факторов государственной поддержки и десяти факторов, отражающих показатели их деятельности.

Объем настоящего исследования позволяет представить лишь фрагмент проведенного авторами анализа, отраженный в табл. 5 и 6.

Из группы из пяти факторов государственной поддержки x_2 для иллюстрации представлены три: общий бюджет национального проекта РФ (x_{21}), объем поручительств (x_{22}) и объем микрозаймов субъектам МСП (x_{24}), предоставленных в рамках реализации национального проекта на федеральном уровне.

Для сочетания с факторами группы государственной поддержки из десяти показателей группы факторов деятельности субъектов МСП в разрезе отраслей национальной экономики x_3 авторами выбраны наиболее традиционные, отражающие их переход из одной категории субъектов предпринимательской деятельности в другую: выручка (оборот) от реализации товаров, работ, услуг (x_{31}) (табл. 5, 6) и средняя численность работников предприятий (x_{32}) (табл. 6).

Факторы государственной поддержки оказывают сильное или заметное положительное влияние на выручку малых и средних предприятий в большинстве отраслей их деятельности, кроме строительства и образования (табл. 5).

Влияние на выручку средних предприятий, предоставляющих прочие виды услуг, отсутствует. На выручку микропредприятий во многих отраслях (за исключением деятельности гостиниц и предприятий общественного питания; профессиональной, научной и технической деятельности; сельского и лесного хозяйства и предоставления прочих видов услуг) оказывается слабое или уме-

ренное положительное влияние или же наблюдается его отсутствие.

Парадоксально, что наименее чувствительны к мерам государственной поддержки микропредприятия оптовой и розничной торговли, у которых корреляционная связь между выручкой (оборотом) от реализации и факторами государственной поддержки слабая или же отсутствует. Соответственно, государству в лице институтов развития необходимо перенаправить ресурсы поддержки в те отрасли национальной экономики, где эффект будет более выраженным как для страны в целом, так и для раскрытия потенциала масштабирования субъектов МСП.

Проведенный авторами корреляционный анализ позволяет сделать вывод о том, что факторы государственной поддержки оказывают положительное влияние на показатель средней численности работников МСП в меньшей степени, чем на показатель выручки. Кроме того, в ряде случаев влияние на большинство отраслей микро- и малых предприятий отсутствует, что влечет за собой неуправляемый и независимый от мер государственной поддержки процесс формирования зарплатных налогов, поступающих от субъектов МСП, в бюджет, а также приводит к регулированию занятости в отраслях национальной экономики, не способствующему снятию социальной напряженности в обществе и росту доходов в секторе малого и среднего бизнеса, что также замедляет его масштабирование (табл. 6).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Итоги исследования позволяют расширить научные представления о разнообразии факторов, имеющих потенциал влияния на масштабирование субъектов МСП. На основе полученных в результате проведенного анализа значений коэффициентов корреляции авторами проведена оценка воздействия реализации национального проекта на показатели выручки и средней численности всех действующих в РФ микро-, малых и средних предприятий по категориям в разрезе семнадцати отраслей экономики за период 2019–2023 гг. Это дает основание для разработки матрицы оценки управления масштабированием субъектов МСП в отраслях национальной экономики при воздействии факторов государственной поддержки (табл. 6).

При коэффициенте корреляции $>0,7$ воздействие оценивалось как положительное, вес показателя = 1,0.

Таблица 5 / Table 5

**Взаимосвязь групп факторов государственной поддержки и факторов деятельности субъектов МСП по отраслям
[на примере выручки (оборота)] / Correlation Between Government Support Factors and SME Activity Factors by Sector
[Using Revenue (Turnover) as an Example]**

Отрасль	Выручка (оборот) от реализации товаров, работ, услуг (х31, руб.)											
	общий бюджет национального проекта РФ, млрд руб. (х21)			объем поручительств субъектам МСП, млрд руб. (х22)			объем микрозаймов субъектам МСП, млрд руб. (х24)					
	малые	микро	средние	малые	микро	средние	малые	микро	средние	малые	микро	средние
Оптовая и розничная торговля	0,6478	0,0661	0,9559	0,6132	0,2928	0,9257	0,7087	-0,1474	0,8929			
Обрабатывающие производства	0,8460	0,2397	0,9867	0,8872	0,5704	0,8958	0,7269	-0,0097	0,9798			
Строительство	0,0339	-0,0611	0,5655	0,2779	0,1475	0,6466	-0,1831	-0,2637	0,4087			
Транспортировка и хранение	0,8129	0,4886	0,9633	0,8562	0,6017	0,8897	0,6889	0,3152	0,9306			
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	0,3623	0,1900	0,8402	0,5235	0,3733	0,8378	0,1675	-0,0120	0,7425			
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-0,4761	0,2475	0,8570	-0,2019	0,5073	0,8514	-0,6580	0,0279	0,7629			
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,9848	0,8190	0,9731	0,9533	0,8928	0,8555	0,9658	0,6828	0,9872			
Деятельность в области информации и связи	0,4664	-0,0326	0,9252	0,6148	0,1396	0,9134	0,2779	-0,2225	0,8449			
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,7996	0,6471	0,9552	0,8171	0,6924	0,8441	0,6871	0,5109	0,9507			
Деятельность профессиональная, научная и техническая	0,5877	0,7664	0,7287	0,7548	0,7825	0,7464	0,3989	0,6520	0,6110			
Водоснабжение, водоотведение	0,6672	0,2466	0,9951	0,6994	0,3765	0,9259	0,5388	0,0660	0,9757			
Сельское, лесное хозяйство	0,9536	0,7546	0,9059	0,9340	0,7684	0,8695	0,8841	0,6408	0,8363			
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	0,6670	0,2168	0,8937	0,6993	0,3439	0,8986	0,5384	0,0382	0,7989			
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,9572	0,6252	0,5562	0,9405	0,7039	0,6551	0,8872	0,4714	0,3907			
Предоставление прочих видов услуг	0,8633	0,8226	-0,3356	0,8418	0,8287	-0,0277	0,7791	0,7183	-0,5226			
Добыча полезных ископаемых	0,7817	0,4436	0,9646	0,7841	0,5391	0,8816	0,6761	0,2779	0,9394			
Образование	-0,1090	0,1914	-0,0811	0,1043	0,4004	-0,2229	-0,3107	-0,0194	0,1002			

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 6 / Table 6

Матрица оценки управления масштабированием субъектов МСП в отраслях национальной экономики при воздействии факторов государственной поддержки / Assessment Matrix for Managing SME Scaling in National Economic Sectors Under the Influence of Government Support Factors

Отрасль	Выручка (оборот)			Средняя численность		
	малые	микро	средние	малые	микро	средние
Оптовая и розничная торговля	7	1	12	1	1	5
Обрабатывающие производства	13	6	16	1	1	8
Строительство	1	1	4	1	1	1
Транспортировка и хранение	12	10	13	17	17	13
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	4	4	6	1	1	1
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1	8	7	1	1	6
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	17	16	15	1	1	17
Деятельность в области информации и связи	5	1	10	14	1	10
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	11	13	11	15	15	12
Деятельность профессиональная, научная и техническая	6	15	5	13	14	4
Водоснабжение, водоотведение	9	7	17	1	13	15
Сельское, лесное хозяйство	15	14	9	1	1	3
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	8	5	8	1	1	7
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	16	12	3	16	12	14
Предоставление прочих видов услуг	14	17	1	1	11	16
Добыча полезных ископаемых	10	9	14	12	16	9
Образование	1	11	1	1	1	11

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

При коэффициенте корреляции от 0,5 до 0,7 воздействие оценивалось как умеренное, вес показателя = 0,6.

При коэффициенте корреляции от 0,1 до 0,5 воздействие оценивалось как слабое, вес показателя = 0,3.

При коэффициенте корреляции <0,1 идентифицировалось отсутствие воздействия, вес показателя = 0.

Полученные результаты были проранжированы в программе Excel с присвоением значения типа сортировки 1 — по возрастанию (табл. 6).

Субъекты МСП, осуществляющие деятельность в отраслях, находящихся в красной и оранжевой зонах, выявили свою резистентность к мерам государственной поддержки, реализованным в рамках национального проекта РФ, что требует пересмотра управленческих решений по фор-

мированию вектора государственной политики в данной сфере.

Полученные выводы позволяют констатировать, что гипотеза 2 не подтвердилась: потенциал масштабирования субъектов МСП на макроуровне не зависит от наличия и доступности федеральных мер государственной поддержки субъектов предпринимательства.

Гипотезу 3 следует считать подтвержденной, так как результаты, представленные в табл. 5 и 6, говорят о том, что потенциал масштабирования субъектов МСП в различных отраслях национальной экономики демонстрирует неравномерную зависимость от факторов макроуровня и факторов государственной поддержки.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты:

- подтверждают третью (H3) авторскую гипотезу, что усиливает необходимость дальнейших исследований и поиска подходов к изучению влияния мер государственной поддержки на реальное развитие субъектов МСП и возможность их масштабирования;
- позволяют сделать вывод о том, что развитие значимых для экономики страны отраслей, а также одного из важнейших показателей (средняя численность работников) имеют низкую чувствительность к реализуемым мерам государственной поддержки МСП, что свидетельствует об их недостаточной сфокусированности на проблемных областях развития МСП и, как следствие, возмож-

ном замедлении достижения стратегических целей государственной политики;

- вносят вклад в оценку влияния мер государственной поддержки на динамику показателей масштабирования субъектов МСП в различных отраслях национальной экономики и подтверждают необходимость исследований, направленных на пересмотр общих стратегических подходов к структурированию мер государственной поддержки МСП;
 - развивают концептуальные основы отбора факторов, влияющих на масштабирование субъектов МСП при реализации мер государственной поддержки и построении корреляционных моделей, отражающих воздействие взаимосвязи факторов макроуровня и факторов государственной поддержки на показатели деятельности МСП в отраслях национальной экономики;
 - обосновывают разработанный алгоритм определения факторов масштабирования и матрицу оценки управления масштабированием субъектов МСП в отраслях национальной экономики при воздействии факторов государственной поддержки.
- Представленные авторами научно-практические и методические положения, наряду с другими широко применяемыми учеными методами исследования, могут быть использованы при разработке стратегий и формировании целей государственной политики в сфере поддержки предпринимательства, что будет способствовать прорывному развитию отраслей национальной экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Королева Е.А. О перспективах применения стратегического планирования для эффективного развития сектора малого и среднего предпринимательства. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024;17(5):95–113. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.5
2. Ковалев В.Е., Новикова К.В., Добровлянин В.Д. Внедрение ERP-систем малыми и средними компаниями в России: барьеры и перспективы. *Управленец*. 2023;14(6):77–90. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-6-6
3. Qian H., Wu J., Zheng S. Entrepreneurship, sustainability, and urban development. *Small Business Economics*. 2024;62(2):463–469. DOI: 10.1007/s11187-023-00761-7
4. Бухвальд Е.М. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России до 2030 года: амбиции и реалии. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016;(1):66–80. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.4
5. Сильвестров С.Н., Крупнов Ю.А., Золотарев Е.В., Лапенкова Н.В. Государственно-частное партнерство и стратегия экономического роста. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2022;18(2):341–363. DOI: 10.24891/ni.18.2.341
6. Козаченко Е., Чепуренко А., Широкова Г. Предпринимательство в России: систематический обзор отечественных публикаций. *Форсайт*. 2024;18(4):51–65. DOI: 10.17323/2500-2597.2024.4.51.65
7. Rani R., Kumar N. The dynamics of link between entrepreneurship, government support and economic growth: Evidence from BRICS countries. *Journal of Public Affairs*. 2022;22(S 1): e2741. DOI: 10.1002/pa.2741

8. Найденова Ю.Н., Паршаков П.А., Смирнов А.О. Детерминанты получения государственной поддержки малыми и средними предприятиями в России. *Управленец*. 2024;15(5):22–37. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-5-2
9. Ye P., Cai W., Zhou Y. Can green industrial policy promote the total factor productivity of manufacturing enterprises? *Environmental Science and Pollution Research*. 2022;29(58):88041–88054. DOI: 10.1007/s11356-022-21939-8
10. Bessonova E. Firms' efficiency, exits and government procurement contracts. *European Journal of Political Economy*. 2023;76:102253. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2022.102253
11. Крупнов Ю.А., Сильвестров С.Н., Старовойтов В.Г. Проблемы и противоречия стратегического планирования. *Российский экономический журнал*. 2022;(6):15–30. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-15-30
12. Баранова Е.И., Юданов А.Ю. Стилизованный цикл жизни быстрорастущих фирм в России. *Вопросы экономики*. 2022;(3):77–97. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-3-77-97
13. Aldaas A. The effect of firm life cycle on profitability: Evidence from Jordanian firms. *Management Science Letters*. 2021;(11):1919–1926. DOI: 10.5267/j.msl.2021.1.009
14. Shirokova G., Galieva N., Doktorova D., White J. V., Marino L. Strategic entrepreneurial behaviors and firm performance: The moderating role of narcissism and Machiavellianism. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2023;31(1):191–225. DOI: 10.1108/jsbed-10-2022-0409
15. Clayton P. Different outcomes for different founders? Local organizational sponsorship and entrepreneurial finance. *Small Business Economics*. 2024;62(1):23–62. DOI: 10.1007/s11187-023-00753-7
16. Леонтьева Л.С., Голубцов И.А. Региональные инициативы по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2024;21(2):93–108. DOI: 10.55959/MSU.2073-2643-21-2024-2-93-108
17. Блохин А.А., Глухов К.В. Институциональные трансформации сектора МСП: приоритеты государственной поддержки. *Мир новой экономики*. 2024;18(1):104–115. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-104-115

REFERENCES

1. Koroleva E.A. On the prospects of applying strategic planning for effective development of small and medium-sized entrepreneurship sector. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(5):95–113. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.5 (In Russ.: *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2024;17(5):95–113. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.5).
2. Kovalev V.E., Novikova K.V., Dobrovlyanin V.D. ERP systems in small and medium-sized enterprises: Barriers and prospects. *Upravlenets = The Manager*. 2023;14(6):77–90. (In Russ.). DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-6-6
3. Qian H., Wu J., Zheng S. Entrepreneurship, sustainability, and urban development. *Small Business Economics*. 2024;62(2):463–469. DOI: 10.1007/s11187-023-00761-7
4. Bukhval'd E.M. The strategy for development of small and medium entrepreneurship in Russia till 2030: Ambitions and realities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016;(1):66–80. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.4 (In Russ.: *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2016;(1):66–80. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.4).
5. Sil'vestrov S.N., Krupnov Yu.A., Zolotarev E.V., Lapenkova N.V. Public-private partnership and economic growth strategy. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*. 2022;18(2):341–363. (In Russ.). DOI: 10.24891/ni.18.2.341
6. Kozachenko E., Chepurensko A., Shirokova G. Entrepreneurship in Russia: A systematic overview of domestic publications. *Foresight and STI Governance*. 2024;18(4):51–65. DOI: 10.17323/2500-2597.2024.4.51.65 (In Russ.: *Forsait*. 2024;18(4):51–65. DOI: 10.17323/2500-2597.2024.4.51.65).
7. Rani R., Kumar N. The dynamics of link between entrepreneurship, government support and economic growth: Evidence from BRICS countries. *Journal of Public Affairs*. 2022;22(S 1):e2741. DOI: 10.1002/pa.2741
8. Naidenova Yu.N., Parshakov P.A., Smirnov A. O. Determinants of receiving government support by small and medium-sized enterprises in Russia. *Upravlenets = The Manager*. 2024;15(5):22–37. (In Russ.). DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-5-2
9. Ye P., Cai W., Zhou Y. Can green industrial policy promote the total factor productivity of manufacturing enterprises? *Environmental Science and Pollution Research*. 2022;29(58):88041–88054. DOI: 10.1007/s11356-022-21939-8

10. Bessonova E. Firms' efficiency, exits and government procurement contracts. *European Journal of Political Economy*. 2023;76:102253. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2022.102253
11. Krupnov Yu.A., Silvestrov S.N., Starovoitov V.G. Strategic planning problems and contradictions. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2022;(6):15–30. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-15-30
12. Baranova E.I., Yudanov A. Yu. Stylized life cycle of high-growth companies in Russia. *Voprosy ekonomiki*. 2022;(3):77–97. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2022-3-77-97
13. Aldaas A. The effect of firm life cycle on profitability: Evidence from Jordanian firms. *Management Science Letters*. 2021;(11):1919–1926. DOI: 10.5267/j.msl.2021.1.009
14. Shirokova G., Galieva N., Doktorova D., White J.V., Marino L. Strategic entrepreneurial behaviors and firm performance: The moderating role of narcissism and Machiavellianism. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2023;31(1):191–225. DOI: 10.1108/jsbed-10-2022-0409
15. Clayton P. Different outcomes for different founders? Local organizational sponsorship and entrepreneurial finance. *Small Business Economics*. 2024;62(1):23–62. DOI: 10.1007/s11187-023-00753-7
16. Leonteva L.S., Golubtsov I.A. Regional initiatives for state support of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*. 2024;21(2):93–108. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU 2073-2643-21-2024-2-93-108
17. Blokhin A.A., Glukhov K.V. Institutional transformations of the SME sector and the need to change the priorities of its state support. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2024;18(1):104–115. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-104-115

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Андрей Евгеньевич Плахин — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и предпринимательства, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Andrey E. Plakhin — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Management and Entrepreneurship, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-1379-0497>
apla@usue.ru

Екатерина Георгиевна Шеина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и предпринимательства, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Ekaterina G. Sheina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Management and Entrepreneurship, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-4777-5351>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
sheinaeg@usue.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2025; после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 10.03.2025.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 10.02.2025; revised on 27.02.2025 and accepted for publication on 10.03.2025.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-86-93

УДК. 339.1(045)

JEL M31

Стратегические изменения на автомобильном рынке России в период 2018–2023 годов

Д.В. Воробьева, С.В. Щелокова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В связи с затрагивающими автомобильную отрасль с 2020 г. кризисными явлениями, такими как дефицит микроэлектроники в период пандемии COVID-19, уход ключевых производителей вследствие антироссийских санкций в 2022 г. и влияние неблагоприятных экономических факторов, объем продаж легковых автомобилей в 2022 г. по сравнению с 2021 г. сократился на 979 410 единиц. Это привело к трансформации российского автомобильного рынка и поиску его участниками новых источников дохода и бизнес-моделей. **Цель** данного исследования — анализ структуры и динамики трансформации российского автомобильного рынка в 2018–2023 гг. в деятельности основных (автопроизводители, дистрибьюторы, автодилеры) и смежных (каршеринг, автолизинг, агрегаторы онлайн-продаж, сервисы микромобильности) участников, а также восполнение пробела в научных исследованиях данной отрасли. **Методы.** Для изучения структуры рынка и ключевых тенденций в России и мире в указанный период были проанализированы отчеты крупнейших международных консалтинговых компаний: АЕБ, «Автостат», «АвтоБизнесРевью», а также нормативно-правовые акты РФ. Систематизация тенденций в автобизнесе осуществлена посредством PESTLE-анализа, а исследование изменений цепочки создания стоимости проведено на основе интервью с отраслевыми экспертами. **Ключевые слова:** цепочка создания стоимости; автомобильная отрасль РФ; бизнес-модель; структура автомобильного рынка

Для цитирования: Воробьева Д.В., Щелокова С.В. Стратегические изменения на автомобильном рынке России в период 2018–2023 годов. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):86-93. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-86-93

ORIGINAL PAPER

Strategic Changes in Russian Automotive Market (2018–2023)

D.V. Vorobeva, S.V. Shchelokova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Due to the crisis phenomena affecting the automotive industry since 2020 — such as the shortage in microelectronics during the COVID-19 pandemic, the withdrawal of key manufacturers as a result sanctions against Russia in 2022, and the impact of unfavorable economic factor — passenger car sales in 2022 decreased by 979,410 units compared to 2021. This has led to the transformation of the Russian automotive market and the search by its participants for new revenue sources and business models. The aim of this study is to analyze the structure and dynamics of the transformation of the Russian automotive market from 2018 to 2023, focusing on the activities of key players (automakers, distributors, car dealers) and related sectors (carsharing, auto leasing, online sales aggregators, micro-mobility services), as well as to bridge the gap in academic research on this sector. **Methods.** To study the market structure and key trends in Russia and globally from 2018 to 2023, reports from major international consulting firms — AEB, Autostat, AutoBusinessReview — as well as Russian regulatory acts were analyzed. The systematization of business trends in the automotive sector was conducted using a PESTLE analysis, while an assessment of changes in the value chain was carried out through interviews with industry experts. **Keywords:** value creation chain; Russian automotive industry; business model; market structure

For citation: Vorobeva D.V., Shchelokova S.V. Strategic changes in Russian automotive market (2018–2023). *The World of the New Economy*. 2025;19(2):86-93. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-86-93

© Воробьева Д.В., Щелокова С.В., 2025

ВВЕДЕНИЕ

В автомобильной отрасли РФ с 2020 г. произошел ряд кризисных событий, которые привели к ее значительной трансформации. Нарушение цепочек поставок на мировом уровне в период пандемии коронавируса COVID-19 привело к дефициту микроэлектроники и полупроводников, что выявило потребность в локализации компаний по изготовлению компонентов и материалов. Это важная часть в производстве автомобилей, поскольку доля электроники в их себестоимости из года в год постоянно растет (за период 2000–2022 гг. она увеличилась с 20 до 40%), что существенно влияет на конечную стоимость машины¹. Дефицит микроэлектроники был первым кризисом, который негативно отразился на автомобильной отрасли.

Следующий кризисный период начался в 2022 г.: уход европейских, американских и японских автопроизводителей привел к еще большему разрыву логистических цепочек, который потребовал быстрой перестройки рынка. Российские автодилеры были вынуждены искать новых партнеров и трансформировать бизнес-модели, чтобы выжить в таких условиях. С 2019 по 1 полугодие 2022 г. количество компаний — дилеров легковых автомобилей — снизилось на 369 единиц (с 3450 по 3081)².

Более того, неблагоприятные экономические факторы: повышение ключевой ставки с 6,25% в 2018 г. до 20% в 2022 г.³, рост цен на 106% по новым автомобилям и на 83% — по автомобилям с пробегом (АСП) с 2020 по 2023 г.⁴, привели к снижению покупательской способности и объемов продаж в 2022 г. на 979 410 единиц⁵ по сравнению с 2021 г.

Таким образом, на сегодняшний день правила игры на автомобильном рынке РФ, которые формировались 30 лет, перестали действовать, а новые еще окончательно не установлены. В этой связи российским и азиатским игрокам необходимо заново выстраивать цепочку поставок продукта (автомобилей с запчастями) потребителю с прицелом на углубление локализации производства и поиск новых источников дохода и бизнес-моделей [1].

Ввиду влияния тенденций и меняющихся предпочтений целевой аудитории в автомобильной отрасли целесообразно адаптировать или радикально менять существующую бизнес-модель в направлениях, связанных с устойчивостью [2–4], цифровизацией [5–7], сервисизацией [8, 9] и совместным использованием [9–11].

На сегодняшний день довольно мало актуальных научных исследований, которые затрагивают трансформацию автомобильной отрасли в РФ с точки зрения влияния недавних событий и экономических факторов, хотя существуют отдельные работы, посвященные анализу конкуренции между автопроизводителями [12, 13], в том числе на российском рынке [14, 15]. В настоящей статье описывается структура и динамика трансформации автомобильного рынка за 2018–2023 гг. в разрезе деятельности основных и смежных игроков, а также изменений в цепочке поставок и цепочке создания стоимости.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования включает четыре ключевых этапа, направленных на комплексный анализ автомобильного рынка и его особенностей. На первом проведен анализ российского и мирового автомобильных рынков за период 2018–2023 гг. с акцентом на влияние внешней среды и деятельность основных и смежных игроков. С данной целью были изучены аналитические отчеты ведущих международных консалтинговых компаний, данные Ассоциации европейских автопроизводителей (АЕБ), агентств «Автостат» и «АвтоБизнесРевью», нормативно-правовые акты РФ, годовые отчеты компании «РОЛЬФ» за 2020–2022 гг., а также проведены интервью с отраслевыми экспертами. Все это позволило получить репрезентативную картину текущих трендов, вызовов и возможностей рынка. На втором этапе исследована деятельность крупных автодилеров и смежных игроков на основе открытых источников информации, доступных в сети Интернет: официальных сайтов компаний, публикаций в СМИ, отраслевых форумов и других доступных данных, что способствовало формированию понимания стратегий и практик участников рынка. Третий этап посвящен описанию цепочки создания стоимости и цепочки поставок. В его рамках были рассмотрены стадии производства, логистики, дистрибуции и продаж, что позволило выявить ключевые звенья цепочки и их влияние на конечный результат. На заключительном этапе, при участии представителей автомобильного рынка, проведена

¹ URL: <http://static.government.ru/media/files/EVXNIplqvhAf2Ik5t6l6kWrEIH8fc9v.pdf>

² URL: <https://www.rolf.ru/to-investors/>

³ URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2022&UniDbQuery.To=10

⁴ URL: <https://b1.ru/local/assets/surveys/b1-car-sharing-in-russia-survey.pdf>

⁵ URL: <https://aebrus.ru/upload/iblock/101/RUS-Car-Sales-in-December-2022.pdf?ysclid=lz10yjbihn317766954>

верификация данных, полученных в ходе исследования, что обеспечило их достоверность и актуальность, а также позволило учесть экспертные мнения и практический опыт работников отрасли.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изменения внешней среды автомобильного рынка (PESTLE)

Автомобильный рынок Российской Федерации в 2018–2023 гг. столкнулся с вызовами, включающими следующие факторы:

1. *Политические.* Введение санкций привело к уходу наиболее востребованных российской аудиторией дистрибьютеров (европейских, американских, корейских, японских), что вынудило автодилеров искать новых партнеров по поставкам автомобилей среди китайских производителей, а также развивать параллельный импорт и вторичный рынок АСП⁶.

2. *Экономические.* Повышение ключевой ставки и рост инфляции привели к увеличению цен на автомобили и, как следствие, снижению покупательского спроса.

3. *Социальные.* Рост шеринговой экономики среди поколения Z привел к перераспределению спроса на другие формы мобильности (каршеринг, аренда автомобилей)⁷.

4. *Технологические.* Был задан тренд на технологический суверенитет страны и активное внедрение цифровой трансформации среди российских компаний разной отраслевой направленности⁸.

5. *Правовые.* Внедрение стратегии развития автомобильной промышленности РФ до 2025 г. и концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации до 2030 г. направлено на локализацию производственного процесса, а также стимулирование производства электромо- билей и быстрых зарядных станций.

Изменения внутренней среды автомобильного рынка (структура и динамика) за 2018–2023 гг.

Автопроизводители — иностранные или российские предприятия, выпускающие автомобили. Традиционно производственный процесс основан

на сотрудничестве OEM-производителей⁹ с авто- производителями, которые локализуют производ- ство по всей цепочке создания стоимости с целью получения налоговых преференций, оптимизации затрат и увеличения конкурентных преимуществ брендов. В РФ с 2018 по 2023 г. китайские бренды значительно увеличили свою долю на рынке с точки зрения объемов продаж (см. *таблицу*).

До 24 февраля 2022 г. структуру производства и продажи автомобилей составляли европейские, американские, японские, корейские и российские предприятия¹⁰. После этого их заменили китайские бренды: в лидерах — Chery Group, GWM Group, Geely, Changan, FAW, GAC, а также ГАЗ, Sollers Group, KIA¹¹.

Дистрибьютеры (импортеры) — дочерние компании автопроизводителей, основная задача которых заключается в налаживании системы сбыта автомобилей в РФ через продажу франшизы официаль- ным дилерам и ввоз машин, производство которых не локализовано в РФ; а также в формировании и реализации стратегии развития бренда в стране и решении административных вопросов. До 2022 г. первые позиции на рынке постоянно занимали Авто- ваз, Renault, Nissan, Kia, Hyundai, Toyota. В 2023 г. им на смену пришли Chery, Haval, Geely, ГАЗ¹². Но неизменным лидером всегда оставалась LADA — в 2023 г. ее доля превысила 30%, что свидетельствует о доминирующем положении на рынке.

Автодилеры — частные компании, которые при- обретают франшизу на официальную продажу авто- мобилей от дистрибьютеров, а также осуществляют продажу АСП, автозапчастей, оказание сервисных и финансовых услуг. В разрезе исключительно серви- сного направления и продажи автозапчастей выделяются как официальные дилеры, так и независимые сервисы технического обслуживания (СТО). Наибо- лее известными на рынке компаниями являются «Фитсервис», «Вилгуд», «Белый Сервис», «ТОПСТО», «5 колесо», «Евроавто», «Mobile 1 Центр», Bitstop¹³.

В 2022–2023 гг. происходила адаптация авто- мобильного рынка к текущим условиям. Дилеры

⁹ Original Equipment Manufacturer— компания, производящая детали и оборудование, которые могут быть проданы другой компанией под своей торговой маркой.

¹⁰ URL: <https://www.autostat.ru/infographics/43540/?ysclid=lsc56if0ec837677931%5C>

¹¹ URL: <https://aebrus.ru/ru/media/press-releases/sales-of-cars-and-light-commercial-vehicles.php?ysclid=lsc57qsd93442366023>

¹² URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/07/rynok_avto_2023.pdf

¹³ URL: <https://www.autostat.ru/articles/49327/>

Таблица / Table

Объем продаж китайских брендов за 2018 и 2023 гг. в РФ в разрезе общего объема продаж в РФ / Sales Volume of Chinese Brands in Russia in 2018 and 2023 as a Share of Total Car Sales

Объем продаж / Год	2018	2023
Общий объем продаж в РФ (шт.)	1 800 000	937 081
Объем продаж китайских брендов (шт.)	33 310	458 389

Источник / Source: составлено по: URL: <https://aebus.ru/ru/media/press-releases/?ysclid=m6o3t5ywgl231279039/> compiled based on: URL: <https://aebus.ru/ru/media/press-releases/?ysclid=m6o3t5ywgl231279039/>

стали активно сотрудничать с Китаем и развивать поставки привычных брендов по параллельному импорту, доля которого в 2023 г. выросла на 2% и составила 11%, а доля официального импорта увеличилась на 24% и составила 44%¹⁴. Несмотря на рост параллельного импорта, официальный (в силу значительных издержек и изменений подрядчиков) останется более предпочтительным вариантом, в особенности — для автодилеров. Более того, они увеличивали долю АСП и ориентировались на расширение внутреннего рынка на 26% за 5 лет за счет масштабирования выкупа автомобилей у физических лиц в регионах¹⁵. Ввиду глобального тренда на электромобили их продажи увеличились [по итогам 2023 г., в нашей стране было реализовано 14 089 новых электромобилей (рекордный показатель)] — в 4,7 раза больше, чем годом ранее¹⁶.

В разрезе сервисного направления емкость услуг по техническому обслуживанию (ТО) и ремонту у официальных дилеров существенно ниже, чем у независимых СТО и составляет 48,7 млрд руб. против 186,4 млрд руб.¹⁷

Каршеринг [как товар-заменитель для В 2С-клиента¹⁸, а также для В 2В- клиента (дилера)¹⁹] — сервис аренды автомобиля с почасовой или поминутной оплатой через мобильное приложение (парковка, заправка и страховка ОСАГО уже включены в стоимость). Наиболее популярны на рынке каршеринга: «Делимобиль», «Яндекс Драйв», «Сити Драйв», Belka

Car и др.²⁰ Согласно исследованию компании «Б1», ожидается рост спроса на каршеринг, поскольку это самая дешевая альтернатива мобильности (в сравнении с услугами такси и личным автомобилем)²¹.

Агрегаторы онлайн-продаж автомобилей (новых и с пробегом) и автозапчастей — дополнительные каналы для производителей и дилеров, наиболее популярные из которых, по результатам опроса «Авто-стат»: «Авито Авто», auto.ru, drom.ru, Car Price и др.²² Автодилеры и автопроизводители выгружают стоки автомобилей на онлайн-ресурсах агрегаторов для продажи целевой аудитории. Наиболее известные агрегаторы запчастей — это Exist.ru, Kolesa-darom.ru, Autodoc.ru, Emex, 4 Tochky, Autopiter.ru и др.²³

Автолизинг — договор, согласно которому лизингодатель за свой счет приобретает автомобиль для лизингополучателя и передает его ему в пользование. В свою очередь, лизингополучатель вносит платежи и может выкупить автомобиль, если это предусмотрено в соглашении²⁴. Как правило, лизингодателем выступает банк или страховая компания, выкупающие автомобиль у дилера. Фактически лизинг — это финансовый инструмент, который в первую очередь позволяет В 2В-клиенту одномоментно и оперативно получить парк автомобилей, поскольку подобная покупка в собственность или в кредит обходится дороже. Наиболее известными компаниями здесь являются: «Газпромбанк Лизинг», «Альфа-Лизинг», «Сбербанк Лизинг», «Европлан», «ВТБ Лизинг», «Ресо Лизинг»²⁵.

¹⁴ URL: <https://www.autostat.ru/news/55839/>

¹⁵ URL: <https://www.autostat.ru/infographics/55722/>

¹⁶ URL: <https://www.autostat.ru/news/56565/>

¹⁷ URL: <https://mims.ru/tpost/8i48os6ad1-itogi-rinka-avtoservisa-za-2023-god-i-pr?ysclid=lsc63u4lps566103721>

¹⁸ В 2С (business-to-consumer) — модель бизнеса, при которой компания продает товар конечному потребителю или частному лицу.

¹⁹ В 2В (business-to-business) — бизнес-модель, при которой одна компания продает продукцию другим компаниям.

²⁰ URL: <https://b1.ru/analytics/b1-car-sharing-in-russia-survey/?ysclid=lsc6sfsfsmox756390442>

²¹ URL: [file:///C:/Users/vsb-5/Downloads/b1-car-sharing-in-russia-survey%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/vsb-5/Downloads/b1-car-sharing-in-russia-survey%20(2).pdf)

²² URL: <https://www.autostat.ru/infographics/52031/>

²³ URL: https://www.datainsight.ru/sites/default/files/DI_AutoGoods_2019.pdf?oft_id=407521&oft_k=DtZ1CsAH&oft_lk=LbzOrf&oft_d=637232191513900000

²⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/

²⁵ URL: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2023/11/ru-car-leasing-in-russia-kept-survey.pdf>

Согласно обзору от компании Kert, основными тенденциями в данной сфере выступают увеличение количества электромобилей, диджитализация лизинга, консолидация рынка со стороны крупнейших игроков (на топ-10 компаний приходится более 80% объема бизнеса и портфеля) и его рост (за период 2019–2022 гг. — на уровне 17% ежегодно²⁶).

Микромобильность (кикшеринг, велошеринг) — это использование легких транспортных средств со скоростью до 25 км/ч для поездок на короткие расстояния (до 8 км), как правило, в пределах города. Самые популярные компании: Whoosh, Юрент и E-motion. Согласно обзору рынка кикшеринга в России от «Б1», основными трендами являются развитие транспортной доступности для СИМ (отдельная категория в ПДД, для которой не нужны права) и рост спроса на микромобильность ввиду перегруженности городских дорог и потребительского запроса на более удобные способы преодоления коротких дистанций²⁷.

Такси, где, согласно Положению отрасли, в 2023 г. наблюдалась нехватка водителей (72 тыс. чел., по состоянию на сентябрь 2023 г.) ввиду оттока мигрантов или перетока работников в другие сферы деятельности; рост расходов операторов с 2021 г. в полтора раза, что отражается на уровне цен на поездки для конечного пользователя; дефицит востребованных моделей и устаревание автопарка, а также сокращение с 2021 г. действующих разрешений на таксомоторную деятельность на 13,6%²⁸.

На основании проведенного анализа можно заключить, что ключевыми проблемными зонами являются зависимость от импортных поставщиков ПО и комплектующих, требующая локализации производства, и высокая внутриотраслевая конкуренция, которая мотивирует к поиску новых источников дохода и созданию конкурентного преимущества.

В 2018 г. уже существовали агрегаторы автомобилей и автозапчастей, позволяющие дилерам и автопроизводителям осуществлять продажи онлайн. Агрегаторы закрывали потребность клиентов в поиске и сравнении машин по интересующим характеристикам с возможностью совершить покупку в один клик, а для основных игроков рынка были созданы дополнительные каналы сбыта, вызывающие доверие у автомобилистов. Кроме того,

существовал автолизинг от крупных банков России, выкупающих автомобили для предоставления их в аренду В 2С и В 2В-клиентам.

С точки зрения трансформации цепочки поставок и цепочки создания стоимости изменения коснулись следующих аспектов (см. рисунок):

- **Производственный процесс.** В 2022 г. вслед за ведущими автомобильными компаниями ушли зарубежные OEM-производители, в связи с чем большая часть их заводов перешла в собственность ФГУП «НАМИ» и рассматривается азиатскими странами для дальнейшего углубления локализации производства. Произошла кардинальная смена акторов по доле рынка, и два крупнейших импортера — Volkswagen Group Rus (VG) и Mercedes-Benz Rus (MBR) — объединились с крупными дилерскими сетями: «Авилон» и «Автодом» соответственно, которым были переданы в собственность активы автоконцернов. С учетом изменений во внешней и внутренней среде, текущие производители, чтобы отвечать новым требованиям, направили усилия на развитие сервисов подписки, производство гибридов и электромобилей, а также на углубление сборки автомобилей, локализацию производства, требующими сотрудничества с государственными органами.

- **Административный процесс.** В цепочке автопроизводитель-импортер-дилер-клиент стали появляться новые форматы, где исключен дилер. Например, в мире уже существовала компания Tesla, которая, помимо производства автомобилей, оказывала клиентам сервисные и финансовые услуги напрямую без посредников. В России в 2018 г. представительство Mercedes-Benz Rus открыло сервисную станцию во флагманском автосалоне, но к концу года ее пришлось закрыть ввиду финансовых ограничений на масштабирование проекта. В ответ на трансформацию рынка деятельность автодилеров с 2020 г. была направлена на налаживание бесперебойных поставок запчастей, поиск качественной локальной замены для оптимизации издержек, автоматизацию клиентского пути и бизнес-процессов, а также на развитие уникальных программ гарантии, дублирующих те, что предоставлялись импортерами.

- **Каналы продаж для основных игроков рынка.** В 2019 г., в связи с пандемией и уходом ритейла в онлайн, появилась модель подписки у автопроизводителей и онлайн-продажи, в том числе среди дилеров. В 2020 г. для производителей

²⁶ URL: <https://b1.ru/analytics/b1-car-sharing-in-russia-survey/?ysclid=lbzbpzq2hgg735796148>

²⁷ URL: <https://b1.ru/b1-kicksharing-survey-2022/>

²⁸ URL: https://ac.gov.ru/uploads/publications/taxi_app.pdf

Рис. / Fig. Цепочка создания стоимости 2018–2023 гг. / Value Chain in 2018–2023

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

лей и дилеров возникла возможность продавать автомобили через маркетплейсы. «Автомир» первым запустил продажи посредством Ozon. Дистрибьютер Audi реализовал специальный проект с Lamoda с целью привлечения лояльной аудитории маркетплейса и запуска маркетинговых активностей. В 2022 г. Тинькофф Банк и экосистема СБЕР стали запускать пилотные проекты по продажам через собственные онлайн-платформы для автомобилистов и привлекать дилеров и сервисные центры в бонусные программы (Спасибо), кешбек-программы и BNPL-проекты (Плайт, Долями). Сеть автозаправочных станций «Лукойл» и «Яндекс.Заправки» используют специальные предложения дилеров в рамках пилотных проектов по запуску модулей записи на ТО и сервисные услуги через собственные мобильные приложения по принципу «одного окна». Для основных акторов появилось больше возможностей для расширения каналов сбыта, привлечения новой аудитории и повышения лояльности своих клиентов посредством партнерских коллабораций такого рода.

- Новый B2B-клиент. Каршеринговые компании начали активно запускать пилотные проекты, касающиеся бизнес-моделей и активного продвижения сервисов, а для осуществления основной деятельности — выкупать автопарки у крупных автодилеров.

Таким образом, изменения коснулись каждого аспекта цепочки — от производственного блока до каналов продаж, в том числе это выразилось в появлении нового B2B-клиента и нового игрока автомобильного рынка.

ВЫВОДЫ

На сегодняшний день в автомобильной отрасли — как в России, так и в мире — наблюдаются значительные изменения. Вследствие этого отечественный автомобильный рынок претерпел трансформацию на всех этапах цепочки создания стоимости. На основании проведенного анализа можно выделить следующие ключевые тенденции и изменения:

- после ухода крупных импортеров наблюдается консолидация отдельных дилеров и автопроизводителей, а активы иностранных производителей передаются госкомпаниям;
- государственная политика направлена на полную локализацию производства;
- среди официальных дилеров увеличивается доля китайских брендов;
- внутренний рынок укрепляется за счет роста сегмента автомобилей с пробегом, представленного как официальными, так и «серыми» дилерами;
- в свете мировой экоповестки увеличивается производство и продажи электромобилей в Россию;
- появились и активно распространяются модели совместного пользования и мобильности по требованию, что связано с переходом от продуктивизации к сервисизации и бизнес-моделям цифровых платформ;
- каналы сбыта в условиях глобальной цифровизации переходят от традиционных дилерских центров к онлайн-продажам.

Таким образом, в 2023 г. произошли значимые изменения в автомобильной отрасли Российской Федерации, что заставило всех участников рынка трансформировать текущие бизнес-модели, чтобы оставаться конкурентоспособным в новых условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лapidус Л.В., Шорохова В.Н. Трансформация бизнес-моделей в автомобильной промышленности в условиях развития беспилотных технологий. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2023;(2):19–33. DOI: 10.25198/2077-7175-2023-2-19
2. Reinhardt R. Sustainable business model perspectives for the electric vehicle industry: The case of battery second use. PhD thesis. Barcelona: Universitat Politècnica de Catalunya; 2019. 157 p. URL: https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/668032/TRR_1de1.pdf?sequence=1
3. Urbinati A., Franzò S., Chiaroni D. Enablers and barriers for circular business models: An empirical analysis in the Italian automotive industry. *Sustainable Production and Consumption*. 2021;27:551–566. DOI: 10.1016/j.spc.2021.01.022
4. Bonsu N.O. Towards a circular and low-carbon economy: Insights from the transitioning to electric vehicles and net zero economy. *Journal of Cleaner Production*. 2020;256:120659. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.120659
5. Lengton M., Verzijl D., Dervojeda K., Probst L., Frideres L. Internet of things. Connected cars. Business Innovation Observatory Case Study. 2015;(43). URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/9614?locale=en>
6. Dombrowski U., Engel C. Impact of electric mobility on the after sales service in the automotive industry. *Procedia CIRP*. 2014;16:152–157. DOI: 10.1016/j.procir.2014.01.022
7. Pérez-Moure H., Lampón J.P., Cabanelas P. Mobility business models toward a digital tomorrow: Challenges for automotive manufacturers. *Futures*. 2024;156:103309. DOI: 10.1016/j.futures.2023.103309
8. Koroth A.K., Mazurek G., Pater P. Disruptive innovation in automotive retailing. *Management and Business Administration Central Europe*. 2019;27(1):1–16. DOI: 10.7206/jmba.ce.2450–7814.238
9. Smania G.S., Arakaki I.R.Y., Oliveira A.F., Cauchick-Miguel P.A., de Sousa Mendes G.H. Car subscription services: Automakers' shift towards servitized and sustainable business models. *Sustainable Production and Consumption*. 2023;36:184–193. DOI: 10.1016/j.spc.2022.12.024
10. Arbeláez A.M.A. Economic impacts, carbon footprint and rebound effects of car sharing: Scenario analysis assessing business-to-consumer and peer-to-peer car sharing. *Sustainable Production and Consumption*. 2023;35:238–249. DOI: 10.1016/j.spc.2022.11.004
11. Belk R. You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online. *Journal of Business Research*. 2014;67(8):1595–1600. DOI: 10.1016/j.jbusres.2013.10.001
12. Говорова А.В. История и парадоксы авторынга Китая: восточные стратегии и азиатский регулятор. *Проблемы прогнозирования*. 2023;(1):217–229. DOI: 10.47711/0868-6351-196-217-229
13. Спектор С.В., Вертоградов В.В. Конкуренция на рынке премиальных автомобилей Бразилии в 2007–2021 гг. *Латинская Америка*. 2023;(4):39–52. DOI: 10.31857/S_0044748X0023732-4
14. Вертоградов В.А., Щелокова С.В. Стратегии премиальных автомобильных брендов в России и действия регулятора (2009–2021 гг.). *Мир новой экономики*. 2022;16(2):64–75. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-64-75
15. Вертоградов В.А., Щелокова С.В., Иванчина А.А. Автомобильный рынок РФ: стратегии компаний и действия регуляторов (2009–2021). *Стратегии бизнеса*. 2022;10(2):33–41. DOI: 10.17747/2311-7184-2022-2-33-41

REFERENCES

1. Lapidus L.V., Shorokhova V.N. Transformation of business models in the automotive industry in the context of the development of unmanned technologies. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovation. Investments*. 2023;(2):19–33. (In Russ.). DOI: 10.25198/2077-7175-2023-2-19
2. Reinhardt R. Sustainable business model perspectives for the electric vehicle industry: The case of battery second use. PhD thesis. Barcelona: Universitat Politècnica de Catalunya; 2019. 157 p. URL: https://www.tdx.cat/bitstream/handle/10803/668032/TRR_1de1.pdf?sequence=1
3. Urbinati A., Franzò S., Chiaroni D. Enablers and barriers for circular business models: An empirical analysis in the Italian automotive industry. *Sustainable Production and Consumption*. 2021;27:551–566. DOI: 10.1016/j.spc.2021.01.022
4. Bonsu N.O. Towards a circular and low-carbon economy: Insights from the transitioning to electric vehicles and net zero economy. *Journal of Cleaner Production*. 2020;256:120659. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.120659
5. Lengton M., Verzijl D., Dervojeda K., Probst L., Frideres L. Internet of things. Connected cars. Business Innovation Observatory Case Study. 2015;(43). URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/9614?locale=en>

6. Dombrowski U., Engel C. Impact of electric mobility on the after sales service in the automotive industry. *Procedia CIRP*. 2014;16:152–157. DOI: 10.1016/j.procir.2014.01.022
7. Pérez-Moure H., Lampón J.P., Cabanelas P. Mobility business models toward a digital tomorrow: Challenges for automotive manufacturers. *Futures*. 2024;156:103309. DOI: 10.1016/j.futures.2023.103309
8. Korothe A.K., Mazurek G., Pater P. Disruptive innovation in automotive retailing. *Management and Business Administration Central Europe*. 2019;27(1):1–16. DOI: 10.7206/jmba.ce.2450–7814.238
9. Smania G.S., Arakaki I.R.Y., Oliveira A.F., Cauchick-Miguel P.A., de Sousa Mendes G.H. Car subscription services: Automakers' shift towards servitized and sustainable business models. *Sustainable Production and Consumption*. 2023;36:184–193. DOI: 10.1016/j.spc.2022.12.024
10. Arbeláez A.M.A. Economic impacts, carbon footprint and rebound effects of car sharing: Scenario analysis assessing business-to-consumer and peer-to-peer car sharing. *Sustainable Production and Consumption*. 2023;35:238–249. DOI: 10.1016/j.spc.2022.11.004
11. Belk R. You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online. *Journal of Business Research*. 2014;67(8):1595–1600. DOI: 10.1016/j.jbusres.2013.10.001
12. Govorova A.V. History and paradoxes of the Chinese car market: Eastern strategies and the Asian regulator. *Studies on Russian Economic Development*. 2023;34(1):150–158. DOI: 10.1134/s1075700723010069 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2023;(1):217–229. DOI: 10.47711/0868–6351–196–217–229).
13. Spektor S., Vertogradov V. Competition in the Brazilian premium car market in 2007–2021. *Latinskaya Amerika*. 2023;(4):39–52. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 0044748X0023732-4
14. Vertogradov V.A., Shchelokova S.V. Premium car brands strategies and regulator's actions in Russia (2009–2021). *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2022;16(2):64–75. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-2-64-75
15. Vertogradov V.A., Shchelokova S.V., Ivanchina A.A. Russian automotive market: Business strategies and regulators' actions (2009–2021). *Strategii biznesa = Business Strategies*. 2022;10(2):33–41. (In Russ.). DOI: 10.17747/2311-7184-2022-2-33-41

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дарья Владимировна Воробьёва — руководитель партнерского направления департамента маркетинга компании «РОЛЬФ», Москва, Российская Федерация

Daria V. Vorobeva — Head of the partnership department in ROLF Marketing Department, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0009-0009-5872-3440>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
pr-dvorobyeva@yandex.ru

Светлана Викторовна Щелокова — кандидат экономических наук, доцент экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Svetlana V. Shchelokova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-7233-1322>

schelokovasv@my.msu.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2025; после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 10.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.02.2025; revised on 20.02.2025 and accepted for publication on 10.03.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-94-102
УДК 339.923(045)
JEL C23, L61

Общие золотые запасы стран БРИКС: аналитическое исследование

А.М.А. Хакки

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. В 2015 г. общие золотые запасы основных стран БРИКС (Россия, Китай, Индия) составили 3423 т (131,322 млрд долл.), а в 2024 г. – 5260 т (304,434 млрд долл.). Таким образом, индекс массы за рассматриваемый период увеличился до 1,54, а индекс стоимости – до 2,32. В настоящее время доля совокупных золотых резервов стран БРИКС достигает 17–20% от общемировых. Методы. В статье при помощи программного обеспечения Orange делается прогноз массы и стоимости золотых запасов России, Китая и Индии на период 2015–2029 гг. с равными годовыми интервалами. Результаты. В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что страны БРИКС, с учетом огромных запасов собственных природных ресурсов, будут играть важную роль в мировой экономике в обозримом будущем. Это же подтверждает численный анализ, приведенный в данной статье.

Ключевые слова: страны БРИКС; золотой резерв; драгоценные металлы; инвестиции; прогноз цен на золото; Всемирный банк

Для цитирования: Хакки А.М.А. Общие золотые запасы стран БРИКС: аналитическое исследование. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):94-102. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-94-102

ORIGINAL PAPER

Total Gold Reserves in the BRICS Countries: Analytical Study

A.M.A. Hakki

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance of information. In 2015, the total quantities of gold reserves of the major BRICS countries (Russia, China and India) were 3423 tonnes, which had an aggregate value of 131,322 billion USD. In 2024, the overall gold reserves of these three countries totaled 5260 tonnes with the entire value of 304,434 billion USD, which means, the mass index has increased from 1 to 1.54 and the value index has grown from 1 to 2.32 during the period under review (2015–2024). Currently, the combined gold reserves of the BRICS countries account for 17 to 20 per cent of the entire global gold reserves. **Methods.** The given article uses the Orange software to forecast the amount and value of gold reserves of the BRICS countries (Russia, China and India) for the period of 2015–2029 at equal annual intervals. **Findings.** In the course of the study, the author comes to conclusions, that, in the near future, the BRICS countries will play an important role in the global economy, due to their own huge reserves of natural resources. The numerical analytic research presented in this article confirms this conclusion.

Keywords: BRICS countries; gold reserves; precious metals; investments; gold price forecast; world bank

For citation: Hakki A.M.A. Total gold reserves in the BRICS countries: Analytical study. *The World of the New Economy*. 2025;19(2):94-102. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-94-102

ВВЕДЕНИЕ

Драгоценные металлы (золото, серебро, платина, палладий) — это не просто природные ресурсы, а жизненно важные элементы, оказывающие существенное влияние на международную экономику. Выступая инвестиционными инструментами, средством сбережения и торговли, они способствуют экономической стабильности и являются неотъемлемой частью мировой финансовой системы [1–4].

Группа стран БРИКС обладает огромными запасами драгоценных металлов. Например, Россия и Южная Африка входят в число крупнейших в мире производителей платины: их совокупная добыча составляет около 80% от общемировой. В то же время Россия, Китай и Индия владеют примерно 17% мировых золотых запасов, и в данной статье мы сосредоточимся именно на этом аспекте [5–8].

Золото — один из древнейших и важнейших драгоценных металлов, используемый человечеством на протяжении столетий и играющий важнейшую роль в формировании экономических и социальных систем. Оно обладает уникальными свойствами, является символом богатства и стабильности и демонстрирует обратную корреляцию с экономическими колебаниями, поскольку инвесторы используют его в качестве средства защиты от инфляции [9–13].

В отчете Всемирного банка указывается, что золотые резервы содействуют укреплению доверия к валюте страны, демонстрируя ее экономическую и политическую стабильность. Кроме того, добыча золота — важный источник государственного дохода, способствующий созданию рабочих мест и экономическому развитию государства [14–17].

Данный металл остается основным товаром в международной торговле и, согласно исследованию ОЭСР, по-прежнему рассматривается как стабильный и важный актив, поскольку помогает странам поддерживать платежный баланс и повышать экономическую устойчивость [20–22].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

За основу для расчета средних золотых запасов России, Китая и Индии были взяты показатели начала 2015 г. (мы их принимаем за 1). На тот момент средний индекс массы золотых запасов стран БРИКС составлял 3423 т., а средний индекс стоимости — 131,322 млрд долл.

В *табл. 1* представлены данные о золотых запасах России и их стоимости, а также значения их индексов за период 2015–2024 гг.

Из *табл. 1* видно, что за десять лет Россия значительно увеличила свои золотые запасы. Объем резервов вырос почти в два раза (на 94%),

Таблица 1 / Table 1

Золотые запасы России за период 2015–2024 гг. / Russia's gold reserves for the period 2015–2024

Год / Показатель	Масса, т	Индекс массы	Стоимость, млрд долл.	Индекс стоимости
2015	1208,00	1,00	46,088	1,00
2016	1415,00	1,17	48,562	1,05
2017	1615,00	1,34	60,194	1,24
2018	1838,00	1,52	76,647	1,27
2019	2113,00	1,75	86,903	1,44
2020	2271,00	1,88	110,376	2,39
2021	2299,00	1,90	138,754	3,01
2022	2300,00	1,90	133,070	2,89
2023	2333,00	1,93	136,077	2,95
2024	2340,00	1,94	140,415	3,05

Источник / Source: составлено автором по: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотой_резерв_России; https://cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/ / compiled by the author from: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотой_резерв_России; https://cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/

а их стоимость увеличилась более чем в три раза. Это говорит о том, что страна проводит активную политику, направленную на накопление золота как стратегического актива.

В табл. 2 содержатся данные о золотом резерве Китая за период 2015–2024 гг.

Представленные данные свидетельствуют о значительном росте как физического объема золотых резервов (увеличение индекса до 1,27),

так и их стоимости (увеличение индекса до 1,99) за указанный период.

В табл. 3 отражены данные о золотом резерве Индии и его стоимости за анализируемый период: за десять лет произошло существенное увеличение индекса массы — до 1,47 и индекса стоимости — до 1,73.

Что касается Бразилии (табл. 4) и ЮАР (табл. 5), то их резервы значительно меньше, чем у стран, указанных выше.

Таблица 2 / Table 2

Золотой резерв Китая за период 2015–2024 гг. / China's gold reserves for the period 2015–2024

Год / Показатель	Масса, т	Индекс массы	Стоимость, млрд долл.	Индекс стоимости
2015	1658,00	1,00	63,247	1,00
2016	1842,00	1,11	63,237	1,00
2017	1842,00	1,11	68,646	1,09
2018	1864,00	1,12	77,722	1,23
2019	1948,00	1,17	80,103	1,27
2020	1948,00	1,17	94,664	1,50
2021	1948,00	1,17	117,590	1,86
2022	1948,00	1,17	112,686	1,78
2023	2100,00	1,27	122,499	1,94
2024	2100,00	1,27	126,000	1,99

Источник / Source: составлено автором по: URL: <https://www.gold.org> / compiled by the author from: URL: <https://www.gold.org>

Таблица 3 / Table 3

Золотой резерв Индии за период 2015–2024 гг. / India's gold reserves for the period 2015–2024

Год / Показатель	Масса, т	Индекс массы	Стоимость, млрд долл.	Индекс стоимости
2015	557,00	1,00	21,985	1,00
2016	557,00	1,00	24,215	1,10
2017	558,00	1,00	24,0508	1,09
2018	560,00	1,01	24,218	1,10
2019	618,00	1,11	27,696	1,26
2020	687,00	1,23	30,532	1,39
2021	754,00	1,35	33,232	1,51
2022	787,00	1,41	34,403	1,56
2023	800,00	1,44	37,393	1,70
2024	820,00	1,47	38,019	1,73

Источник / Source: составлено автором по: URL: <https://www.rbi.org.in> / compiled by the author from: URL: <https://www.rbi.org.in>

Таблица 4 / Table 4

**Золотой резерв Бразилии за период 2015–2024 гг. /
Brasil's gold reserves for the period 2015–2024**

Год / Показатель	Масса, т	Индекс массы	Стоимость, млрд долл.	Индекс стоимости
2015	67,20	1,00	2,564	1,00
2016	67,29	1,00	2,309	0,90
2017	67,29	1,00	2,508	0,98
2018	67,36	1,00	2,809	1,10
2019	67,36	1,00	2,770	1,08
2020	67,36	1,00	3,274	1,28
2021	129,65	1,93	7,825	3,05
2022	129,65	1,93	7,501	2,93
2023	129,65	1,93	7,562	2,95
2024	129,65	1,93	7,780	3,03

Источник / Source: составлено автором по: URL: <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves> / compiled by the author from: URL: <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves>

Таблица 5 / Table 5

**Золотой резерв Южной Африки за период 2015–2024 гг. /
South Africa's gold reserves for the period 2015–2024**

Год / Показатель	Масса, т	Индекс массы	Стоимость, млрд долл.	Индекс стоимости
2015	125,20	1,00	4,777	1,00
2016	125,25	1,00	4,299	0,90
2017	125,30	1,00	4,670	0,98
2018	125,35	1,00	5,227	1,09
2019	125,40	1,00	5,157	1,08
2020	125,40	1,00	6,095	1,28
2021	125,40	1,00	7,568	1,58
2022	125,45	1,00	7,258	1,52
2023	125,45	1,00	7,317	1,53
2024	125,45	1,00	7,528	1,58

Источник / Source: составлено автором по: URL: <https://tradingeconomics.com/south-africa/gold-reserves> / compiled by the author from: URL: <https://tradingeconomics.com/south-africa/gold-reserves>

В табл. 6 отражены общие данные о золотом резерве стран БРИКС: за рассматриваемый период индекс массы увеличился до 1,53, а индекс стоимости — до 2,31.

В табл. 7 — данные о золотом резерве России, Китая и Индии. Мы можем видеть существенное

увеличение индекса массы — до 1,54 и индекса стоимости — до 2,32.

В табл. 8 показано процентное соотношение золотых запасов каждой страны БРИКС к их общему объему. Очевидно, что наибольшие показатели — у России, Китая и Индии.

Таблица 6 / Table 6

**Золотой резерв стран БРИКС за период 2015–2024 гг. /
Gold reserves of the BRICS countries for the period 2015–2024**

Год / Показатель	Масса, т	Индекс массы	Стоимость, млрд долл.	Индекс стоимости
2015	3615,40	1,00	138,66	1,00
2016	4006,54	1,11	142,62	1,03
2017	4207,59	1,16	160,07	1,15
2018	4454,71	1,23	186,62	1,35
2019	4871,76	1,35	202,63	1,46
2020	5098,76	1,41	244,94	1,77
2021	5256,05	1,45	304,97	2,20
2022	5290,10	1,46	294,92	2,13
2023	5488,10	1,52	310,85	2,24
2024	5515,10	1,53	319,74	2,31

Источник / Source: составлено автором по: URL: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtlId=mrrf_m; <https://www.gold.org>; <https://www.rbi.org.in>; <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves> / compiled by the author from: URL: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtlId=mrrf_m; <https://www.gold.org>; <https://www.rbi.org.in>; <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves>

Таблица 7 / Table 7

**Золотые запасы России, Китая, Индии за период 2015–2024 гг. /
Gold reserves of Russia, China, India for the period 2015–2024**

Год / Показатель	Масса, т	Индекс массы	Стоимость, млрд долл.	Индекс стоимости
2015	3423	1,00	131,322	1,00
2016	3814	1,11	136,015	1,04
2017	4015	1,17	152,891	1,16
2018	4262	1,25	178,587	1,36
2019	4679	1,37	194,702	1,48
2020	4906	1,43	235,573	1,79
2021	5001	1,46	289,577	2,21
2022	5035	1,47	280,159	2,13
2023	5233	1,53	295,971	2,25
2024	5260	1,54	304,434	2,32

Источник / Source: составлено автором по: URL: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtlId=mrrf_m; <https://www.gold.org>; <https://www.rbi.org.in>; <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves> / compiled by the author from: URL: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtlId=mrrf_m; <https://www.gold.org>; <https://www.rbi.org.in>; <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves>

Изменение веса общих золотых запасов России, Китая и Индии за рассматриваемый период представлено на *рис. 1*.

Изменение стоимости золотых резервов России, Китая и Индии (в млрд долл.) с 2015 по 2024 г. показано на *рис. 2*.

При помощи программного обеспечения Orange автором составлен прогноз запасов золота России, Китая, Индии на период 2025–2029 гг. (*табл. 9*).

Так, ожидается, что в 2025 г. золотые запасы указанных стран достигнут 5334 т (индекс массы 1,56), а в 2029 г. — 5586 т (индекс массы 1,63).

Таблица 8 / Table 8

Процентное соотношение золотых запасов каждой страны БРИКС относительно всей группы за период 2015–2024 гг. / Gold reserves of each BRICS country in percentage proportion relative to the entire BRICS group for the period 2015–2024

Год / Страна	Россия, %	Китай, %	Индия, %	Южная Африка, %	Бразилия, %
2015	33,41	45,86	15,41	3,46	1,86
2016	35,32	45,97	13,90	3,13	1,68
2017	38,38	43,78	13,26	2,98	1,60
2018	41,26	41,84	12,57	2,81	1,51
2019	43,37	39,99	12,69	2,57	1,38
2020	44,54	38,21	13,47	2,46	1,32
2021	43,74	37,06	14,35	2,39	2,47
2022	43,48	36,82	14,88	2,37	2,45
2023	42,51	38,26	14,58	2,29	2,36
2024	42,43	38,08	14,87	2,27	2,35

Источник / Source: составлено автором по: URL: <https://www.gold.org> / compiled by the author from: URL: <https://www.gold.org>

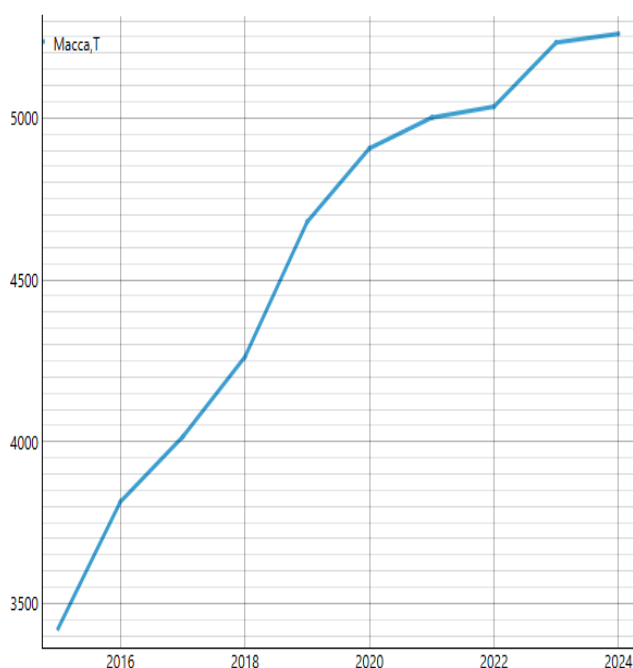

Рис. 1 / Fig. 1. Золотые запасы России, Китая, Индии за период 2015–2024 гг., т / Gold reserves of Russia, China, India for the period of 2015 to 2024, in tonnes

Источник / Source: составлено автором по: URL: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtlId=mrrf_m; <https://www.gold.org>; <https://www.rbi.org.in>; <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves> / compiled by the author from: URL: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtlId=mrrf_m; <https://www.gold.org>; <https://www.rbi.org.in>; <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves>

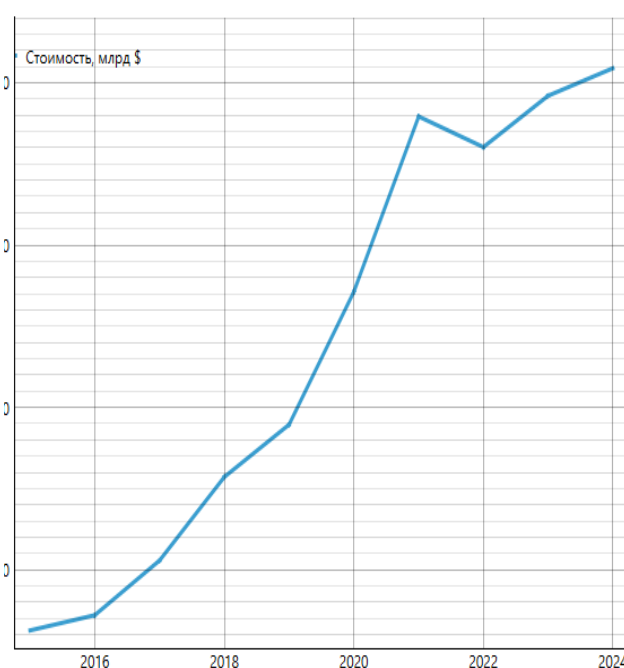

Рис. 2 / Fig 2. Золотые запасы России, Китая и Индии за период 2015–2024 гг., млрд долл. / Gold reserves of Russia, China, India dollars for the period 2015–2024, in billion USD

Источник / Source: составлено автором по: URL: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtlId=mrrf_m; <https://www.gold.org>; <https://www.rbi.org.in>; <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves> / compiled by the author from: URL: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtlId=mrrf_m; <https://www.gold.org>; <https://www.rbi.org.in>; <https://tradingeconomics.com/brazil/gold-reserves>

Таблица 9 / Table 9

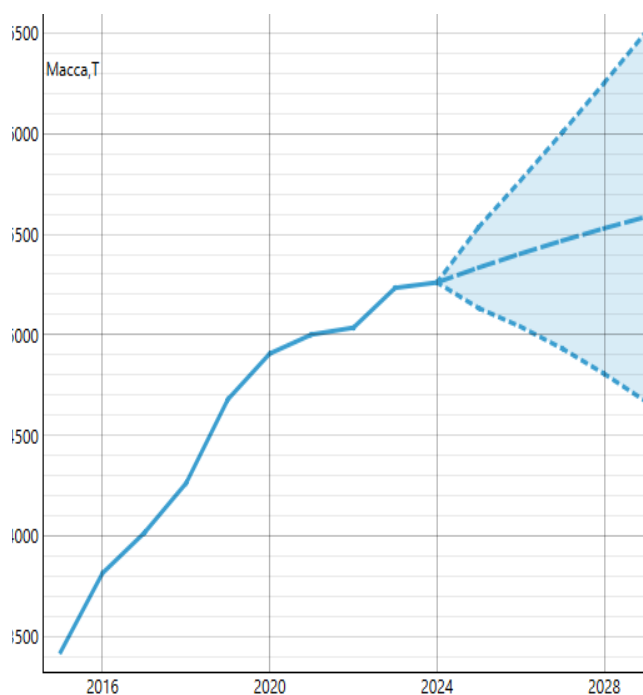
**Прогнозные запасы золота России, Китая, Индии на период 2025–2029 гг., т /
Forecasted gold reserves of Russia, China, India for the period 2025–2029, in tonnes**

Год / Показатель	Масса, т (средняя)	Индекс массы (средняя)	Масса, т (минимальная)	Масса, т (максимальная)
2025	5334	1,56	5072	5596
2026	5403	1,58	4933	5874
2027	5468	1,60	4772	6164
2028	5529	1,62	4593	6465
2029	5586	1,63	4397	6775

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

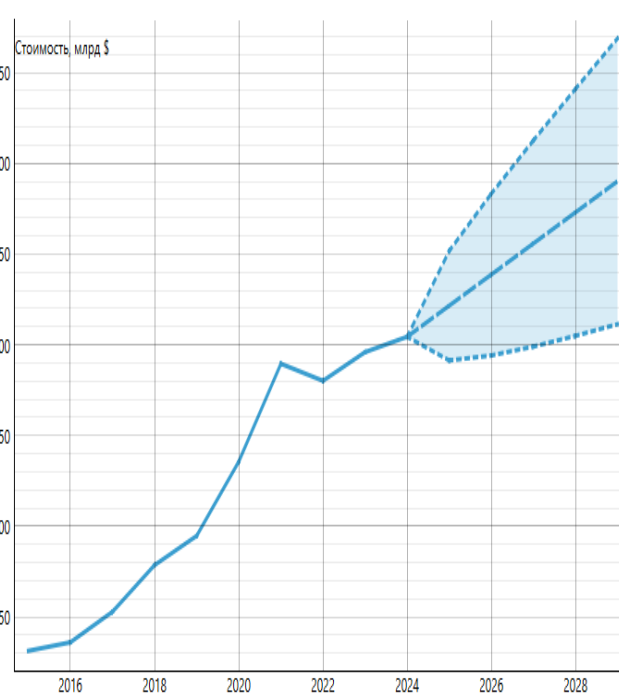
При помощи того же программного обеспечения (Orange) определены запасы золота в тоннах (рис. 3) и в денежном эквиваленте (рис. 4) для указанных стран за период 2015–2024 гг. и дан прогноз до конца 2029 г.

Согласно программе Orange, ожидается, что в 2025 г. золотые запасы трех рассматриваемых стран достигнут 321,572 млрд долл., (индекс стоимости 2,45), а в 2029 г. — 390,118 млрд долл. (индекс стоимости 2,97) (табл. 10).

**Рис. 3 / Fig. 3. Золотые запасы России, Китая, Индии за период 2015–2024 гг. с прогнозом до конца 2029 г., т /
Gold reserves of Russia, China, India for the period 2015–2024 with a forecast until the end of 2029, in tonnes**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

**Рис. 4 / Fig. 4. Золотые запасы России, Китая, Индии за период 2015–2024 гг. с прогнозом до конца 2029 г., млрд долл. /
Gold reserves of Russia, China, India for the period 2015–2024 with a forecast until the end of 2029, in billion USD**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 10 / Table 10

**Прогнозные золотые запасы России, Китая, Индии и стоимостной индекс
на период 2025–2029 гг. / Forecast gold reserves of Russia, China, India
and value index for the period 2025–2029**

Год / Показатель	Стоимость, млрд долл. (средняя)	Индекс стоимости (средняя)	Стоимость, млрд долл. (минимальная)	Стоимость, млрд долл. (максимальная)
2025	321,572	2,45	291,389	351,756
2026	338,71	2,58	294,138	383,282
2027	355,847	2,71	299,041	412,653
2028	372,983	2,84	304,925	441,041
2029	390,118	2,97	311,367	468,870

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Исходя из текущих тенденций и прогнозов, можно заключить, что в период 2025–2029 гг. ожидается устойчивый рост общих золотых запасов стран БРИКС. Он обусловлен увеличением спроса со стороны местных жителей и международных инвесторов, а также благоприятной экономической ситуацией.

При этом важную роль будут играть платформы, где используются цифровые технологии и искусственный интеллект: они помогут улучшить качество обслуживания клиентов, упростить процесс покупки и продажи, а также повысить его прозрачность и эффективность.

Правительства России, Китая и Индии, вероятно, и в 2025, и в 2029 гг. будут поддерживать иностранных инвесторов, предлагая им льготы. Это поможет укрепить доверие к рынку драгоценных металлов, особенно золота, и привлечь дополнительные инвестиции.

Судя по всему, рынок драгоценных металлов останется надежным и перспективным объектом для вложений, поскольку сохранит свою привлекательность благодаря способности противостоять глобальным экономическим потрясениям, таким как инфляция и рост процентных ставок.

Наращивание золотых резервов странами БРИКС крайне важно для их экономической и оборонной стратегий. Это связано с рядом общих целей, включая:

- укрепление глобальной финансовой стабильности;
- ослабление влияния иностранных валют;
- рост доверия со стороны инвесторов и рынков;
- диверсификацию резервных активов;

- подготовку к возможным геополитическим кризисам;

- укрепление национальных валют стран БРИКС;
- использование выгод от роста цен на золото.

Развитие цифровой платежной системы в рамках БРИКС позволит:

- уменьшить зависимость от доллара;
- избежать санкционных рисков со стороны США и ЕС;
- упростить расчеты в национальных валютах;
- стимулировать внутрирегиональную торговлю;
- обеспечить финансовую независимость (альтернативу SWIFT, контролируемому Западом).

Вступление стран Персидского залива (особенно Саудовской Аравии и ОАЭ) в БРИКС создаст значительные преимущества, включая:

- рост золотых резервов (благодаря крупным запасам золота и ресурсов этих стран);
- повышение стабильности валют и доверия к финансовой системе БРИКС;
- расширение возможностей для инвестиций и торговли;
- снижение зависимости от нефтегазового сектора;
- сдерживание инфляции и удешевление товаров и услуг;
- технологическое и энергетическое сотрудничество, ведущее к росту производственной эффективности.

Таким образом, взаимодействие в этих направлениях способствует экономическому развитию, реализации инфраструктурных проектов и долгосрочной стабильности стран БРИКС.

REFERENCES

1. Klemm D., Klemm R., Murr A. Gold of the Pharaohs — 6000 years of gold mining in Egypt and Nubia. *Journal of African Earth Sciences*. 2001;33(3–4):643–659. DOI: 10.1016/S 08995362(01)00094-X
2. Hilson G. The environmental impact of small-scale gold mining in Ghana. *The Geographical Journal*. 2002;168(1):57–72. DOI: 10.1111/1475–4959.00038
3. Mudd G.M. Global trends in gold mining: Towards quantifying environmental and resource sustainability. *Resources Policy*. 2007;32(1–2):42–56. DOI: 10.1016/j.resourpol.2007.05.002
4. Beckmann J., Berger T., Czudaj R. Gold price dynamics and the role of uncertainty. *Quantitative Finance*. 2019;19(4):663–681. DOI: 10.1080/14697688.2018.1508879
5. Capie F., Mills T.C., Wood G. Gold as a hedge against the dollar. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2005;15(4):343–352. DOI: 10.1016/j.intfin.2004.07.002
6. Reboredo J.C. Is gold a hedge or safe haven against oil price movements? *Resources Policy*. 2013;38(2):130–137. DOI: 10.1016/j.resourpol.2013.02.003
7. Hillier D., Draper P., Faff R. Do precious metals shine? An investment perspective. *Financial Analysts Journal*. 2006;62(2):98–106. DOI: 10.2469/faj.v62.n2.4085
8. Erb C.B., Harvey C.R. The golden dilemma. *Financial Analysts Journal*. 2013;69(4):10–42. URL: https://people.duke.edu/~charvey/Research/Published_Papers/P113_The_golden_dilemma.pdf
9. Aggarwal R., Soenen L.A. The nature and efficiency of the gold market. *Journal of Portfolio Management*. 1988;14(3):18–21. DOI: 10.3905/jpm.1988.409152
10. Gorton G., Rouwenhorst K. G. Facts and fantasies about commodity futures. *Financial Analysts Journal*. 2006;62(2):47–68. DOI: 10.2469/faj.v62.n2.4083
11. Ciner C., Gurdgiev C., Lucey B.M. Hedges and safe havens: An examination of stocks, bonds, gold, oil, and exchange rates. *International Review of Financial Analysis*. 2013;29:202–211. DOI: 10.1016/j.irfa.2012.12.001
12. O'Connor F.A., Lucey B.M., Batten J.A., Baur D.G. The financial economics of gold — a survey. *International Review of Financial Analysis*. 2015;41:186–205. DOI: 10.1016/j.irfa.2015.07.005
13. Batten J.A., Ciner C., Lucey B.M. The macroeconomic determinants of volatility in precious metals markets. *Resources Policy*. 2010;35(2):65–71. DOI: 10.1016/j.resourpol.2009.12.002
14. Baur D.G., McDermott T.K. Why is gold a safe haven. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2016;10:63–71. DOI: 10.1016/j.jbef.2016.03.002
15. Baur D.G., McDermott T.K. Is gold a safe haven? International evidence. *Journal of Banking & Finance*. 2010;34(8):1886–1898. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2009.12.008
16. Agyei-Ampomah S., Gounopoulos D., Mazouz K. Does gold offer a better protection against losses in sovereign debt than other metals? *Journal of Banking & Finance*. 2014;40:507–521. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2013.11.014
17. Tully E., Lucey B.M. A power GARCH examination of the gold market. *Research in International Business and Finance*. 2007;21(2):316–325. DOI: 10.1016/j.ribaf.2006.07.001

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Аднан Мухаммад Али Хакки — доцент кафедры математики и анализа данных факультета информационных технологий и анализа больших данных, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Adnan Muhammad Ali Hakki — Associate Professor, Department of Mathematics and Data Analysis, Faculty of Information Technology and Big Data Analytics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-0245-9061>
 ahakki@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
 Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.01.2025; после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 10.03.2025.
 Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
 The article was received on 12.01.2025; revised on 03.02.2025 and accepted for publication on 10.03.2025.
 The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-103-113
УДК 338.24(045)
JEL Q57

Россия как внешнеторговый партнер КНР

Ю.М. Шиганова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является обзор динамики и ключевых тенденций развития российско-китайской внешней торговли в течение последних нескольких лет. Китай — один из крупнейших производителей и экспортеров мира и важный политический и экономический партнер нашей страны. Расширение российско-китайского торгового сотрудничества, обусловленное сложившейся в мире геополитической обстановкой, и необходимость гибкого решения финансовых и логистических вопросов способствовали активизации взаимодействия российской стороны с приграничными регионами Китая (для которых Россия традиционно выступала приоритетным торговым партнером) и с самыми экономически развитыми приморскими провинциями, и даже с менее развитыми северо-западными районами Китая. **Методы.** Автор анализирует характер двустороннего торгового сотрудничества, его возможные точки роста и значение для обеих стран, убедительно доказывая, что впечатляющее увеличение товарооборота не всегда свидетельствует о качественном изменении товарной структуры. **Выводы.** В заключение отмечается, что концентрация российской стороны на сотрудничестве с китайскими партнерами ставит ее в зависимость от КНР, для которой Россия является важным, но не приоритетным внешнеторговым направлением.

Ключевые слова: Китай; Россия; китайско-российская внешняя торговля товарами; мировая экономика; тенденции развития; экспорт энергоресурсов; приграничное экономическое сотрудничество

Для цитирования: Шиганова Ю.М. Россия как внешнеторговый партнер КНР. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):103-113. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-103-113

ORIGINAL PAPER

Russia as a Foreign Trade Partner of China

Yu.M. Shiganova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **aim** of the article is to review the dynamics and key trends in the development of Russian-Chinese foreign trade over the past few years. China is one of the world's largest producers and exporters, as well as an important political and economic partner of Russia. The expansion of Russian-Chinese trade cooperation — driven by the current geopolitical situation and the need for flexible solutions to financial and logistical challenges — has led to intensified interaction between Russia and both China's border regions (where Russia has traditionally been a key trade partner), the economically developed coastal provinces, and even the less developed northwestern areas. **Methods.** The author analyzes the nature of bilateral trade cooperation, its potential growth areas, and its significance for both countries. It is convincingly argued that the impressive growth in trade turnover does not always indicate a qualitative shift in the trade structure. In **conclusion**, the article notes that Russia's increasing focus on cooperation with Chinese partners places it in a position of dependence on China, for which Russia is an important — but not a top-priority — foreign trade partner. **Keywords:** China; Russia; Chinese-Russian foreign trade in goods; global economy; development trends; energy export; cross-border economic cooperation

For citation: Shiganova Yu.M. Russia as a foreign trade partner of China. *The World of the New Economy*. 2025;19(2):103-113. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-103-113

Внешняя торговля между Россией и Китаем активно развивалась на протяжении нескольких десятилетий. Сближению стран в конце 1980-х и в 1990-е гг. способствовали изменение политических приоритетов российского руководства, различные экономические и политические явления, происходящие в обоих государствах, постепенное расширение мелкочелночной торговли, а также военного и технического сотрудничества. В 2000-е гг. началось интенсивное двустороннее взаимодействие в энергетической сфере. Открытие Китая внешнему миру, размещение мировых производств, рост капиталовложений в экономику страны требовали значительных энергоресурсов, для поставок которых в этот период в азиатской части России осуществлялось строительство трубопроводов. К 2004 г. объем экспорта российской нефти в Китай вырос в 20 раз¹ по сравнению с уровнем конца 1990-х гг. В течение последующих лет Россия превратилась в одного из крупнейших поставщиков нефти на китайский рынок.

На графике *рис. 1* показана динамика объемов экспорта и импорта между странами.

Эпидемия COVID-19 и новый удаленный формат жизни россиян обусловили расширение в 2020 г. электронной торговли и экспорта электроники из Китая: ноутбуков, планшетов (на 39 и 29% соответственно²) и смартфонов.

События последних нескольких лет также способствовали еще более резкому развороту России на Восток [1]. В условиях санкционных ограничений со стороны западных стран по величине торгового оборота Россия (наряду с США, Японией, Южной Кореей) вошла в четверку крупнейших партнеров Китая, поднявшись за последние четыре года с 10-го места³.

Доля России составляет 4,04% внешнеторгового оборота КНР⁴, хотя еще в 2020 г. этот показатель был равен 1,8%⁵. Китай, в свою очередь, на протяжении более десятка лет занимает 1-е место

в списке стран — основных внешнеторговых партнеров РФ — на него приходится 1/3 российского внешнеторгового оборота.

Особенно резкое увеличение двустороннего товарооборота наблюдалось за последние три года (2022–2024 гг.): в 2022 г. он вырос на 29,3% по сравнению с показателем 2021 г., достигнув рекордных 190,3 млрд долл., в 2023 г. — превысил 240 млрд долл.⁶, увеличившись еще на 26,3%, а за девять месяцев 2024 г. — составил 180,36 млрд долл.⁷

Вследствие расширения Китаем сырьевых закупок на 74%⁸ в первой половине 2022 г. объемы импорта из России почти в 1,5 раза превысили китайский экспорт.

В 2023 г., после некоторого периода адаптации к условиям санкций, переключения российского рынка на восточных внешнеторговых партнеров и закупки альтернативной продукции китайского производства, отладки системы логистики, начала использования национальных валют для взаимных расчетов, окончания действия антиковидных ограничений, возобновления авиасообщения между двумя странами, Китай увеличил поставки в Россию. Объемы экспорта выросли на 46,9%, импорта — на 12,7%, но стоимость импорта из России по-прежнему больше стоимости экспорта (на 16%)⁹.

Рост двусторонней торговли продолжался и в 2024 г., несмотря на проблемы с платежами и 20%-ное сокращение поставок продукции, квалифицируемой как имеющей двойное назначение: грузовиков, тракторов, водонагревателей, насосов, электрической аппаратуры для коммуникации и пр.¹⁰

Общая стоимость импорта из России снова в 1,17 раза превысила объем экспорта¹¹. Этому, помимо увеличения экспорта сырья на 24%, алюминия и изделий из него — на 64%, металлических руд — на 15%¹², способствовало снятие китайской стороной

¹ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1607110579666204754&wfr=spider&for=pc>

² URL: <https://news.cctv.com/2021/01/29/ARTI1YW2dN7RVMX5hTKWwieK210129.shtml>

³ URL: http://k.sina.com.cn/article_1893892941_70e2834d02001ixs4.html; <http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/jiguanzx/201901/20190102829378.html>

⁴ URL: <https://www.163.com/dy/article/IMQ53RD4055641S7.html>

⁵ URL: <http://ro.mofcom.gov.cn/article/ztdy/202303/20230303397144.shtml>

⁶ URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302275/5624373/index.html>

⁷ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1812974194322646362&wfr=spider&for=pc>

⁸ URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/09/21/941795-kitai-zakupil-energonositeli>; <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1777088211094813824&wfr=spider&for=pc>

⁹ URL: <https://finance.ifeng.com/c/8WlBwRvNtN8>

¹⁰ URL: https://www.alta.ru/external_news/110001/?ysclid=lx4bst3hc615211202

¹¹ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1812974194322646362&wfr=spider&for=pc>

¹² URL: <https://www.interfax.ru/russia/941154>, URL: <https://clck.ru/3LAi4y>

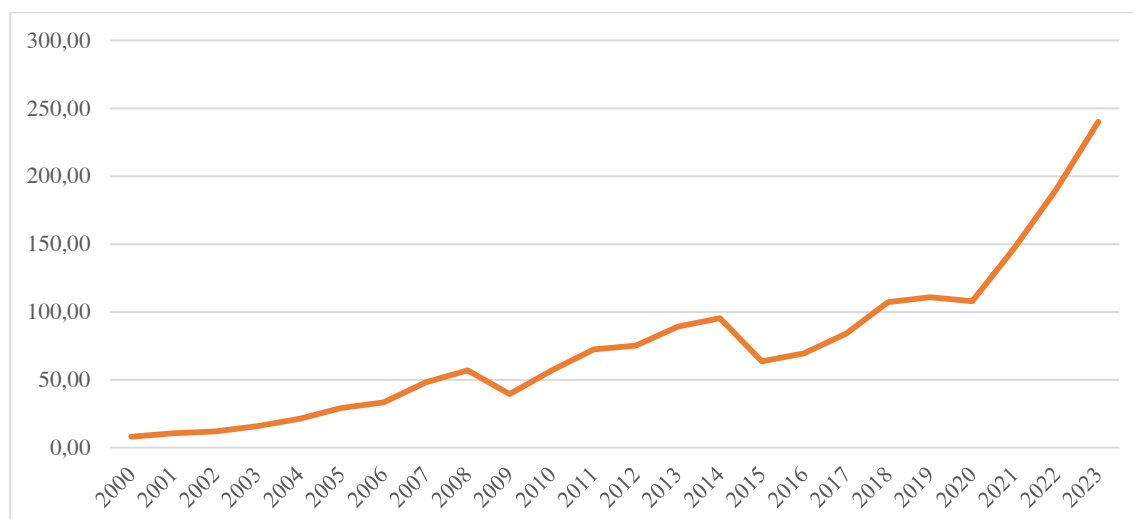

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика объемов внешней торговли между Россией и Китаем в 2000–2023 гг. (млрд долл. США) / Dynamics of Foreign Trade Volumes Between Russia and China in 2000–2023 (billion USD)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

в начале 2024 г. ограничений на экспорт российского продовольствия (что привело, например, к увеличению поставок в Китай российской пшеницы и меслина в 5,5 раза)¹³ и рост закупок российских удобрений.

По структуре взаимную торговлю, с одной стороны, можно считать взаимодополняющей [2, 3] — обеспечивающей китайскую экономику нефтью, природным газом, углем, рудой, древесиной, а с другой — российские поставки носят моносырьевой характер, учитывая, что на эти виды товаров приходится 2/3 российского экспорта в Китай.

2-е место среди статей российского экспорта в КНР занимает продукция лесопереработки: на нее приходится 5,33%¹⁴.

На 3-ем месте — продукция агропромышленного комплекса (4,6%¹⁵), 79% товарооборота которой обеспечивается российским экспортом [главным образом поставками мороженой рыбы (18,0%), рапсового масла (17,0%), ракообразных (13,9%), подсолнечного масла (10,5%) и соевых бобов (7,8%)]¹⁶ — в 2023 г. его объем увеличился в 1,5 раза. Таким образом, Китай стал крупнейшим в мире по-

купателем российского продовольствия с 20%-ной долей в совокупном объеме российских поставок на мировой рынок¹⁷.

Совсем незначительную долю в российском экспорте занимают поставки машин и оборудования (0,37%¹⁸), большую часть которых составляет продукция энергетического машиностроения.

Отраслевая структура китайского экспорта значительно более диверсифицирована и технологична: более 40% поставок — это промышленное электрооборудование, потребительская электроника, медицинская аппаратура¹⁹, около 20% — автомобили, летательные аппараты, суда, транспортное оборудование, почти 12% — продукция химической промышленности и изделия из пластмассы, 9,3% — продукция и материалы текстильной промышленности.

Наибольший вклад в развитие экономики и внешней торговли Китая вносят провинции Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун (табл. 1).

Высокий уровень развития этих приморских регионов (рис. 2) обусловлен географическим положением, наличием ресурсной базы, тесными связями с китайской зарубежной диаспорой; выбором их в качестве полигонов для первых реформ, начатых в конце 1970-х гг. в рамках политики реформ

¹³ URL: <https://clck.ru/3LAiH5>

¹⁴ URL: <https://clck.ru/3LAiRH>

¹⁵ URL: <https://tass.ru/ekonomika/20616693?ysclid=lxaslgfao112818855>

¹⁶ URL: https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2024/04/obzor_ved_kitajskaya_narodnaya_respublika.pdf

¹⁷ URL: <https://aemcx.ru/export/rusexport/>

¹⁸ URL: clck.ru/3LAimT

¹⁹ URL: <https://www.163.com/dy/article/IMQ53RD4055641S7.html>

Таблица 1 / Table 1

Статистические данные по четырем лидирующим по показателям валового регионального продукта (ВРП) провинциям Китая за первую половину 2024 г.* / Statistical Data for the Four Leading Chinese Provinces by Gross Regional Product (GRP) in the First Half of 2024*

Провинция	ВРП, млрд юаней	Доля в ВВП Китая, %	Место среди регионов Китая	Объем экспорта и импорта, млрд юаней	Доля во внешней торговле Китая, %	Изменение внешнеторгового оборота в 2024 г. по сравнению с аналогичным показателем 2023 г., %
Гуандун	6524,25	10,6	1	5949,95	20,8	12,8
Цзянсу	6332,63	10,3	2	364503	12,8	8,5
Шаньдун	4667,7	7,6	3	2197,94	7,7	3
Чжэцзян	4092	6,6	4	3489,72	12,2	7,4

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: * — данные по внешней торговле регионов приведены за январь-август 2024 г. / * — data on foreign trade of regions are given for January-August 2024.

и открытости, а также хозяйственной освоенностью портовых городов.

Объем валового регионального продукта самого экономически развитого региона Китая — провинции Гуандун, которая обеспечивает 20,8% внешнеторгового оборота КНР, превысил показатель ВВП России и Южной Кореи за 2019 г.²⁰ и почти приблизился к показателям Канады.

В 2024 г. внешняя торговля Гуандуна демонстрировала значительный рост после сильного замедления в 2023 г. (12,8 и 0,3% соответственно²¹). Этот мощнейший хозяйственный центр Китая — один из ключевых поставщиков российского рынка: на него приходится 1/6 всего двустороннего внешнеторгового оборота²².

Несмотря на снижение объемов внешней торговли провинции с основными странами-партнерами (минусовой прирост экспорта в США и ЕС, импорта из стран АСЕАН, Японии, Южной Кореи), рост экспорта и импорта Гуандуна в Россию в 2023 г. составил 36,5% (в 2022 г. — 23,6%²³). По данным на июнь 2024 г., за год он увеличился на 26,5%²⁴.

²⁰ URL: http://henan.china.com.cn/m/2021-01/26/content_41452117.html

²¹ URL: <https://finance.eastmoney.com/a/202401162963313598.html>

²² URL: <https://static.nfapp.southcn.com/content/202312/07/c8377819.html>

²³ URL: <https://www.21jingji.com/article/20240330/herald/c8e05a270f72a939a882ecd7e5db111b.html>

²⁴ URL: <https://news.sina.cn/2019-06-04/detail-ihvhiqay3592131.d.html>

Структура экспорта и импорта Гуандуна совпадает с российско-китайской: в российском импорте преобладают оборудование для автоматической обработки данных, бытовая техника, мобильные телефоны, электротехника, электронные компоненты, игрушки; в экспорте — природный газ, уголь, сельскохозяйственная продукция, сырая нефть и нефтепродукты, изделия из бумаги. На сегодняшний день доля электротехнической продукции в общем объеме экспорта провинции — 65,4%²⁵: в первую очередь это литий-ионные аккумуляторы, солнечные батареи, электромобили. Из китайских регионов именно эта провинция является самым крупным экспортером продукции сельского хозяйства в Россию — ее доля в 2023 г. была 19,1%²⁶ благодаря 27%-ному приросту.

Стоимость экспорта Гуандун в нашу страну в 3,75 раза превышает стоимость импорта и составляет 82,5% внешнеторгового оборота²⁷ благодаря технологичной продукции, объемы и себестоимость которой обуславливают такое соотношение.

Экономически развитые Чжэцзян, Цзянсу также лидируют среди китайских регионов именно по объемам экспорта в Россию. Наряду с Гуандуном

²⁵ URL: <https://finance.eastmoney.com/a/202401162963313598.html>

²⁶ URL: <https://www.yangjiangea.com/nd.jsp?id=300>

²⁷ URL: <https://www.21jingji.com/article/20240330/herald/c8e05a270f72a939a882ecd7e5db111b.html>; рассчитано по данным: URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1799286755435302857&wfr=spider&for=pc>

Рис. 2 / Fig. 2. Провинции Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу и Шаньдун на карте Китая / Guangdong, Zhejiang, Jiangsu, Shandong Provinces on the Map of China

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

они являются крупнейшими поставщиками 16 видов продукции на российский рынок и обеспечивают более 50% стоимостного объема экспорта данных категорий товаров²⁸.

Внешняя торговля провинции Шаньдун в 2024 г. демонстрировала 3%-ный рост, в том числе благодаря увеличению товарооборота с Россией на 1/3 в 2023 г.²⁹, — максимальному по сравнению с показателями других регионов-партнеров. Россия занимает 6-е место по доле во внешнеторговом обороте Шаньдуна и 2-е место по импорту³⁰.

Шаньдун является лидером по экспорту сельскохозяйственной продукции Китая (21,2% от всей страны³¹), одним из ведущих экспортеров продукции АПК в Россию и первым импортером данной

продукции из России. Однако российский экспорт сельхозпродукции в 2,6 раза превышает стоимостной объем импорта³².

Что касается провинции Чжэцзян, факторами развития двусторонней торговли является наличие в г. Иу самого крупного в мире международного оптового рынка Футянь, запуск с 2018 г. прямых контейнерных железнодорожных перевозок из Иу в Москву, производство автомобилей (в том числе Zhejiang Geely Holding Group Co., Ltd.), высокие показатели электронной торговли с Россией (1/6 от общего объема³³), расширение зоны свободной торговли в провинции.

Показатели внешнеторговой статистики данных регионов — высокие, но, чтобы понять, какая доля в их внешнеторговом обороте приходится на Россию, обратимся к данным табл. 2.

Для России провинция Гуандун — второй по объемам внешней торговли китайский регион, однако показатель ее внешнеторгового оборота с нашей страной (1,72%) в 9–10 раз меньше, чем

²⁸ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1781991881630603648&wfr=spider&for=pc>

²⁹ URL: <https://finance.eastmoney.com/a/202401132961378381.html>; <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1788345323400117626&wfr=spider&for=pc>

³⁰ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1770003244567773392&wfr=spider&for=pc>

³¹ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1788345323400117626&wfr=spider&for=pc>

³² URL: <https://www.yangjiangea.com/nd.jsp?id=300>

³³ URL: https://zjic.zj.gov.cn/zkdt/rdzx/202305/t20230510_9554351.shtml

Таблица 2 / Table 2

Показатели внешней торговли и доля России во внешнеторговом обороте четырех крупнейших провинций КНР в 2023 г. / Foreign Trade Indicators and Russia's Share in the Foreign Trade Turnover of China's Four Largest Provinces in 2023

Провинция	Внешнеторговый оборот в 2023 г., млрд юаней	Внешнеторговый оборот с Россией в 2023 г., млрд юаней	Доля внешнеторгового оборота с Россией во внешнеторговом обороте провинции в 2023 г., %
Гуандун	8304,07	143,17	1,72
Чжэцзян	4900	186,06	3,79
Пров.Цзянсу	5250	123,53	2,3
Пров.Шаньдун	3260	229,6	7,04

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

с Гонконгом, США, странами ЕС³⁴. Даже для провинции Шаньдун, у которой доля России во внешней торговле существенно больше (7,04%), ведущими партнерами выступают страны АСЕАН (19,9% всего внешнеторгового оборота³⁵, преимущественно, Малайзия). То есть для регионов — хозяйственных лидеров Китая Россия не является ключевым торговым партнером.

На фоне активизации взаимодействия двух стран в торгово-экономической сфере еще более интенсивным стало традиционное развитие внешней торговли приграничных регионов. Если северо-восточные территории Китая и раньше были вовлечены в эту сферу, то в последнее время к ней присоединяются и северо-западные регионы (табл. 3).

Абсолютные показатели у этих регионов при двузначных темпах прироста внешнеторгового оборота не высоки (доля Тибета — 0,024%³⁶, СУАР — 0,77%, АРВМ — 0,41%). При этом вклад в него вносят далеко не все области КНР. Так, в 2023 г. внешнеторговый оборот региона Внутренняя Монголия увеличился почти на 30%³⁷, главным образом вследствие увеличения на 41% торговли с Монгольской Народной Республикой и на 79,1% — с Россией³⁸

(в основном за счет российского экспорта продуктов питания, зерна, растительных масел). В то же время рост данного показателя у Тибета связан с резким увеличением экспорта в Непал и страны Средней Азии, что, возможно, сопряжено с освоением новых маршрутов для опосредованных поставок в Россию.

По данным за 2023 г., 6-е место в Китае по темпам роста внешней торговли (13,3%³⁹) заняла провинция Хэйлунцзян (рис. 3). Начиная с 2017 г. именно она является лидером российско-китайской торговли с показателем 15%⁴⁰.

Развитие двусторонней торговли продолжалось на протяжении нескольких десятилетий. В период 2016–2019 гг. среднегодовой темп ее роста был 27,9%⁴¹. Для данного региона наша страна является важнейшим партнером с долей в 69% всего объема внешней торговли⁴².

Этому, помимо роли форпоста открытости российским Дальневосточным регионам, способствовал процесс восстановления старой промышленной базы провинций Северо-Восточного Китая, инициированный правительством в начале 2000-х гг. Он обеспечил не столько обновление промышленного сектора региона, сколько внимание к локальным проблемам; развитие и улучшение инфраструктуры; а также создание в 2019 г. Харбинской и других специальных зон свободной торговли (ЗСТ), ориентированных на сотрудничество с Россией; строительство транспортных

³⁴ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1788252767253714867&wfr=spider&for=pc>

³⁵ URL: <http://news.iqilu.com/shandong/shandonggedi/20240127/5592100.shtml>

³⁶ URL: <https://finance.eastmoney.com/a/202401132961378381.html>

³⁷ URL: <https://russian.news.cn/20240123/8d2dc2edefaf49339f45db34834a6c50/c.html>

³⁸ URL: <https://static.nfapp.southcn.com/content/202401/13/c8502003.html>

³⁹ Там же.

⁴⁰ URL: <https://sputniknews.cn/amp/20230912/1053294707.html>

⁴¹ URL: http://m.people.cn/n4/0/2020/1202/c30-14598627_3.html

⁴² URL: <https://ftz.hlj.gov.cn/dbyzx/2804.html>

Таблица 3 / Table 3

Наиболее высокие темпы роста внешнеторгового оборота по регионам Китая в январе-ноябре 2023 г. / Regions of China with the Highest Foreign Trade Growth Rates in January-November 2023

Регион	Темп роста внешнеторгового оборота, %
Тибетский автономный район (ТАР)	146,3
Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР)	47,4
Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ)	29,7
Провинция Цинхай	16,3
Провинция Хайнань	15,5
Провинция Хэйлунцзян	13,3

Источник / Source: составлено автором по: URL: <https://finance.eastmoney.com/a/202401132961378381.html>

Рис. 3 / Fig. 3. Провинция Хэйлунцзян и регионы Северо-Восточного Китая на карте КНР / Heilongjiang Province and North-Eastern Regions of China on the Map of the PRC

Источник / Source: URL: <https://ruchina.org/china-cities-provinces.html>

хабов, портов, логистических объектов; открытие российско-китайского нефтепровода в 2011 г.; проведение Харбинской Международной торгово-экономической ярмарки и Российско-Китайского ЭКСПО.

Стоимостной объем импорта Хэйлунцзяна из России в 6,7 раза превышает экспорт (за первые

8 месяцев 2023 г.: 116,69 и 17,37 млрд юаней соответственно⁴³).

В структуре экспорта провинции более 40% — электротехническая продукция, в том числе автомобили, оборудование для автоматической

⁴³ URL: <https://ftz.hlj.gov.cn/dbyzx/2804.html>

Таблица 4 / Table 4

Динамика объемов торговли между регионами КНР и Россией в 2013–2023 гг. (млрд юаней) / Dynamics of Trade Volumes Between Chinese Regions and Russia in 2013–2023 (billion yuan)

Провинция / Год	2016	2018	2020	2021	2022	2023
Хэйлунцзян	66,84	122,06	97,33	131,34	167,93*	297,83
Гуандун	37,26	66,92	69,6	86,62	107,18	143,17

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: *данные за 1–11 месяцев 2022 г. / *data for months 1–11 of 2022.

обработки данных и комплектующие, бытовая техника; примерно 23% — трудоемкая продукция (обувь, мебель, одежда, текстиль); 15,3% — сельскохозяйственная продукция (3-е место в Китае после Гуандуна и Шаньдуна)⁴⁴.

Большая часть импорта приходится на российские природные ресурсы и руды, остальную часть составляют древесина и пиломатериалы, удобрения, сельхозпродукция, целлюлоза и электроэнергия⁴⁵.

Стоит отметить значительный рост двустороннего товарооборота с Россией в 2023 г. и обратить внимание на то, что он в два раза интенсивнее, чем у провинции Гуандун (табл. 4).

Помимо реального увеличения поставок между приграничными регионами, фактором роста товарооборота с провинцией Хэйлунцзян стал стоимостной учет транзитной торговли продукцией, экспортируемой локальными предприятиями, и товарами из других провинций, проходящими через таможню Хэйлунцзян, а также российские поставки, предназначенные другим регионам Китая.

Стремительное расширение российско-китайской внешней торговли, отражаемое статистикой, подкрепляют показатели российского потребительского рынка: на сегодняшний день доля автомобилей, официально импортируемых китайских марок, на российском автомобильном рынке составляет 52%⁴⁶ от общего количества продаж, с 2022 г. этот показатель вырос в 2,5 раза⁴⁷. В 2023 г. Россия стала самым крупным импортером продукции китайской

автомобильной промышленности, в том числе гуандунских BYD и GAC. На китайские смартфоны приходится более 70%, бытовую технику и электронику — 43%, ноутбуки — более 40%⁴⁸ российского рынка.

Несмотря на некоторые репутационные моменты, связанные с прежним негативным опытом использования недорогой китайской продукции и подделок, приостановка работы в России многих иностранных брендов, санкционные ограничения, изменение логистических цепочек и существенное подорожание импорта освободило нишу для китайских товаров. Российские потребители имеют возможность приобрести более демократичную по цене и оптимальную по характеристикам продукцию из КНР, обеспеченную сервисной поддержкой и запчастями. В то же время выход российских маркетплейсов на китайский рынок грозит появлением в продаже недорогой ноунейм-продукции с сомнительным качеством.

Дальнейшее расширение российско-китайской внешней торговли возможно в сферах логистики и транспорта, упрощения процедур оформления грузов, промышленной кооперации, а также реализации инвестиционных проектов, количество которых пока не очень велико (доля России в совокупном объеме китайских прямых зарубежных инвестиций в 2022 г. составила 0,36%⁴⁹, а доля капиталовложений в общем объеме привлеченных иностранных инвестиций, несмотря на прирост в 300%, равна 0,02%) [1].

⁴⁴ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1797034447546071185&wfr=spider&for=pc>; <https://www.yangjiangea.com/nd.jsp?id=300>

⁴⁵ URL: https://harbin.mid.ru/ru/press-centre/news/obem_torgovli_prigranichnykh_rayonov_kitaya_s_rossiyskimi_regionami_rastyet/

⁴⁶ URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/6526c0349a7947040b60ee18?ysclid=lw642re9jf601091009>

⁴⁷ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1799286755435302857&wfr=spider&for=pc>

⁴⁸ URL: <https://www.mvideoel dorado.ru/ru/press-centr/press-relizy/detail/2997>; <https://lenta.ru/news/2023/10/28/spros-na-kitayskuyu-bytovuyu-tehniku-vyros-sredi-rossiyan/>; https://www.rbc.ru/technology_and_media/20/08/2023/64df83a69a7947c7ce87a4b3?ysclid=lw64adqsy101646487

⁴⁹ URL: http://k.sina.com.cn/article_1893892941_70e2834d02001ixs4.html

Среди потенциальных точек роста двустороннего товарооборота можно назвать увеличение поставок российского продовольствия, свинины (по продажам которой Россия занимает 10-е место на китайском рынке), интерес китайских потребителей к российскому шоколаду, планируемый вывод на рынок КНР кормов для непродуктивных животных, пшеницы, дикой продукции водного промысла, лекарственного сырья для медицины, риса и кукурузы. Но это продукция с невысокой себестоимостью, которая может обеспечить прирост товарооборота лишь в несколько процентов, а ее ввоз жестко регулируется мерами ветеринарного, фито-санитарного и карантинного контроля — вплоть до введения полного запрета.

Поставки в КНР российских редкоземельных металлов для производства электромобилей⁵⁰ также нестабильны — по причине зависимости от спроса на мировом рынке.

Вероятнее всего, в ближайшее время сложившаяся структура зарубежных поставщиков товаров на рынок России не изменится. Расширение российско-китайской торговли способствует оживлению торговых отношений китайских регионов со странами Средней Азии и отдаленными российскими приграничными областями, а также развитию приграничной инфраструктуры, логистических объектов и транспортной системы, увеличению количества рабочих мест, активизации туристического обмена. Однако действующие и потенциальные санкционные ограничения, необходимость изменения маршрутов перевозки требуют дополнительных организационных, временных, финансовых ресурсов и гибкости; непрерывной оптимизации работы логистических, таможенных, банковских механизмов; поиска путей снижения себестоимости. Отсутствие или нехватка необходимых условий, оборудования и инфраструктуры на пограничных пропускных пунктах приводят к простоям и непрогнозируемому увеличению сроков доставки и транспортных издержек.

Риски и возможные последствия введения ограничений со стороны Запада уже стали причиной отказа некоторых третьих стран от участия в схемах обхода санкций. В 2024 г. 80% банковских операций между Россией и Китаем было приостановлено⁵¹. На сегодняшний момент данная

проблема не только не решена, но и усугубилась из-за очередного пакета санкций, введенных летом 2024 г. Осуществление денежных переводов через дружественные страны, не попавшие под санкции небольшие региональные банки, частных китайских посредников или с использованием криптовалюты приводят к существенному удорожанию продукции и дополнительным рискам. Внимание к ситуации со стороны руководства стран дает надежду на недопущение сокращения доступности продукции на рынках обеих стран. Хотя уже сейчас отраслевые специалисты не исключают приостановку, например, импорта иномарок и запчастей из КНР.

Ситуация выбора для китайской стороны непростая, учитывая ее стратегические интересы. Именно поэтому ожидаемое к 2030 г. увеличение объема двустороннего товарооборота до 300 млрд долл. США⁵², т.е. еще на 1/4, потенциально возможно, но подвержено влиянию очень многих факторов.

Говоря не только о масштабе, но и о характере двустороннего сотрудничества, нужно учитывать высокие показатели поставок сырья и продовольствия из России в приграничные регионы и значительные экспортные потоки из прибрежных провинций. Превышение объемов российского экспорта над импортом из Китая свидетельствует о том, что рост товарооборота пока в немалой степени обеспечивается исключительно продукцией невысокой степени переработки из России [4].

Прогнозируемое экспертами более чем двукратное, по сравнению с уровнем 2024 г., увеличение экспорта российского газа в Китай к 2030 г.⁵³ вызывает некоторые опасения, связанные с усугублением зависимости России [3, 5] от одной страны-потребителя (фактически ситуации монополии) и сохранением неизменного (в силу сложившейся структуры российской экономики), довольно ограниченного характера экспортных поставок нашей страны [6, 7].

Кроме того, не все санкционные товары возможно компенсировать закупками в Китае [8–10], что говорит о необходимости диверсификации географии российских внешнеторговых партнеров.

Подводя итоги, хочется отметить, что за последние 30 лет объем внешней торговли между Рос-

⁵⁰ URL: https://t.me/vzglyad_ru/94348

⁵¹ URL: http://k.sina.com.cn/article_1893892941_70e2834d02001ixs4.html

⁵² URL: <https://iz.ru/1622357/2023-12-18/chernyshenko-zaiavilo-planakh-uvelicheniia-tovarooborota-rf-s-kitaem-do-300-mlrd?ysclid=lyhjduomou72396570>

⁵³ URL: <https://clck.ru/3LFZRa>

сией и Китаем ежегодно прирастал на 11%⁵⁴. Долгосрочные стабильные партнерские отношения, многолетнее торговое взаимодействие пограничных территорий, потребность россиян в китайских товарах и технологиях и заинтересованность Китая в освобождающемся российском рынке и доступном сырье, а также изменение геополитической ситуации в мире и вектора развития России будут и дальше способствовать сближению стран в торгово-экономической сфере. В настоящее время этому содействуют проведение деловых мероприятий, фун-

кционирование профильных организаций, открытие компаниями обеих стран представительств, доступ китайских предприятий на российские платформы электронной коммерции, а также двустороннее взаимодействие в культурной и образовательной сферах.

Для России значение сотрудничества с КНР в качестве альтернативного рынка поставщиков и потребителей, важного «полюса экономической силы» и партнера — велико, поскольку сегодня Китай формирует вектор развития мировых политических и экономических процессов [11–13]. Однако роль России в данных отношениях пока не соответствует статусу стратегического партнера.

⁵⁴ URL: <https://www.163.com/dy/article/G2UP7P970538VI84.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Изотов Д.А. Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации. *Азия и Африка сегодня*. 2023;(10):5-14. DOI: 10.31857/S 032150750028103-5
2. Тураева М.О., Яковлев А.А. Сотрудничество России и Китая в новых условиях: некоторые экономические итоги 2023 г. *Россия и современный мир*. 2024;(3):6-29. DOI: 10.31249/rsm/2024.03.01
3. Бударина Н.А. Развитие внешнеторгового сотрудничества РФ и КНР через призму влияющих факторов. *Экономика и предпринимательство*. 2024;(10):78-83. DOI: 10.34925/EIP.2024.171.10.013
4. Луконин С.А. Российско-китайские отношения: асимметричное партнёрство? *Вестник МГИМО-Университета*. 2023;16(2):65-86. (На англ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86
5. Королева Н.Ш. Перспективы развития торговых отношений России с Китаем. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2023;13(4-1):390-399. DOI: 10.34670/AR.2023.28.58.048
6. Изотов Д.А. Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик. *Власть и управление на Востоке России*. 2023;(3):70-87. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-104-3-70-87
7. Луконин С.А., Вахрушин И.В. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций. *Россия и АТР*. 2023;(1):160-180. DOI: 10.24412/1026880420231160180
8. Сидоров А.А. Актуальные тенденции торговли товарами России с ЕС и Китаем. *Мир новой экономики*. 2023;17(2):18-26. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-2-18-26
9. Ревенко Н.С. Российско-китайская торговля: состояние, тенденции, перспективы. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023;(2):47-61. DOI: 10.24412.2072-8042-2023-2-47-61
10. Seniuk N.U. Russian-Chinese trade: Current trends and prospects. *Baltic RIM Economies*. 2022;(4):48-49. URL: <https://sites.utu.fi/bre/russian-chinese-trade-current-trends-and-prospects/>
11. Спартак А.Н. Экономический потенциал и планы развития Китая в контексте российско-китайского сотрудничества. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2024;(7):7-25. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-7-7-25
12. Спартак А.Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023;(4):9-35. DOI: 10.24412.2072-8042-2023-4-9-35
13. Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023;(1):142-148. DOI: 10.31737/22212264-2023-1-142

REFERENCES

1. Izotov D.A. Trade interactions between China and Russia: Problems of intensification. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa Today*. 2023;(10):5-14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 032150750028103-5
2. Turaeva M.O., Yakovlev A.A. Russia and China cooperation in a new environment: Some economic results from 2023. *Rossiia i sovremennyi mir = Russia and the Contemporary World*. 2024;(3):6-29. (In Russ.). DOI: 10.31249/rsm/2024.03.01

3. Budarina N.A. Development of foreign trade cooperation between the Russian Federation and China through the prism of influencing factors. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2024;(10):78-83. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2024.171.10.013
4. Lukonin S. Russia-China relations: An asymmetrical partnership? *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2023;16(2):65-86. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-65-86
5. Koroleva N. Sh. Prospects for the development of trade relations between the Russian Federation and China. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2023;13(4-1):390-399. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2023.28.58.048
6. Izotov D.A. Russia and China: Current problems of trade interactions and the long-term prospects for economic cooperation. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Administration in the East of Russia*. 2023;(3):70-87. (In Russ.). DOI: 10.22394/1818-4049-2023-104-3-70-87
7. Lukonin S.A., Vakhrushin I.V. Russian-Chinese trade and economic cooperation amid anti-Russian sanctions. *Rossiia i ATR = Russia and the Pacific*. 2023;(1):160-180. (In Russ.). DOI: 10.24412/1026880420231160180
8. Sidorov A.A. Current trends in Russian trade in goods with the EU and China. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2023;17(2):18-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-2-18-26
9. Revenko N.S. Russia-China trade: State, trends, prospects. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2023;(2):47-61. (In Russ.). DOI: 10.24412.2072-8042-2023-2-47-61
10. Seniuk N.U. Russian-Chinese trade: Current trends and prospects. *Baltic RIM Economies*. 2022;(4):48-49. URL: <https://sites.utu.fi/bre/russian-chinese-trade-current-trends-and-prospects/>
11. Spartak A.N. China's economic potential and development plans in the context of Russian-Chinese cooperation. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2024;(7):7-25. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2024-7-7-25
12. Spartak A.N. Reshaping Russia's international economic cooperation amid sanctions and new challenges. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2023;(4):9-35. (In Russ.). DOI: 10.24412.2072-8042-2023-4-9-35
13. Vardomsky L.B. Russian-Chinese economic links in the context of growing international tensions. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2023;(1):142-148. (In Russ.). DOI: 10.31737/22212264-2023-1-142

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юлия Михайловна Шиганова — кандидат экономических наук, преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yulia M. Shiganova — Cand. Sci. (Econ.), Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<http://orcid.org/0000-0001-9992-3187>
ymshiganova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.08.2024; после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 20.02.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.08.2024; revised on 18.11.2024 and accepted for publication on 20.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-114-125
УДК 330.8(045)
JEL B15

Собственность, стань в строй! (о Нобелевской премии по экономическим наукам 2024 года)

Ю.П. Воронов

Институт экономики и организации промышленного производства, Сибирское отделение Российской академии наук,
Новосибирск, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье описаны проблемы, поднятые в трудах лауреатов Нобелевской премии по экономике 2024 г. Автор сосредоточился преимущественно на месте категории «собственность» и из всех результатов исследований лауреатов выделяет изучение ими причин исключительного института прав собственности в экономической теории. Показано, что это связано с мифом о «невидимой руке рынка», появившимся уже после Адама Смита на основании неверной интерпретации его трудов. В работе также обсуждается постепенный отход от открытости личности собственника, что заставляет по-новому воспринимать как саму категорию собственности, так и связи собственников со структурами власти. Основываясь на результатах лауреатов, автор доказывает, что защита собственности представляет собой самостоятельный социально-экономический институт. В заключение рассматриваются два частных права собственности: на средства производства и научно-технические инновации, которые тесно связаны с другими общественными институтами и не могут существовать сами по себе.

Ключевые слова: Нобелевская премия по экономике; точность терминов; собственность; экономические институты; политические институты; интеллектуальная собственность; научно-технический прогресс; средства производства; защита собственности

Для цитирования: Воронов Ю.П. Собственность, стань в строй! (о Нобелевской премии по экономическим наукам 2024 года). *Мир новой экономики*. 2025;19(2):114-125. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-114-125

ORIGINAL PAPER

Property, Get in Line! (On the 2024 Nobel Prize in Economic Sciences)

Yu.P. Voronov

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the problems raised in the works of the 2024 Nobel Laureates in Economic Sciences. The author focuses primarily on the role of the category of “property,” highlighting the laureates’ investigation into the exceptional status of property rights within economic theory. It is shown that this status is rooted in the myth of the “invisible hand of the market,” which emerged after Adam Smith and was based on a misinterpretation of his writings. The article also discusses the gradual erosion of transparency around property ownership, prompting a reassessment of both the concept of property and the relationship between property owners and political power structures. Drawing on the laureates’ findings, the author argues that the protection of property constitutes an independent socio-economic institution. The article concludes by examining two specific forms of property rights – those concerning the means of production and scientific-technological innovations – demonstrating their close ties to other social institutions and their inability to exist in isolation.

Keywords: Nobel Prize in Economic Sciences; terminological precision; property; economic institutions; political institutions; intellectual property; scientific and technological progress; means of production; property protection

For citation: Voronov Yu.P. Property, get in line! (on the 2024 Nobel prize in economic sciences). *The World of the New Economy*. 2025;19(2):114-125. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-114-125

© Воронов Ю.П., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Нобелевскую премию по экономике в 2024 г. получили трое американских профессоров, хорошо известных экономистам России благодаря переводам их книг и статей на русский язык (что, скорее всего, исключение, чем правило).

Самый известный из троих — Дарон Аджемоглу — армянин, который родился в Турции, учился в Великобритании, а преподает в США. Элемент экзотики в этом есть, но незначительный, если учесть, насколько труды ученого вписались в традиции экономической науки, представленной профессорами университетов США.

Второй лауреат — профессор Чикагского университета Джеймс Алан Робинсон — родился в Великобритании, окончил Манчестерский университет, после чего переехал в Австралию, а оттуда — в США. Преподавал сначала в Университете Южной Калифорнии (Лос-Анджелес), затем в Калифорнийском (Беркли) и в Гарвардском университетах. С 2015 г. по настоящее время — профессор Школы публичной политики имени Харриса Чикагского университета.

Третий лауреат — профессор Массачусетского технологического института Саймон Джонсон — также родился в Великобритании, где и получил высшее образование.

Таким образом, все трое — иммигранты, родившиеся за пределами США и, вместе с тем, как мы увидим далее, органично вписавшиеся в американскую экономическую науку.

В меморандуме Нобелевского комитета уточняется, что ученые «нашли новое понимание, почему страны мира значительно различаются по уровню благосостояния. Одно из самых важных объяснений — очень разные общественные институты».

Столь общая формулировка говорит о том, что для каждой страны какие-то сферы жизнедеятельности более важны, а другие — малозначимы. Сами авторы и большинство комментаторов, естественно, обращают особое внимание на то, что важно для США.

В этих обсуждениях обычно используются различные трактовки понятия «социальный институт»: «преобладающие или господствующие типы отношений», «принятая в настоящее время система общественной жизни», «закрепленные обычаем способы регулирования жизненных процессов общества по отношению к материальной среде, в которой оно живет» [1].

Будем придерживаться тех же определений, но подчеркнем то, что особо значимо для российской экономики и мировоззрения российских граждан.

Лауреаты не выделяют ни один из институтов как доминирующий: в определенный период истории и в конкретной ситуации — это один институт, в других — совершенно иной. Для России результат их исследований оказывается особо интересным — возникают вопросы: вы хотите сказать, что антагонизм социализма и капитализма, который в памяти у каждого советского человека, — это лишь часть различий в институтах, одна из многих?! А как же Социалистическая революция, советское прошлое, десятилетия холодной войны?! разве все эти события XX в. не происходили из-за различий в формах собственности? И тут мы переходим к анализу отказа от исключительного значения права собственности.

Права собственности, которые считаются определяющими для марксизма и современного российского самосознания, а также любые отличия одной экономики от другой, согласно мнению лауреатов, не могут рассматриваться в отрыве от прочих институтов.

Такая позиция коренным образом отличается от устоявшейся не только в экономической науке, но и в сознании рядового человека, убежденного в том, что самое главное — право собственности.

Лауреаты предложили разделять институты на экстрактивные и инклюзивные. Благодаря существованию экстрактивных, ресурсы, используемые в экономике, достаются ограниченному кругу участников экономической деятельности или вообще «покидают» национальную экономику. Хорошим, примером, по мнению автора, может служить телевизионная реклама: она отнимает время у миллионов зрителей ради выгоды ограниченного числа компаний.

Этому экстрактивному институту может быть противопоставлен инклюзивный: уроки иностранных языков по телевидению, весьма распространенные во многих странах. Такая практика, напротив, способствует тому, чтобы знания ограниченного круга лиц распределялись среди участников экономического процесса.

Уже на этом примере видно, что категория собственности в современной экономике отодвинута на задний план. Телевизор принадлежит телезрителю, а показывает то, что ему не нужно. Рекламное агентство использует систему телевидения (которая ему не принадлежит) для оказания услуг рекламодателю, не имеющему никаких прав собственности ни на отдельно взятый телевизор, ни на систему телетрансляции в целом. Это самая наглядная иллюстрация полного игнорирования прав собственности.

ПРИЧИНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Можно сказать, что причина преувеличения роли собственности кроется в особенностях научного метода, использовавшегося долгие годы: речь идет о статике и результате, достигнутом благодаря предыдущей деятельности. В работе лауреатов они заменены на динамику и распределенные по времени последствия текущей деятельности.

При таком подходе категории, которые казались наиболее важными в статике, уходят на задний план, а основными становятся те, что ранее представлялись второстепенными.

Для начала остановимся на понятии «сделка». С позиции статики, сделка либо не совершена, либо совершена. В промежутке между этими двумя состояниями нет ничего — только миг, когда не было никаких событий.

Реальность находится в постоянном движении, тогда как экономическая теория продолжает «показывать слайды». Вот ВВП страны увеличился за год на 5%. А что происходило в этом году: был ли он урожайным, падали ли цены на газ или наоборот, много ли выпускников школ пошли работать на заводы? Все это оказывается внутри «слайда» о годовом приросте ВВП и не учитывается в экономическом анализе.

Вместе с тем до сих пор нет жесткого разделения экономических теорий на те, что используют статическую картину, и те, что рассматривают экономику преимущественно в динамике [2].

Собственность — категория статического подхода, она — то, что есть сейчас. В динамике требуется рассматривать другое: институты ее сохранения, увеличения, вероятность утраты и т.д. Поэтому защита собственности — понятие, относящееся к процессу и динамике — находится в ином контексте, чем собственность, фиксируемая на каждый момент.

Гражданский кодекс РФ¹ определяет собственность как совокупность норм и делит ее на три права: владения, распоряжения и пользования. Защита собственности касается всех трех и состоит в том, чтобы подтверждать или отрицать возможность их совместной или раздельной реализации. В этом плане она также относится к статике как некоторый набор одномоментных действий.

ЛАУРЕАТЫ ПРОДОЛЖАЮТ ПУТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОТ СТАТИКИ К ДИНАМИКЕ

Теоретическое направление экономической науки, развиваемое лауреатами, зародилось в 1937 г., когда профессор Лондонской школы экономики Рональд Коуз в своей книге объяснил причины появления фирм [3]. Нобелевскую премию по экономике за это он получил только спустя 54 года, в 1991 г. В наиболее простом изложении идея Р. Коуза состоит в том, что внутри фирмы процессы взаимодействия идут сами собой, без особых договоренностей и заключения сделок.

Сначала (даже в год присуждения ученому Нобелевской премии) внимание исследователей было привлечено именно к обоснованию существования фирм и только в последние годы их стали интересоваться транзакционные издержки как особенность института собственности.

Оказалось, что обладатель собственности имеет ограниченные права, которые отягощены обязанностями. Кроме необходимости платить налоги, он вынужден нести транзакционные издержки при любом ее использовании.

Эта тема хорошо изложена в книге Л. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Почему одни страны бедные, а другие богатые» [4]. Авторы принципиально уходят от категории «сделка» (где время отсутствует), предпочитая ей более широкую — «транзакция» (которая совершается в течение некоторого времени, когда происходят какие-то события).

В истории нобелевских премий по экономике был относящийся к этой теме значимый эпизод: в 2016 г. профессор Гарвардского университета Оливер Харт (из Великобритании) и Бенгт Холмстрем, профессор Массачусетского технологического института (швед из Финляндии) получили награду за вклад в теорию контрактов. После этого появилось множество исследований и публикаций, в которых противопоставлялись сделки и контракты. К сожалению, тогда не сформировалась система новых категорий экономической теории, и ученые до сих пор используют в одном контексте термины, одни из которых относятся к описанию статики, а другие — динамики. Например, годовой прирост ВВП может трактоваться как показатель динамики или как некоторый результат сравнения двух мгновенных (статических) состояний — в начале и в конце года.

Лауреаты ввели в научный оборот значительное число категорий, относящихся к динамике, в том

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

числе — «институт», поскольку его неотъемлемое значение — «сложившаяся практика».

С этого момента экономическая теория стала стремиться к более адекватному отражению экономической реальности [5]. И в первую очередь это относится к новому пониманию рыночной экономики.

ИСЧЕЗНУВШАЯ «НЕВИДИМАЯ РУКА РЫНКА»

Само появление институциональной школы экономической теории объясняется тем, что нерегулируемый рынок не только способствует экономическому развитию, но и приводит к множеству нежелательных последствий.

Лауреаты полагают, что несправедливые привилегии для ограниченного круга экономических агентов и неравенство в доходах порождают именно неэффективное функционирование рыночных институтов [6], а вмешательство в их действия никогда не приводило к хорошим результатам. Ни одно общество, отмечают они, не достигло общего процветания, просто перераспределяя доходы от богатых к бедным. Впрочем, в России эта истина до сих пор подвергается сомнению.

В равной степени в нашей стране продолжает существовать миф о «невидимой руке рынка». Авторство данного термина незаслуженно приписывается Адаму Смиту, хотя он употребляет его всего два раза, приводя примеры, когда землевладелец отказывается от того, чтобы владеть всей землей и распределяет ее среди хозяев, и когда промышленник строит фабрику в Англии с тем, чтобы жить среди людей, имеющих возможность заработать, хотя мог бы построить ее в Индии, где зарплата ниже [7].

По представлениям Адама Смита, любой предприниматель «имеет в виду лишь свой собственный интерес и, осуществляя производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, преследует лишь собственную выгоду, причем, в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения» [8].

В данном случае имелась в виду «невидимая рука бога» (а вовсе не рынка), которая, скорее всего, сдерживала рыночника, корректировала его поведение и совсем не освобождала от каких-либо моральных принципов и убеждений.

Из этого, опять же, следует, что собственность не может быть вычленена из общей системы социальных институтов, поскольку все они так или иначе связаны с принятыми в обществе морально-этическими принципами.

Ни рынок, ни собственность не могли бы существовать, если бы действия экономических агентов были безупречными с морально-этической точки зрения. Это не означает, что отклонения не допускаются, но они никогда не считались и вряд ли будут считаться нормой или общепринятой практикой.

ЗАЩИТА СОБСТВЕННОСТИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Со времен Древнего Рима защита собственности относится к судебным процедурам. В России юридические нормы, касающиеся прав собственности, максимально (по сравнению с другими странами) приближены к нормам римского права.

В частности, согласно статье 301 Гражданского кодекса РФ² основным способом возврата своего имущества из чужого незаконного владения является судебный иск. То есть, как и в Древнем Риме, последнее слово — за судом. Таким образом, защита собственности издавна невозможна без множества социальных институтов, сформировавшихся вокруг судебной системы: адвокатов, присяжных, апелляций и пр.

В российском законодательстве отдельно предусмотрена защита прав владения, когда собственность не оформлена на хозяина юридически. Например, по закону, арендатор имеет право на защиту владения даже против воли собственника — это еще один пример того, что право собственности как таковое не может существовать вне системы социальных институтов.

«Защищенные права частной собственности являются центральным элементом потому, что только те, чьи права собственности защищены, будут готовы инвестировать и повышать производительность труда» [4, с. 105].

Таким образом, собственность не может выделяться из системы других институтов по той причине, что для ее нормального функционирования необходим другой институт — механизм защиты.

Длительное время бытовало мнение, что институты защиты касаются только частной собственности (индивидуальной или семейной). Но благодаря Нобелевскому лауреату 2009 г. Элинор Остром (1933–2012) мы

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

теперь знаем, что и общая собственность всегда имела институт защиты, который был довольно сложным [9].

Сама по себе частная собственность — экстративный институт, тогда как ее защита — институт инклюзивный, поскольку именно он стимулирует каждого увеличивать принадлежащую ему собственность, убеждая, что она будет защищена.

Включенность собственности в систему институтов защиты уже лишает ее исключительности и однородности — юридически защищенная, она принципиально отличается от той, обладание которой связано с высоким риском потери права на нее. Это еще одно свидетельство того, что нет единой категории «собственность»: она формируется путем искусственного объединения многих понятий и институтов, тем более, что ее смысл и содержание изменялись в ходе истории.

В исследованиях ученых о причинах падения Римской империи основное внимание уделяется военному аспекту: битвам, победам и поражениям. Но не меньшую роль сыграло то, что у варваров была более последовательная система институтов защиты собственности. В частности, в древнеримской юридической практике вполне можно было оспорить права добропорядочного приобретателя собственности, если имелись факты ее незаконного приобретения кем-то из предшественников. Данное обстоятельство предоставляло возможность для разного рода интриг.

По мнению многих специалистов, существенное значение для разрушения Римской империи имели также события вокруг права собственности, если рассматривать его в системе социальных институтов, а не в отрыве от них [10].

Собственность в Древнем Риме делилась на несколько видов: в частности, на квинтскую, принадлежащую гражданам Рима и иностранцам, получившим право торговли на его территории, и перегринскую, принадлежащую негражданам, которая была менее защищенной [11]. Таким образом, собственность изначально не являлась единым институтом, а была представлена совокупностью разных прав для различных категорий населения.

Несколько похожая дифференциация прав сохранилась до нашего времени. Так, в современной России более 90% банковской прибыли получают всего в двух городах: Москве и Санкт-Петербурге. Это означает, что бизнес в них имеет более широкие возможности доступа к финансовым ресурсам, чем в других. Поэтому коммерческая собственность в этих двух центрах существенным образом отличается от аналогичной в других местах.

Новоиспеченные лауреаты позволяют взглянуть на проблему дифференцированной собственности по-новому. Они отталкиваются от трудов лауреата Нобелевской премии по экономике 1993 г. Дугласа Норта (1920–2015) и вводят две категории имущественных прав: права собственности и контрактные права [12]. Они взаимно пересекаются, но отличаются тем, что в случае неадекватного (оппортунистического) поведения одной из сторон контрактные права восстанавливаются в частном порядке, а при нарушении прав собственности приходится использовать политические институты [13].

Таким образом, чем больше ограничений в стране накладывается на действия элит и политическую деятельность в целом, тем сильнее защищены в ней права собственности. А там, где низкая вероятность экспроприации собственности, выше темпы экономического роста и доля инвестиций, а также активнее работает фондовый рынок.

Одновременно в этих странах меньше развиты контрактные институты, ограничено их влияние на экономический рост и долю инвестиций [14].

ОГРАНИЧЕННАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ИНСТИТУТЫ

В экономической теории широко используется категория «ограниченная рациональность», предложенная Гербертом Саймоном, лауреатом Нобелевской премии по экономике 1978 г. Ее суть состоит в том, что человек (экономический агент) принимает решения в условиях дефицита времени и ресурсов, неполной информации, неспособности проработать все возможные варианты и предвидеть их последствия. Поэтому, как правило, решения принимаются не оптимальные, а удовлетворительные [15]. А если так, то неминуемо появление институтов, расширяющих границы рациональности в принятии экономических решений. Что же это за институты?

Прежде всего должно быть налажено информационное обеспечение, и следовательно, — заработать институт доступа к информации. Права граждан в этом отношении очень разнятся по странам: в большинстве из них обязателен неограниченный доступ к нормативным и законодательным документам, так как незнание законов существенно сужает границы рациональности в принятии ответственных решений.

Но есть страны (к которым относится и Россия), где за подобное взимают плату. Точно так же, например, снимки из космоса (очень необходимые для

принятия рациональных решений в сфере аграрного бизнеса и многих других) у NASA бесплатные, а у Роскосмоса — нет. В результате значительная часть российских предпринимателей испытывают сложности, если их бизнес так или иначе связан с территорией, и нет желания тратить на информацию.

Это же касается справочных баз нормативных документов и т.п.

СОБСТВЕННОСТЬ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА

Данное понятие почти весь XX в. было главным отличием двух социально-экономических систем. Если в экономике преобладает частная собственность на средства производства, то это — капиталистическая система, если государственная — социалистическая.

Однако, чтобы средства производства приносили прибыль, нужны еще и работники, которые приведут их в действие. До выхода работ нынешних лауреатов труд воспринимался (а большинством воспринимается и сейчас) как часть средств производства. Работник в экономической теории был лишен права самостоятельных действий, точно так же, как станок или автоматическая линия. Особенно «продвинулся» в этом направлении марксизм, согласно которому работник выносит на рынок труда свой товар — рабочую силу, т.е. способность выполнять некоторую работу. Одно связано с другим: если рабочая сила — это один из многих товаров, существующих на рынке, то определяющим является его цена, связанная с качеством.

Совсем по-иному выглядит та же ситуация, если ввести в теорию понятие «институт трудоустройства». Дарон Аджемоглу, рассматривая устройство на работу как один из социально-экономических институтов, предлагает включить в анализ понятие «хорошие рабочие места» — такие, которые характеризуются не только уровнем заработной платы, достойной среднего класса, но и привлекают претендентов условиями труда, стабильностью и гарантией невмешательства в их труд работодателя.

Успешное развитие экономики страны связано с достаточным наличием «хороших рабочих мест» [16], а при их нехватке формируется неравенство.

Рынок, по мнению Д. Аджемоглу, всегда ведет к дефициту «хороших рабочих мест», поскольку для этого, как правило, от компаний требуется больше значимых инвестиций и текущих затрат. Работодатель старается компенсировать непри-

влекательность рабочего места более высокой заработной платой, — зачастую это обходится дешевле.

«Хорошее рабочее место» приносит выгоды работнику, которые безразличны работодателю, заинтересованному в низкой оплате труда подчиненных и меньших первоначальных затратах. Этому противодействуют институты рынка труда, поддерживаемые научно-техническим прогрессом, благодаря которому возрастает доля «хороших рабочих мест».

Рынок в данном случае тормозит этот процесс — он не способен обеспечить ни уровень, ни направление научно-технических инноваций, а следовательно, и увеличение числа «хороших рабочих мест». Это еще один признак отсутствия «невидимой руки рынка», о которой говорилось выше.

Одновременно возникает еще один аспект: право собственности на средства производства ограничено необходимостью согласовывать ее использование с теми, кто не имеет к ней прямого отношения. Собственник выходит на рынок труда как продавец свободных рабочих мест, а будут ли они пользоваться спросом, от него не зависит. Он может лишь заранее побеспокоиться о том, чтобы они были высокого качества (условия труда, оплата, режим работы).

В целом в деятельности многих предпринимателей краткосрочный аспект преобладает над долгосрочным, а мотив личного обогащения доминирует над целями развития производства [17].

ТАЙНЫЕ СОБСТВЕННИКИ И ВЛАСТЬ

В интервью российской журналистке один из лауреатов Нобелевской премии 2024 г., Джеймс Робинсон, в частности, сказал: «Согласно нашей теории, как только политические институты становятся менее инклюзивными, с экономическими, как правило, происходит то же самое. И, конечно, мы видим это сейчас: например, растущая роль монополий, чему есть множество свидетельств. Знаете, когда миллиардеры с их совершенно безумными представлениями об экономике и о том, как все должно быть устроено, имеют огромное влияние на государственные власти, это скажется и на экономических институтах»³.

Во взаимосвязи политических институтов с экономическими кроется причина того, что собствен-

³ URL: <https://econs.online/articles/video/instituty-pod-ugrozoy-kak-rastushchee-neravenstvo-mozhet-izmenit-mir/>

ность, особенно крупная, становится анонимной. Частная собственность основное время своего существования базировалась на открытости, а в настоящее время довольно сложно определить владельцев большинства крупных капиталов мира. Может оказаться, что одно юридическое лицо обладает контрольным пакетом акций другого юридического лица, у которого есть дочерняя компания с другими собственниками, и среди них — собственники первого юридического лица и т.д.

Причина сокрытия реальных данных во многом состоит в том, что крупная собственность очень часто связана с властными структурами. Размытость и закрытость идентификации субъектов собственности тем выше, чем больше распространена коррупция. В особенности этот процесс заметен в странах, где переход к рыночной экономике произошёл относительно недавно.

Но и более мелкая собственность хорошо защищена только в том случае, если власти относятся к ее хозяину благосклонно. Приведем пример из отечественной практики. Статьями 235 и 239 Гражданского кодекса РФ⁴ и статьей 32 Жилищного кодекса РФ⁵ предусмотрена возможность изъятия земельного участка под жилым помещением для государственных или муниципальных нужд, если это необходимо государству. Собственник при этом имеет право на компенсацию, однако законодательно не установлены ни ее размер, ни степень крайней необходимости удовлетворения государственных или муниципальных нужд — это определяют лица, принимающие решения по каждому конкретному случаю.

Не только публичная открытость владельца делает собственность полностью легитимной — в противном случае сохраняются допущения, что она реально принадлежит кому-то другому. Наиболее распространенный способ сокрытия владельца — цепочка прав, когда собственником бизнеса является некоторое юридическое лицо, которым фактически владеет другое юридическое лицо и т.д., пока в конце не появляется реальный собственник.

Параллельно с указанной тенденцией существуют еще три связанных с этим процесса: усиливается государственный контроль над теми, кто не приближен к власти, усложняются механизмы этого контроля, и по-иному, чем ранее, воспринимается право собственности самими собственниками [18].

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Изначально право на изобретение относилось не к собственности как таковой: в русском языке применялось понятие «привилегия», означавшее монопольное право на использование данной инновации. Аналогичные термины были и в других языках [19].

Направления научно-технического прогресса определяются (как показано лауреатами на многих примерах) не свободным рынком, а приоритетами крупных компаний, уже добившихся успеха в данной технологической области.

При этом русскому читателю результаты лауреатов, касающиеся технических инноваций и изобретений, будут сложны для понимания: в его сознании патентная система существует для того, чтобы защищать права изобретателя и тем самым способствовать техническому творчеству и прогрессу.

Но патенты никогда не были частью изобретательского права, а являлись защитой для тех, кто внедряет изобретения, обеспечивая им временную монополию не для поощрения, а для развития инновационного производства.

В период становления патентной системы в Европе автор никогда не обращался в государственные органы с просьбой признания монопольных прав на изобретение; не всегда сообщалось и его имя. В случае зарубежных (ввозных) изобретений автор оказывался вообще непричастным к патентованию.

Система патентного права, по мнению Р.И. Капелюшникова, является «явно эксклюзивным институтом» [20], но это замечание справедливо только в случае признания неоспоримыми двух утверждений: «собственность имеет исключительное значение» и «рынок все уладит». Но оба они крайне сомнительны.

Что же касается современной России, то все было бы проще, если бы миф о патентовании как о защите прав изобретателя существовал только в головах заблуждающихся. Но в Гражданском кодексе РФ⁶ в статье 1345 указано, что исключительное право (а также право на получение патента и вознаграждение) принадлежит автору изобретения, а не тому, кто его внедряет.

Таким образом, миф о защите прав изобретателя из массового индивидуального заблуждения

⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/

⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

превращается в главный тормоз научно-технического прогресса: дело в том, что у изобретателя нет возможностей (в первую очередь финансовых) для внедрения своего изобретения.

Тем более, что изобретение в данном случае — собственность физического лица (что фактически заимствовано из авторского права), и это делает перспективы его внедрения еще более туманными. Длительное время в мире существовали только две страны, где право на изобретение предоставлялось только физическому лицу: СССР и США. Но в 2012 г. США скорректировали свое законодательство, включив в него право владения патентами для юридических лиц. В России же все осталось по-прежнему [21].

Подоплека такого подхода состоит в недекларируемом тезисе о том, что изобретатель может превратить свое право на изобретение в деньги, заработав на его продаже для последующего использования. Но этому мешают, по крайней мере, два обстоятельства: 1) на патентование и поддержание патента также нужны деньги, а они не всегда находятся; 2) предприятие или организация, которые могли бы выступить инвестором, на практике чаще всего не готовы вкладываться в приобретение у автора прав на изобретение, еще не проверенное на практике и не известное на рынке [22].

В статистике Евросоюза по инновациям из пяти групп показателей только одна касается интеллектуальной собственности, четыре других — это «драйверы инноваций» (численность выпускников технических вузов, уровень образованности молодежи, степень информатизации и т.п.), «генерация знаний» (расходы государства и бизнеса на науку и инновации), «инновационное предпринимательство» (доля малых компаний, занятых инновациями, объемы венчурного финансирования и т.п.), а также «внедрение» (объемы продаж инновационной продукции и др.) [23].

Таким образом, даже согласно европейской статистике, собственность на изобретения и прочие виды научно-технических инноваций связана с другими социальными институтами, и сама по себе мало что значит.

Если передача права на изобретения тем, кто не в состоянии их внедрить, нанесет ущерб развитию российской экономики в будущем, то передача государственной собственности (земли и предприятий) людям, не способным ее эффективно использовать, стала ударом по российской

экономике, последствия которого ощущаются в настоящее время.

Представления об исключительной роли собственности — показательно ошибочные, и тех, кто руководствовался ими, активно участвуя в приватизации, ждало разочарование: оказывается, за то, чтобы обретенная собственность приносила доход, нужно было бороться, прилагать трудовые усилия, к которым новые хозяева оказались совершенно не готовы.

Рассуждая о том, почему в одних странах — застой, а в других налицо научно-технический прогресс, лауреаты приходят к выводу, что для последнего необходима защита прав собственности широких слоев населения, а также равные возможности в получении доходов от своего бизнеса и защищенных патентами инноваций [24].

Именно этот вывод вызвал наибольшую критику, в том числе и у российских экономистов, которые даже позабыли о том, что принципиальная позиция лауреатов — в признании категории «собственность» не базовой, а лишь одной из многих, определяющих (согласно теории) экономическое развитие.

Наиболее резко нынешних лауреатов осуждали в препринте НИУ «Высшая школа экономики» за пять лет до присуждения им Нобелевской премии [20]. Эпитеты «методологическая узость», «концептуальная противоречивость» и «историческая неадекватность» заставляют вспомнить годы непримиримой идеологической борьбы с буржуазными фальсификаторами.

Однако обратимся к существу результатов, полученных лауреатами в ходе исследований по истории экономики при использовании предложенных ими категорий «экстрактивных» и «инклюзивных» институтов.

Они полагают, что революция 1688 г. в Англии впервые в мире сформировала преобладание в стране инклюзивных политических институтов, которые стимулировали инвестиции, инновации и торговлю. Государство «твердо защищало права собственности. Четко определяя права собственности на все активы, правительство способствовало быстрому развитию инфраструктуры. Эти нововведения запустили маховик экономического развития, которое проложило дорогу к промышленной революции» [4, с. 143].

Промышленную революцию в Англии XVIII в. ученые объясняют следующим образом. Великие географические открытия и, как результат, — подъем

мировой торговли — привели к совершенно разным последствиям в Англии и трех других торговых государствах (Испании, Португалии и Франции). В Англии к мировой торговле был допущен частный бизнес, который поднимался внутри страны после «Славной революции» 1688 г. на протяжении более чем 70 лет.

По этой причине богатства, полученные от торговли и грабежа, доставались частному бизнесу, тогда как в трех странах-конкурентах они концентрировались у монархов и ограниченного круга лиц, близких к власти. В одном случае они включались в хозяйственный оборот, в другом — лежали мертвым грузом и не способствовали развитию национальной экономики.

«Поскольку многие из членов парламента занимались торговлей и производством, в их интересах было обеспечить соблюдение прав собственности» [4, с. 262]. Отмечаются и другие последствия такого расхождения: разбогатев, английские купцы и землевладельцы сумели сформировать широкую коалицию, которая успешно противостояла королю и в конце концов победила. В интерпретации лауреатов «инклюзивные экономические институты поддерживают соответствующие политические институты и сами же, в свою очередь, опираются на них» [4, с. 567].

Для элиты инновации увеличивают опасность потери доходов (ренты). В ответ на это ее представители, приближенные к государственной власти, начинают спланировать свои ряды [4, с. 568], провоцируя военные конфликты и войны, что способствует научно-техническому прогрессу, функции которого в гражданской сфере свернулись из-за преобладания экстрактивных институтов.

Сплочение может произойти и по-другому, например, при наличии общей идеологии, партийной принадлежности, родственных связей и пр. — лауреаты впервые выделяют все это [4, с. 183], что во многом объясняется их трактовкой государства как агента, представленного правящей элитой.

В своей последней книге Д. Аджемоглу и С. Джонсон распространили данную трактовку на движущие силы научно-технического прогресса [25]. Не отрицая тот факт, что он служит основным драйвером процветания в экономике, они показывают на конкретных примерах, что передовые технологии формируются в соответствии с тем, чего хотят (и во что верят) только влиятельные люди в бизнесе или во власти. И вовсе не научно-технический прогресс как таковой изменяет мир, а выбор этих людей,

принимающих решения относительно инноваций. В этом, по мнению авторов книги, «иллюзия прогресса».

Так, выдающиеся для Средневековья технологии строительства соборов внедрялись при массовом голоде крестьян, а современные цифровые решения развиваются, когда миллионы людей живут в нищете.

И в связи с этим права на интеллектуальную собственность имеют какое-то значение, только если они «пересекаются» с выбранным направлением НТП. Новые технологии должны были бы создавать рабочие места с лучшими условиями труда, а не порождать одновременно роботов и безработных. Но этого пока не происходит.

ВЫВОДЫ

Дарон Аджемоглу, Джеймс Алан Робинсон и Саймон Джонсон подняли проблемы, которые максимально важны для развития каждой национальной экономики и экономики мира в целом. Можно по-разному относиться к их объяснениям, почему одни страны богатые, а другие — бедные: дискуссия по этому поводу началась давно и будет продолжаться. Но, думается, что все согласны с тем, как важно осознание проблем, анализ которых они предпринимают в своих трудах.

Представленные ими доказательства того, что собственность не является исключительным социальным институтом, определяющим развитие экономики, заставляют по-новому взглянуть на историю нашей страны. В 1990-х гг. считалось, что появление частного собственника, заинтересованного в результатах хозяйственной деятельности, даст мощный толчок подъему экономики. Но оказалось, что этого недостаточно, и необходимо введение других институтов, связанных с правами собственности, подобных тем, что были предусмотрены в Кодексе Наполеона относительно сельскохозяйственной земли: если она не обрабатывается в течение четырех лет, собственник теряет на нее право. Подобным образом и приватизируемые предприятия должны были переходить в частную собственность с условием: не можешь развивать производство — теряешь на него право.

Но сделать это не позволяло принятое тогда представление о том, что главное — смена собственности.

Дарон Аджемоглу, Алан Робинсон и Саймон Джонсон своими трудами показали, что это неправильно. К сожалению, слишком поздно для экономики нашей Родины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Веблен Т. Теория праздного класса. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1984. 183 с.
2. Ерзнкян Б. Компоненты институциональной динамики и ее характеристики. *Проблемы теории и практики управления*. 2016;(6):72–79.
3. Coase R.H. The nature of the firm. *Economica*. 1937;4(16):386–405. DOI: 10.1111/j.1468–0335.1937.tb00002.x
4. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. Пер. с англ. М.: АСТ; 2016. 692 с.
5. Coase R. The new institutional economics. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1984;140(1):229–231.
6. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. New York, NY: Crown Business; 2013. 544 p.
7. Воронов Ю.П. Нобелевские лауреаты по экономике. В 2-х т. Т. 1: XX век (1969–2000). М.: Инфра-М; 2022. 716 с.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Пер. с англ. М.: Эксмо; 2016. 1056 с.
9. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. Пер. с англ. М.: Мысль; 2011. 448 с.
10. Зайков А.В. Конструкция собственности в римском праве и проблема расщепления собственности. *Вестник Гуманитарного университета. Серия: Право*. 2000;(1):33–42.
11. Парыгин С.Н. Развитие гражданско-правового института защиты права собственности. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2014;(1):87–91.
12. Acemoglu D., Johnson S.H. Unbundling institutions. *Journal of Political Economy*. 2005;113(5):949–995. URL: https://www.ioea.eu/pdf/textes_2007/Acemoglu_Johnson_2005.pdf
13. Acemoglu D. Why not a political Coase theorem? Social conflict, commitment, and politics. *Journal of Comparative Economics*. 2003;31(4):620–652. DOI: 10.1016/j.jce.2003.09.003
14. Can R. Book review: Why nations fail by Daron Acemoglu and James A. Robinson. *Central Bank Review*. 2013;13(1):83–88. URL: https://www.researchgate.net/publication/34111131_WHY_NATIONS_FAIL_BY_DARON_ACEMOGLU_AND_JAMES_A_ROBINSON
15. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления. Пер. с англ. *THESIS*. 1993;(3):16–38. URL: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf
16. Acemoglu D. It's good jobs, stupid. Economists for Inclusive Prosperity. June 2019. URL: <https://econfp.org/wp-content/uploads/2019/06/Its-Good-Jobs-Stupid.pdf>
17. Нуреев Р.М. Власть-собственность в современной России. Актуальные вопросы и тенденции экономической науки. Мат. 2-го немецко-русского семинара (Франкфурт-на-Одере, 2010). URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/233.pdf>
18. Вольчик В.В. Поведенческая экономика и современные тенденции эволюции института собственности. *Terra Economicus*. 2010;8(2):71–78.
19. Mokyr J. Intellectual property rights, the Industrial Revolution, and the beginnings of modern economic growth. *American Economic Review*. 2009;99(2):349–355. DOI: 10.1257/aer.99.2.349
20. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Препринт WP3/2019/03. М.: Изд. дом ВШЭ; 2019. 84 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2019/04/22/1178838994/WP3_2019_03_____.pdf
21. Шумянкова Н.В. Институциональные формы процессов вовлечения в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности. *Инновации*. 2011;(7):77–81.
22. Комков Н.И., Иващенко Н.П. Институциональные проблемы освоения инноваций. *Проблемы прогнозирования*. 2009;(5):21–34.
23. Валиева О.В. Институциональная среда инноваций: теоретические и прикладные аспекты. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*. 2007;7(2):134–143.
24. Collier P. Why nations fail by Daron Acemoglu and James Robinson — review. *The Guardian*. 2012. URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/mar/11/why-nations-fail-acemoglu-robinson-review>
25. Acemoglu D., Johnson S. Power and progress: Our thousand-year struggle over technology and prosperity. New York, NY: PublicAffairs; 2023. 560 p.

REFERENCES

1. Veblen T. The theory of the leisure class: An economic study of institutions. London: Macmillan Co.; 1912. 256 p. (Russ. ed.: Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. Moscow: Progress; 1984. 183 p.).
2. Yerznkyan B. Components of institutional dynamics and its characteristics. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Theoretical and Practical Aspects of Management* t. 2016;(6):72–79. (In Russ.).
3. Coase R.H. The nature of the firm. *Economica*. 1937;4(16):386–405. DOI: 10.1111/j.1468–0335.1937.tb00002.x
4. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. New York, NY: Crown Business; 2013. 544 p. (Russ. ed.: Acemoglu D., Robinson J. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye: proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety. Moscow: AST; 2016. 692 p.).
5. Coase R. The new institutional economics. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1984;140(1):229–231.
6. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. New York, NY: Crown Business; 2013. 544 p.
7. Voronov Yu.P. Nobel laureates in economics. In 2 vols. Vol. 1: 20th century (1969–2000). Moscow: Infra-M; 2022. 716 p. (In Russ.).
8. Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London: Methuen & Co., Ltd.; 1904. 1152 p. (Russ. ed.: Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Moscow: Eksmo; 2016. 1056 p.).
9. Ostrom E. Governing the commons: The evolution of institutions for collective action. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 298 p. (Russ. ed.: Ostrom E. Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoi deyatel'nosti. Moscow: Mysl'; 2011. 448 p.).
10. Zaikov A.V. The construction of property in Roman law and the problem of property splitting. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2000;(1):33–42. (In Russ.).
11. Parygin S.N. Development of civil institution of property right protection. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*. 2014;(1):87–91. (In Russ.).
12. Acemoglu D., Johnson S.H. Unbundling institutions. *Journal of Political Economy*. 2005;113(5):949–995. URL: https://www.ioea.eu/pdf/textes_2007/Acemoglu_Johnson_2005.pdf
13. Acemoglu D. Why not a political Coase theorem? Social conflict, commitment, and politics. *Journal of Comparative Economics*. 2003;31(4):620–652. DOI: 10.1016/j.jce.2003.09.003
14. Can R. Book review: Why nations fail by Daron Acemoglu and James A. Robinson. *Central Bank Review*. 2013;13(1):83–88. URL: https://www.researchgate.net/publication/341111131_WHY_NATIONS_FAIL_BY_DARON_ACEMOGLU_AND_JAMES_A_ROBINSON
15. Simon H.A. Rationality as process and as product of thought. *American Economic Review*. 1978;68(2):1–16. URL: [https://josephmahoney.web.illinois.edu/BA504_Fall%202008/Session%208/Simon%20\(1978\).pdf](https://josephmahoney.web.illinois.edu/BA504_Fall%202008/Session%208/Simon%20(1978).pdf) (In Russ.: Simon H.A. Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya. *THESIS*. 1993;(3):16–38. URL: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf).
16. Acemoglu D. It's good jobs, stupid. Economists for Inclusive Prosperity. June 2019. URL: <https://econfp.org/wp-content/uploads/2019/06/Its-Good-Jobs-Stupid.pdf>
17. Nureyev R.M. Power-ownership in modern Russia. In: Actual issues and trends in economic science. Proc. 2nd German-Russian seminar (Frankfurt an der Oder, 2010). URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/233.pdf> (In Russ.).
18. Volchik V.V. Behavioral economics and contemporary tendencies in evolution of property institution. *Terra Economicus*. 2010;8(2):71–78. (In Russ.).
19. Mokyr J. Intellectual property rights, the Industrial Revolution, and the beginnings of modern economic growth. *American Economic Review*. 2009;99(2):349–355. DOI: 10.1257/aer.99.2.349
20. Kapelyushnikov R.I. Contra paninstitutionalism. Preprint WP3/2019/03. Moscow: HSE Publ.; 2019. 84 p. URL: https://wp.hse.ru/data/2019/04/22/1178838994/WP3_2019_03_.pdf (In Russ.).
21. Shumyankova N.V. Institutional form of processes involving the results of scientific-and-engineering activities in the economic turnover. *Innovatsii = Innovations*. 2011;(7):77–81. (In Russ.).
22. Komkov N.I., Ivashchenko N.P. Institutional problems of introducing innovations. *Studies on Russian Economic Development*. 2009;20(5):472–481. DOI: 10.1134/S 1075700709050025 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya* 2009;(5):21–34.).

23. Valieva O.V. Institutional environment of innovation: Theoretical and practical aspects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* = *Vestnik NSU. Series: Social and Economic Sciences*. 2007;7(2):134–143. (In Russ.).
24. Collier P. Why nations fail by Daron Acemoglu and James Robinson — review. *The Guardian*. 2012. URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/mar/11/why-nations-fail-acemoglu-robinson-review>
25. Acemoglu D., Johnson S. *Power and progress: Our thousand-year struggle over technology and prosperity*. New York, NY: PublicAffairs; 2023. 560 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юрий Петрович Воронов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация

Yuri P. Voronov — Cand. Sci. (Econ.), leading researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7835-5827>

yura.voronov.42@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 27.12.2024; после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.12.2024; revised on 15.01.2025 and accepted for publication on 10.03.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-126-133
 УДК 336.645.1:004.738.5(045)
 JEL G24, G11, G15, G24, G34

Цифровые инновационные экосистемы и их роль в финансировании инноваций в России

Н.В. Остриков^а, С.Ю. Перцева^б

^{а,б}МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация;

^аПлатформа Инносфера, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель. В статье рассматривается роль цифровых инновационных экосистем как ключевого фактора в развитии современной системы финансирования инноваций в России. **Методы.** Исследование проводилось при помощи анализа источников литературы и сравнительного анализа. **Результаты.** Авторами проведен комплексный анализ международного и отечественного опыта создания и функционирования инновационных кластеров типа «кремниевых долин», а также исследованы современные цифровые платформы для эффективного взаимодействия инвесторов и инновационных проектов. На основе системного подхода выявлены особенности и ограничения существующих инструментов финансирования инноваций, обоснована необходимость внедрения альтернативных механизмов привлечения частного капитала в инновационную сферу. Предложены практические рекомендации по развитию российских цифровых инновационных экосистем. **Научная новизна.** В исследовании применен комплексный подход к изучению роли цифровых инновационных экосистем в финансировании инноваций в России, включая использование опыта международных «инновационных долин» и современных цифровых платформ для привлечения инвестиций. **Практическая значимость.** Представленные результаты могут быть использованы при разработке государственной политики в области инновационного развития и цифровой трансформации экономики.

Ключевые слова: цифровые инновационные экосистемы; финансирование инноваций; инновационные кластеры; венчурные инвестиции; цифровые платформы; SAFE; стартапы; инновационная деятельность; частный капитал; технологическое развитие

Для цитирования: Остриков Н.В., Перцева С.Ю. Цифровые инновационные экосистемы и их роль в финансировании инноваций в России. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):126-133. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-126-133

ORIGINAL PAPER

Digital Innovation Ecosystems and Their Role in Financing Innovations in Russia

N.V. Ostrikov^а, S.Yu. Pertseva^б

^{а,б}MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russian Federation;

^аInnosfera Platform, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Objective. This article explores the role of digital innovation ecosystems as a key driver in the development of Russia's contemporary innovation financing system. **Methods.** The study is based on a review of relevant literature and comparative analysis. **Results.** The authors present a comprehensive analysis of both international and domestic experiences in the creation and operation of innovation clusters modeled on the "Silicon Valley" framework. The study also examines modern digital platforms that facilitate effective interaction between investors and innovative projects. Employing a systems-based approach, the paper identifies the characteristics and limitations of current innovation financing instruments and substantiates the need for alternative mechanisms to attract private capital to the innovation sector. The authors propose practical recommendations for fostering the development of Russia's digital innovation ecosystems. **Scientific novelty.** The research introduces an integrated approach to studying the role of digital innovation ecosystems in financing innovation in Russia. It incorporates insights from international "innovation valley" models and leverages the potential of modern digital platforms for investment attraction. **Practical significance.** The findings of this study can inform the design of national policy initiatives aimed at promoting innovation-led development and digital transformation of the economy.

© Остриков Н.В., Перцева С.Ю., 2025

Keywords: digital innovation ecosystems; innovation financing; innovation clusters; venture investments; digital platforms; SAFE; startups; innovation activities; private capital; technological development

For citation: Ostrikov N.V., Pertseva S.Yu. Digital innovation ecosystems and their role in financing innovations in Russia. *The World of the New Economy*. 2025;19(2):126-133. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-126-133

ВВЕДЕНИЕ

Экономика любой страны нуждается в инновационном развитии, так как именно благодаря ему возможно создание новых продуктов, форм производства, а также способов организации производственных, управленческих, маркетинговых процессов [1]. В странах с наиболее развитой экономикой знаний ее доля в ВВП может достигать 30–40%, при этом в России она составляет около 14% [2]. Исследования демонстрируют, что российский бизнес крайне слабо вовлечен во внедрение новых технологий и практик, и, согласно данным фонда Generation S, менее 12% российских компаний являются инновационно активными¹.

Развитие экономики знаний предполагает инвестиции со стороны бизнеса либо государства, которые при этом сопряжены с высоким риском. Как показывает практика, бизнес в России мало заинтересован в инвестициях в научные исследования и разработки. В частности, по данным НИУ ВШЭ, в общей структуре средств, которые используются для инноваций, доля государства составляет около 60%, 14% — собственные средства организаций², остальное — инвестиции от сторонних источников (фондов, частных организаций, компаний). Такая ситуация приводит к отсутствию стимула для развития инновационных проектов и не способствует конкуренции, следствием чего является отставание в некоторых отраслях производства.

Само по себе решение использовать государственные средства является логичным, особенно при очень высоких рисках на начальной стадии. Так, например, в свое время был реализован прорывной для российской науки и производства проект создания ядерного оружия. Тогда у России не было достаточных компетенций, и в кратчайшие сроки были созданы научно-исследовательские и производственные предприятия, в том числе и знаменитый Курчатовский институт.

И хотя государственный капитал зачастую дает старт подобного рода проектам (как это было практически со всеми крупнейшими инновационными кластерами), дальнейшее его использование сопряжено с организационными, юридическими и другого рода преградами. Направления его применения утверждаются на самом высоком уровне и не могут быстро меняться, как в случае с частным капиталом. Примечательно, что с 2020 г. в России не появилось ни одной новой компании-единорога³. Именно поэтому перед нашей страной стоит задача налаживания системы взаимодействия частного бизнеса, научно-исследовательских организаций и государства, предназначенной для создания и коммерциализации инновационных разработок.

При этом возникают вопросы: какого рода должна быть подобная система? каковы источники финансирования? и пр. А.Г. Аганбегян предлагает перенимать опыт создания «кремниевых долин» по всему миру [3]. В России есть собственный опыт подобных проектов, но, по мнению ученого, масштабы их финансирования не сравнимы с зарубежными. Кроме того, как уже было отмечено выше, государственный капитал не может быть быстро увеличен под нужды развивающихся стартапов или технологических решений.

Другие российские исследователи также не предлагают конкретного механизма финансирования инноваций. Так, Л.М. Гохберг подтверждает невозможность бесконечного использования государственного капитала, но не указывает, что именно необходимо применять, и отмечает, что сама природа инноваций выходит на другой уровень⁴. Благодаря развитию цифровизации инновационный процесс становится децентрализованным, поэтому разработка новой технологии может вестись учеными, которым не обязательно находиться в одном городе и в одной научной организации.

Таким образом, перед нами стоит задача предложить финансовый механизм для цифровой системы, объединяющей разработчиков инноваций, научно-исследовательские организации и частный бизнес.

¹ URL: <https://generation-startup.ru/upload/iblock/9cf/9ym25asu3p3jq9yp159w26ke91xzhwps/>

² URL: <https://portal.inno.msk.ru/uploads/agency-sites/analytics/research/9d954d6f8775e5361279fd1dbd1382999c5d.pdf/>

³ Компания-стартап, получившая рыночную оценку стоимости в размере свыше 1 млрд долл.

⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nDBufBrO788>

РЕЗУЛЬТАТЫ. ОПЫТ «КРЕМНИЕВЫХ ДОЛИН»

Своего рода золотым стандартом в области развития инновационной экосистемы страны стали «кремниевые долины» — зоны для концентрации и размещения инновационных компаний. Данный термин произошел от названия знаменитого Стэнфордского технологического парка в Калифорнии. Подобные центры выполняют роль хаба для венчурных инвестиций в инновационные проекты и компании.

В России существует опыт организации подобных проектов. Первым из них стал инновационный центр «Сколково». Можно также выделить казанский Иннополис и строящийся технологический парк МГУ. Но, хотя в России строительство таких центров ведется с 2010 г., они не стали финансово и экономически успешными, как зарубежные. В частности, А. Г. Аганбегян приводит в пример шанхайскую зону свободной торговли, где оборот всех компаний составляет около 200 млрд долл., и центр в Бангалоре — там компании-единороги по своей капитализации не уступают подобным, расположенным в Нью-Дели.

И хотя такие проекты на начальном этапе развивались с участием государственного капитала, в определенный момент основным источником стали инвестиции со стороны частного бизнеса, чего в нашей стране не происходит.

В целом, практически все российские исследователи главным способом привлечения финансового потока инвестиций в новые технологии называют создание либо стартап-студий, либо специализированных венчурных фондов [4–6]. Остаются открытыми вопросы: какие инструменты необходимо использовать, чтобы повысить интерес частного бизнеса к инвестированию? нужно ли создавать новые «кремниевые долины» для формирования экосистемы для инноваций на новых финансовых принципах?

А. Г. Аганбегян отмечает, что российские «кремниевые долины» должны быть основаны на базе крупнейших институтов и университетов, так как любая инновация начинается с интеллектуального труда. Но, как отмечалось выше, инновационный процесс переживает трансформацию на основе цифровизации, поэтому создание новых специализированных зон инноваций возможно, но не является обязательным условием, так как требует больших первоначальных затрат на обустройство технопарков и офисных зданий. Этого можно из-

бежать, создав цифровые инновационные экосистемы, которые позволят объединять участников вне зависимости от таких факторов, как, например, географическое расположение.

ЦИФРОВЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ

С массовым развитием цифровизации в мире стали появляться цифровые платформы, объединяющие инновационные стартапы и инвесторов. Самой известной из них на данный момент является Crunchbase, содержащая информацию о более чем 3-х млн инновационных компаний по всему миру на разной стадии развития и 287 тыс. инвесторов [7]. Изначально данный проект был собственным ресурсом информационной компании TechCrunch, но к 2014 г. он стал быстро развиваться и превратился в основную платформу для поиска взаимодействия инвесторов и стартапов.

В России первая из подобных — база стартапов фонда «Сколково». Созданная для отображения резидентов инновационного кластера, затем она начала регистрировать инновационные компании по всей России. Сейчас, по данным с сайта организации, в экосистеме зарегистрированы 4507 компаний и 4720 технологических проектов⁵.

Другой пример — платформа SberUnity корпорации «Сбер», изначально основанная именно как цифровая и направленная на взаимодействие со стартапами не ниже уровня Round A. Стадии проведения НИОКР группой ученых на платформе не предусмотрены, а к регистрации допускаются только юридические лица. Сейчас на ней в качестве инвесторов зарегистрированы 94 крупные российские корпорации, и, кроме того, стартапы и технологические компании в количестве 5261 — в основном в сфере IT и FinTech⁶.

Свою платформу создал и фонд «Иннопрактика», который тоже развивает проект вышеописанного технологического кластера МГУ — Национальная ассоциация трансфера технологий (НАТТ). Там также создана цифровая экосистема, нацеленная на поддержку инновационных инициатив по всей России. В отличие от SberUnity, НАТТ ориентирована на регистрацию технологических идей на любой стадии, — она первая ввела такую функцию. В настоящий момент на платформе зарегистриро-

⁵ URL: <https://sk.ru/>

⁶ URL: <https://sberunity.ru>

ваны 427 авторов технологий (включая институты, университеты и исследовательские организации)⁷.

Кроме того, следует отметить, что при поддержке торгово-промышленной палаты РФ развивается проект «Инносфера».

Таким образом, цифровые платформы активно проникают во все экономические отрасли и находятся на пути к полному переводу практически всех аспектов экономической деятельности в цифровой вид. Для инновационного процесса они могут предоставить наиболее полную информацию о рынке, объединении и стандартизации условий соглашений между инвестором и автором, контроль за соблюдением всех правил и т.д. Учитывая все преимущества цифровых платформ, современные авторы кратко указывают, что они позволяют децентрализованно создавать продукт и при этом централизованно извлекать из него выгоду [8]. Без них практически невозможна реализация концепции «открытых инноваций», которая в России остается слабо распространенной. Так, по данным исследования Generations S, среди крупнейших инновационно активных компаний России около 60% акселерационных программ осуществлялись ими самостоятельно, что говорит о том, что компании либо используют собственные инновации, либо проводят акселерации уже сформировавшихся на рынке решений (но не идей).

Самостоятельный поиск новых решений, начиная от стадии идеи и патента, даже для очень крупной компании практически невозможен, так как для этого требуется большой и затратный инновационный отдел. Поэтому зачастую такие задачи передаются цифровым платформам вроде вышеупомянутой Crunchbase, а иногда привлекаются дополнительные скаутинговые организации. Совершенно другая ситуация — у зарубежных компаний. Capgemini Institute провел исследование, опросив около 1000 крупных компаний по всему миру: 75% однозначно подчеркивают, что без использования открытых инноваций практически невозможно обеспечить своевременное внедрение новейших технологий⁸.

Резюмируя, отметим, что на данный момент российские цифровые инновационные платформы не могут сравниться с зарубежными аналогами по

объему проходящего через них финансирования и количеству участников. Это связано с тем, что российские экосистемы включают в себя те же самые способы финансирования с доминированием государственного капитала и основными участниками в виде государственных корпораций. Для изменений в данной сфере необходимо использовать другие схемы в рамках цифровой платформы.

ИНСТРУМЕНТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ

В научной литературе инструменты финансирования подразделяются на возвратные и невозвратные. К первым относятся инвестиции различных видов с участием инвестора в капитале компании или проекта, а также субсидии и дотации без подобного участия.

Вторые наиболее часто используются государственными органами и агентствами, реализующими государственную политику в области инноваций. В целом, авторы инновационных разработок и стартапы нуждаются преимущественно в невозвратных инвестициях, которые включают в себя присутствие в компании в качестве учредителя либо прямое участие в прибыли через проектные соглашения и другие способы. Кредитное финансирование также имеет место — оно рассматривалось многими авторами [9–11].

В нашей стране уже есть опыт внедрения специализированных кредитов для инновационных компаний. В частности, корпорация МСП в 2020 г. впервые выдала кредит под залог интеллектуальной собственности для стартапов на ранней стадии развития⁹. С тех пор крупнейшие банки России открыли подобные программы.

Однако такой способ финансирования не получил широкого распространения в инновационной среде: данные статистического сборника «Индикаторы инновационной деятельности» (см. рисунок) за 2024 г. говорят о его слабой распространенности.

Как следует из рисунка, отраслями, где кредитное финансирование инноваций имеет высокий вес, являются «водоснабжение и утилизация отходов», а также «сельское хозяйство»: во всех остальных оно не существенное, и даже в высокотехнологичном обрабатывающем производстве его доля не превышает 2,4%. Из всего этого можно

⁷ URL: <https://digital-natt.ru/>

⁸ URL: https://prod.ucwe.capgemini.com/wp-content/uploads/2023/05/CRI_Open-innovation_Report_Final-Draft_12062023_Web-File.pdf

⁹ URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2020/09/03/838788-pervii-kredit>

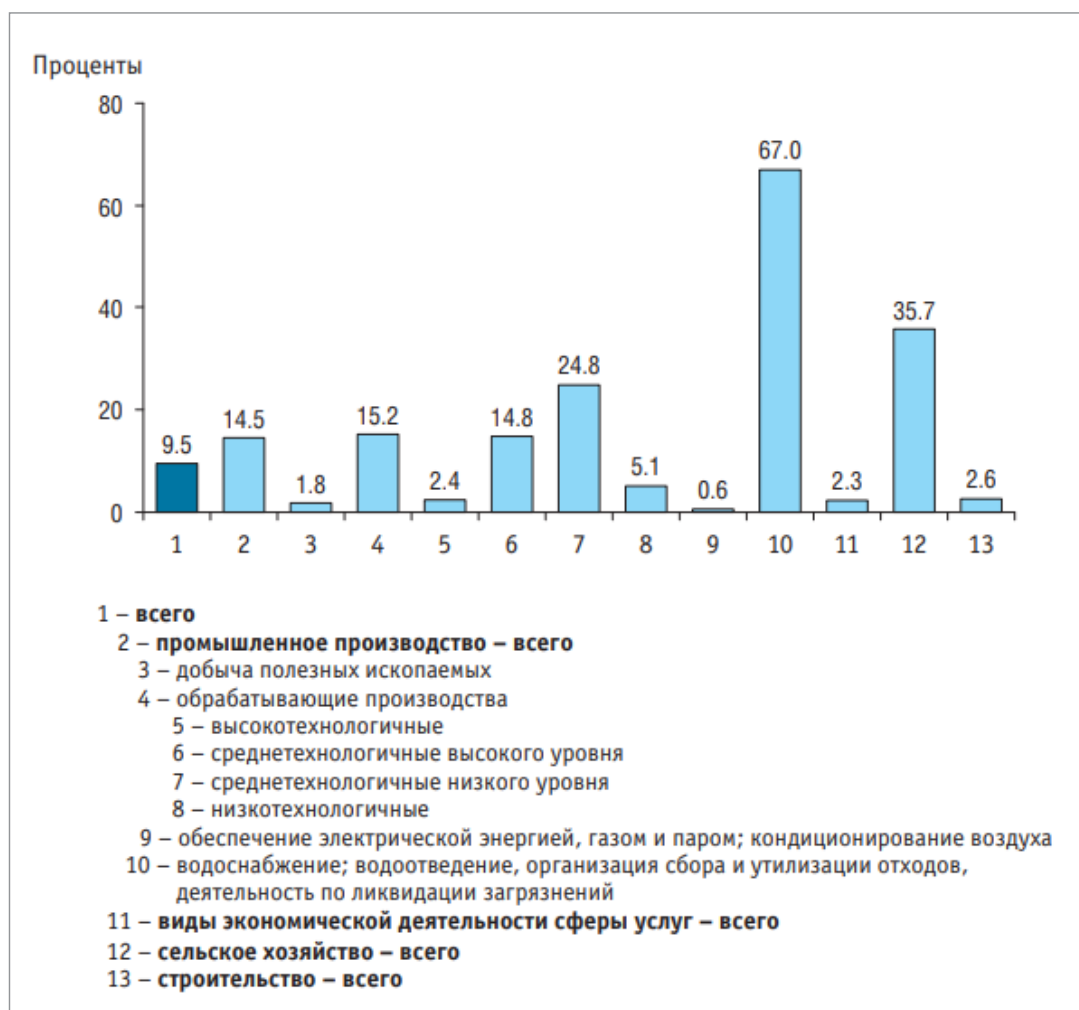

Рис./ Fig. **Удельный вес кредитов и займов в финансировании инновационной деятельности / The share of loans and borrowings in financing innovation activities**

Источник / Source: URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/907284710.pdf>

сделать вывод, что подобные проекты не получили большого распространения в России. Наиболее вероятная причина этого — высокие риски при инвестициях в высокотехнологичные проекты, особенно на ранних стадиях. Вместо кредитного финансирования целесообразнее использовать некредитное.

На практике это означает создание новой компании-стартапа и привлечение финансирования либо в форме долей, либо — покупки акций. Однако нужно отметить, что большое количество проектов в области высоких технологий (особенно в промышленности) не могут быть реализованы путем создания новых компаний ввиду того, что запуск любого крупномасштабного производства возможен только достаточно крупной корпорацией, которая контролирует значительную часть рынка.

Молодым стартапам, даже если они фокусируются на одной небольшой части производственного процесса, конкурировать практически невозможно.

Для запуска подобных проектов требуются как минимум испытания в рамках пилотных производственных линий, что могут себе позволить только уже существующие на рынке крупные корпорации, незаинтересованные в росте малых инновационных компаний, а предпочитающие приобретать все технологии на ранней стадии путем прямой покупки патента или нанимая авторов в качестве сотрудников. Поэтому использование прямых инвестиций в капитал компании в области промышленных инноваций редко представляется возможным.

В то же время сам процесс патентования — непростая задача, предполагающая для автора рас-

ходы на сопровождение и время на включение в реестр. Найм авторов предпочтительнее в плане условий, но интеллектуальное право на созданные компанией продукты, как правило, принадлежит ей, а не авторам. Именно по этой причине требуются альтернативные подходы: так, в 2013 г. один из крупнейших венчурных фондов — YCombinator — предложил для компаний инструмент финансирования под названием SAFE (Simple Agreement for Future Equity)¹⁰ — вложение средств на той стадии, когда есть только идея и команда авторов. Для этого заключается соглашение, в рамках которого инвестиции в случае успеха компании трансформируются в ее реальный капитал в будущем.

Данный инструмент получил распространение в США, и при этом фонд YCombinator применяет его для всех возникающих стартапов. Однако с накоплением статистики применения SAFE стала более очевидной специфика его применения и то, как это отражается на интересах инвестора и реципиента. Ведь изначально он предназначался для IT-сферы, чья особенность состоит именно в создании стартапов как малых инновационных компаний. Между тем, это может привести к тому, что в случае неудачи стартапа либо перехода команды авторов в другой проект инвестор останется без собственных вложений, и другим трудностям [12]. Тем не менее концепция пользуется спросом, и существуют научные работы касательно применения SAFE в других странах [13, 14]. Он также применяется в рамках цифровых блокчейн-платформ в виде смарт-контрактов [15].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что концепция в целом является хорошим вариантом для привлечения инвестиций на ранних стадиях разработки проектов, и ее можно адаптировать под разные задачи, увеличивая безопасность и соблюдая интересы инвесторов.

¹⁰ URL: <https://www.ycombinator.com/documents>

ВЫВОДЫ

Для формирования развитой инновационной экосистемы в экономике нужен свободный рынок инвестиций и конкуренция между идеями и разработками. Как показывает опыт 2000-х гг., экосистема инноваций не появляется сама по себе и требует инициативы либо со стороны государства, либо — крупного частного бизнеса. В разных странах это привело к созданию проектов «кремниевых долин» — кластеров, где сосредоточены инновационные компании, имеющие преференции для своего развития. Российские аналогичные проекты, в отличие от зарубежных, продолжают использовать ограниченный государственный капитал и не могут сравниться с зарубежными в плане роста и финансирования.

Однако в настоящий момент, с массовым развитием цифровизации, инновационные экосистемы также переходят в цифровой формат, что дает возможность осуществлять распределенное и гибкое финансирование непосредственно команды разработчиков в процессе создания новой технологии, а также привлекать частный капитал.

В заключение можно подытожить, что российским цифровым инновационным экосистемам необходимо:

- наличие цифровой платформы, объединяющей российские компании (или интеграция с аналогичными);
- использование прямых инвестиций для группы авторов технологий с распределением прав на будущую прибыль с инвестором (на основе инструмента SAFE);
- последовательное накопление практики применения нового инструмента финансирования и формирование правил платформы.

Таким образом, цифровые инновационные экосистемы с помощью высокотехнологичных отраслей могут стать центрами создания добавленной стоимости и тем самым обеспечить конкурентоспособность российской экономики на международном рынке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аганбегян А.Г. Перспективы инновационного развития России (Часть II). *Российское конкурентное право и экономика*. 2023;(2):16-27. DOI: 10.47361/2542-0259-2023-2-34-16-27
2. Okrepilov V.V., Glukhov V.V., Gorin E.A. Improving the quality of education — a strategic framework for sustainable development. In: Kovalev I.V., Voroshilova A.A., Budagov A.S., eds. *Economic and social trends for sustainability of modern society (ICEST-II 2021)*. London: European Publisher Ltd; 2021:2099-2105. (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 116). DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.236
3. Аганбегян А.Г. «Кремниевые долины» — зоны инноваций в США, Китае, ЕС, России и других странах. *Экономика науки*. 2023;9(2):8-19. DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-2-8-19

4. Гельруд Я.Д., Цуй Цзянань. Исследование эффективности венчурного механизма финансирования инноваций. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2022;16(3):134-143. DOI: 10.14529/em220315
5. Кривогузова А.С., Васютенко Д.М. Роль венчурного капитала в финансировании инноваций в Российской Федерации. *Наукофера*. 2022;(12-1):457-461.
6. Езангина И.А., Маловичко А.Е., Хрысева А.А. Инновационная экосистема как новая форма организационной целостности и механизм финансирования и воспроизводства инноваций. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(3):17-32. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-3-17-32
7. Davis G.F., Marcus A. The rise of the corporation in the digital age: Crunchbase and the reorganization of entrepreneurial finance. *Administrative Science Quarterly*. 2021;66(3):635-671.
8. Gawer A. Digital platforms and ecosystems: Remarks on the dominant organizational forms of the digital age. *Innovation: Organization & Management*. 2022;24(1):110-124. DOI: 10.1080/14479338.2021.1965888
9. Морозко Н.И., Морозко Н.И. Развитие долгосрочного финансирования инновационных малых компаний. *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2022;(3):167-176. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-3-167-176
10. Панченко А.М., Аджиева А.Ю. Развитие конкурентного кредитного рынка как фактора инновационного развития экономики. *Modern Science*. 2020;(11-3):160-165.
11. Казанцева Н.В., Сергеева К.Н. Проблемы финансирования инновационных проектов малого и среднего предпринимательства. *Вестник евразийской науки*. 2022;14(3):50.
12. Van der Meyden R., Maher M.J. Simple agreements for future equity — not so simple? 2023. URL: <https://cgi.cse.unsw.edu.au/~meyden/research/SAFEss.pdf>
13. Monroe-Sheridan A.R. Convertible equity in the Japanese startup ecosystem. *University of Pennsylvania Asian Law Review*. 2023;18(2):195-221. URL: <https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1093&context=alr>
14. Алексеева С.А. Договор SAFE как альтернатива договору конвертируемого займа: опыт зарубежных стран. *Нотариус*. 2023;(2):57-60. DOI: 10.18572/1813-1204-2023-2-57-60
15. Van der Meyden R., Maher M.J. Smart (legal) contracts: A case study using simple agreements for future equity. 2022. URL: <https://cgi.cse.unsw.edu.au/~meyden/research/SAFEoverview.pdf>

REFERENCES

1. Aganbegyan A.G. Prospects for innovative development of Russia (Part II). *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika = Russian Competition Law and Economy*. 2023;(2):16-27. (In Russ.). DOI: 10.47361/2542-0259-2023-2-34-16-27
2. Okrepilov V.V., Glukhov V.V., Gorin E.A. Improving the quality of education — a strategic framework for sustainable development. In: Kovalev I.V., Voroshilova A.A., Budagov A.S., eds. *Economic and social trends for sustainability of modern society (ICEST-II 2021)*. London: European Publisher Ltd; 2021:2099-2105. (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 116). DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.236
3. Aganbegyan A.G. "Silicon Valleys" — innovation zones in the USA, China, EU, Russia, and other countries. *Ekonomika nauki = The Economics of Science*. 2023;9(2):8-19. (In Russ.). DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-2-8-19
4. Gelrud Ya.D., Cui Jianan. Studying the effectiveness of the venture capital mechanism for innovations financing. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment = Bulletin of South Ural State University. Series: Economics and Management*. 2022;16(3):134-143. (In Russ.). DOI: 10.14529/em220315
5. Krivoguzova A.S., Vasyutenko D.M. The role of venture capital in financing innovation in the Russian Federation. *Naukosfera*. 2022;(12-1):457-461. (In Russ.).
6. Ezangina I.A., Malovichko A.E., Khryseva A.A. Innovation ecosystem as a new form of organizational integrity and a mechanism for financing and reproducing innovations. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(3):17-32. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-3-17-32
7. Davis G.F., Marcus A. The rise of the corporation in the digital age: Crunchbase and the reorganization of entrepreneurial finance. *Administrative Science Quarterly*. 2021;66(3):635-671.

8. Gawer A. Digital platforms and ecosystems: Remarks on the dominant organizational forms of the digital age. *Innovation: Organization & Management*. 2022;24(1):110-124. DOI: 10.1080/14479338.2021.1965888
9. Morozko N.I., Morozko N.I. Development of long-term financing of innovative small companies. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2022;(3):167-176. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2022-3-167-176
10. Panchenko A.M., Adzhieva A. Yu. Development of a competitive credit market as a factor in innovative development of the economy. *Modern Science*. 2020;(11-3):160-165. (In Russ.).
11. Kazantseva N.V., Sergeeva K.N. Funding problem of innovative projects of small and medium enterprises. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2022;14(3):50. (In Russ.).
12. Van der Meyden R., Maher M.J. Simple agreements for future equity — not so simple? 2023. URL: <https://cgi.cse.unsw.edu.au/~meyden/research/SAFEss.pdf>
13. Monroe-Sheridan A.R. Convertible equity in the Japanese startup ecosystem. *University of Pennsylvania Asian Law Review*. 2023;18(2):195-221. URL: <https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1093&context=alr>
14. Alekseeva S.A. A SAFE agreement as an alternative to a convertible loan agreement: Experience of foreign countries. *Notarius = Notary*. 2023;(2):57-60. (In Russ.). DOI: 10.18572/1813-1204-2023-2-57-60
15. Van der Meyden R., Maher M.J. Smart (legal) contracts: A case study using simple agreements for future equity. 2022. URL: <https://cgi.cse.unsw.edu.au/~meyden/research/SAFEoverview.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Никита Валерьевич Остриков — руководитель направления технологического скаутинга, Платформа Инносфера, Москва, Российская Федерация; аспирант, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация
Nikita V. Ostrikov — Head of Technology Scouting, Innosfera Platform, Moscow, Russian Federation; Postgraduate Student, MGIMO MFA, Moscow, Russian Federation
<http://orcid.org/0009-0008-2748-2149>
 Corresponding author / Corresponding author:
Nikitaostrikov@gmail.com

Светлана Юрьевна Перцева — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных финансов, МГИМО МИД России, Москва, Россия
Svetlana Yu. Pertseva — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of International Finance, MGIMO MFA, Moscow, Russian Federation
<http://orcid.org/0000-0002-1041-9150>
sup.05@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.12.2024; после рецензирования 29.01.2025; принята к публикации 20.02.2025.
 Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
 The article was received on 24.12.2024; revised on 29.01.2025 and accepted for publication on 20.02.2025.
 The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-134-148
 УДК 336.7(045)
 JEL E52, E58

Основные тенденции и перспективы платформенной экономики в Российской Федерации

С.Н. Рябухин^а, И.А. Кокорев^б, А.А. Сафронова^с, О.Д. Покровская^д, Н.М. Фоменко^е

^{а,б,с,е} Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация;

^а Федеральное Собрание Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

^б Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Российская Федерация;

^с Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация;

^д Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, Санкт-Петербург, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. В статье обоснованы институциональные, административно-управленческие, организационно-экономические предложения, направленные на развитие платформенной экономики Российской Федерации, в частности: формирование перечня системно значимых операторов платформенной экономики, в отношении которых действует специальный режим госрегулирования, касающийся предоставления различных экономических преференций в виде мер господдержки; создание единых подходов государственного регулирования цифровых экономических процессов, единых условий трансграничного оборота товаров, услуг, капитала в рамках международных организаций с участием России (ШОС, ЕАЭС). **Цель.** Расчет динамики совокупной капитализации основных операторов платформенной экономики РФ за период 2022–2024 гг., проведение сравнительного анализа темпов роста ее капитализации и ВВП, выявление основных тенденций и социально-экономических эффектов, формируемых платформенной экономикой на современном этапе. **Методы.** Авторы применяют интеграцию синтеза, анализа, дедукции и пр., а также используют эконометрический инструментарий. **Выводы.** Один из основных выводов состоит в том, что внедрение цифровых активов в широкое обращение позволяет преодолеть актуальные проблемы российской международной и внутренней логистики.

Ключевые слова: платформенная экономика; регулирование; управление; развитие; конкуренция; факторы; социально-экономические эффекты

Для цитирования: Рябухин С.Н., Кокорев И.А., Сафронова А.А., Покровская О.Д., Фоменко Н.М. Основные тенденции и перспективы платформенной экономики в Российской Федерации. *Мир новой экономики*. 2025;19(2):134-148. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-134-148

ORIGINAL PAPER

The Main Trends and Prospects of the Platform Economy in the Russian Federation

S.N. Ryabukhin^a, I.A. Kokorev^b, A.A. Safronova^c, O.D. Pokrovskaya^d, N.M. Fomenko^e

^{a,b,c,e} Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation;

^a Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

^b Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russian Federation;

^c Russian State Social University, Moscow, Russian Federation;

^d St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance of information. The given article substantiates institutional, administrative and managerial, organizational and economical concepts aimed to develop platform economy of the Russian Federation. Such concepts specifically include the formation of a list of systemically significant operators in the platform economy with an established special status for state regulatory regime to provide them different state support of economic preferences. These concepts also comprise

© Рябухин С.Н., Кокорев И.А., Сафронова А.А., Покровская О.Д., Фоменко Н.М., 2025

unified approaches to state regulation of digital economic processes, as well as unified conditions for cross-border turnover of goods, services and capital within the framework of international entities with participation of the Russian Federation (Shanghai Cooperation Organisation, Eurasian Economic Union). **Objective.** The article provides calculation of dynamics of aggregate capitalization of systemically significant operators of the platform economy in the Russian Federation within the time frame period of 2022–2024. It also provides comparative analysis of the growth rates capitalization of the platform economy and GDP, as well as it reveals the major trends and social-economic effects, which the domestic platform economy currently generates. **Methods.** The authors apply synthetic, analytic, deductive etc. methods, as well as econometric tools. **Conclusions.** One of the major findings of the article is the following: introduction of large-scale digital assets contributes to overcome contemporary challenges for the Russian international and domestic logistics.

Keywords: platform economy; regulation; management; development; competition; factors; socio-economic effect

For citation: Ryabukhina S.N., Kokorev I.A., Safronova A.A., Pokrovskaya O.D., Fomenko N.M. The main trends and prospects of the platform economy in the Russian Federation. *The World of New Economy*. 2025;19(2):134-148. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-134-148

ВВЕДЕНИЕ

В течение последних лет в обществе происходит прямой обмен информацией между участниками экономических отношений. Данный формат обеспечивает инновационные способы взаимодействия, где продавцы и покупатели меняются ролями, формируя уникальные модели сотрудничества. Подобная трансформация порождает разнообразные факторы, определяющие конкурентные преимущества на различных уровнях — от корпоративного до глобального. Таким образом, актуальность и своевременность исследований, направленных на выявление, научную интерпретацию факторов, основных тенденций развития платформенной экономики Российской Федерации, а также обоснование институциональных, административно-правовых, управленческих, организационно-экономических инструментов повышения эффективности деятельности российских участников платформенной экономики не подлежит сомнению. Все это включает в себя изучение механизмов, способных повысить эффективность деятельности российских участников платформенной экономики, а также обоснование институциональных и административных подходов, способствующих ее успешной интеграции в динамичную и неопределенную среду функционирования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическая база настоящей статьи сформирована официальными статистическими данными Росстата, материалами корпоративной финансовой отчетности, аналитическими публикациями участников рынка, в том числе Мосбиржи. Теоретико-концептуальной основой являются результаты проведенных как российскими, так и зарубежными учеными научных исследований, охватывающие широкий спектр тем, касающихся тенденций и перспектив

развития платформенной экономики и ее влияния на глобальные и локальные рынки. Важным аспектом выступают также документы стратегического планирования Российской Федерации, которые содержат рекомендации и инициативы, нацеленные на цифровую трансформацию отечественной экономики. Таким образом, теоретическая основа статьи опирается на уже существующие достижения науки и определяет перспективы дальнейшего исследования для понимания механизмов функционирования платформенной экономики в контексте современной российской действительности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проблематика платформенной экономики — относительно новая для отечественной науки. В условиях стремительного распространения цифровизации изменения наблюдаются не только в самой структуре экономических отношений, но и в потребительских предпочтениях, а также в организационных моделях бизнеса. Исследование платформенной экономики требует осознания множества факторов: от технологических и экономических до социальных и культурных, что представляет собой сложную многоуровневую задачу для ученых и практиков. Отсутствие устоявшихся теоретических и методологических основ в данном направлении затрудняет формулирование единых подходов и концепций, создавая вызовы для разработки адекватных стратегий и политик на уровне государства.

На сегодняшний момент существуют разные мнения относительно данной дефиниции. По нашему мнению, наиболее полно ее сущность отражает трактовка М.М. Балановой: «Платформенная экономика — формирующееся перспективное ядро цифровой экономики, представляющее собой систему взаимоотношений, в основе которой лежит экономическая деятельность, построенная на базе цифровых платформ, позволяющих покупателям

и продавцам продуктов/услуг совершать транзакции, усиливать косвенные сетевые эффекты, а также создавать новые рынки» [1]. Л.П. Дашков, В.И. Пучков [2] и И.М. Корелин [3] исследуют различные аспекты занятости в условиях платформенной экономики; научная интерпретация ее отраслевой специфики представлена в трудах К.О. Акберова, И.А. Шураева [4], А.Е. Плахина, В.Ж. Дубровского, Е.С. Огородниковой [5], а в публикациях И.Ю. Куликовой [6] осуществлена оценка ее современных тенденций и прогнозируются возможные направления развития.

Систематизация точек зрения вышеуказанных ученых позволяет установить общность мнений относительно возрастающей роли платформенной экономики, выступающей одним из ключевых драйверов трансформации экономических систем как внутри стран, так и во всем мире. Кроме того, эксперты подчеркивают высокую скорость процессов платформенной экономики, обусловленную динамикой научно-технического прогресса в сфере телекоммуникаций и организации цифровых сервисов, а также распространением доступа к сетям обмена данными, в первую очередь интернету. Помимо этого, актуальность проблемы понимания указанной дефиниции заключается в необходимости интеграции междисциплинарных подходов, так как она затрагивает не только экономические, но и юридические, социальные и технологические аспекты. Это создает дополнительные сложности, требующие от исследователей более широкого понимания методов, методик и инструментария для анализа и проверки гипотез.

Следует обратить внимание и на законодательное регулирование платформенной экономики в России. Одной из основных сложностей в этой сфере является недостаток четкой правовой базы, которая соответствовала бы динамике развития цифровых платформ. На сегодняшний момент данная деятельность регулируется лишь косвенно несколькими нормативно-правовыми документами¹.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/; Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388781/; Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/; Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/; Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ

Неопределенность правового статуса платформ затрудняет вопросы налогообложения, защиты прав потребителей и ответственности за контент, создавая правовые пробелы. Важна также защита персональных данных пользователей, так как платформы обрабатывают огромное количество личной информации. Очевидно, что для всего этого необходимы более строгие меры и подход, который будет учитывать как потребности бизнеса, так и интересы пользователей, создавая баланс между инновациями и правовой защитой.

Отдавая долг уважения коллегам за вклад в исследование проблематики платформенной экономики, отметим, что в условиях быстрых изменений механизмов госрегулирования, конъюнктуры рынка, общественно-политических условий требуется дополнительная научная интерпретация ее тенденций и перспектив.

Платформы для соединения различных участников рынка (потребителей, производителей и поставщиков услуг) могут быть как товарными (например, онлайн-ритейлеры), так и сервисными (например, такси или аренда жилья). Ключевыми характеристиками платформенной экономики являются:

- Сетевой эффект. Чем больше пользователей на платформе, тем ценнее ее предложение. Так, социальные сети становятся более привлекательными для пользователей по мере увеличения количества их друзей и подписчиков, а это, в свою очередь, приводит к расширению круга рекламодателей и партнеров, желающих использовать платформу для продвижения своих товаров и услуг.
- Доступность. Ее высокий уровень не только улучшает пользовательский опыт, но и способствует созданию более эффективных рыночных ме-

«О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/; Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/; Федеральный закон от 30.12.2015 № 431-ФЗ «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191496/; Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28858>; Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23532>; Глава 25 Налогового кодекса Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/043b3ec883ce309e856dd0c833f5b8b817c276e9/

ханизмов, позволяя малым и средним производителям легко выходить на рынок и конкурировать с большими компаниями.

- **Гибкость.** Платформенные решения часто имеют встроенные механизмы для быстрого реагирования на изменения в потребительских предпочтениях или рыночных условиях. Подобного рода адаптивность делает платформы устойчивыми к внешним шокам и экономическим кризисам, а также способствует более быстрой интеграции новых технологий и инновационных решений.

Исследование показателей корпоративной финансовой отчетности налоговых отчислений в бюджетную систему РФ² позволяет выделить основных участников рынка цифровых платформ и экосистем — операторов платформенной экономики. Под ними в рамках данного исследования понимаются компании или организации, которые

создают и управляют цифровыми платформами, соединяя различных участников (таких как потребители и продавцы, заказчики и исполнители) и предоставляя им услуги и инструменты для взаимодействия. Данное определение основано на положениях проекта федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации»³. Важными аспектами роли операторов являются развитие экосистем, управление сетевыми эффектами и оптимизация пользовательского опыта. В *табл. 1* приведены основные участники рынка цифровых платформ и экосистем (операторы платформенной экономики) России на современном этапе.

Представленная в *табл. 1* информация позволяет выявить следующие особенности современного этапа развития платформенной экономики в России:

- широкий и все более увеличивающийся диапазон видов экономической деятельности, в кото-

² Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/; <https://www.e-disclosure.ru>

³ Проект федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации» URL: <https://base.garant.ru/57007713/>

Таблица 1 / Table 1

Основные операторы платформенной экономики Российской Федерации / The major operators of the platform economy in the Russian Federation

Сфера экономической деятельности	Наименование бренда
Маркетплейсы, агрегаторы услуг	Сбер Мегамаркет, Яндекс, Wildberries
Классификаторы*	ДомкликСбер, Avito, Ozon, Юла, Циан
Платформы организации совместного пользования (шеринга)	Делимобиль, ЯндексДрайв, Volt
Платформы рынка труда	HeadHunter, SuperJob
Краудфандинговые, финансовые платформы	Ю money, planeta.ru
Информационно-справочные платформы	Госуслуги, Яндекс.Карты, Мос.ру
Соцсети и мессенджеры	ВКонтакте, Одноклассники, Телеграм

Источник / Note: составлено авторами / compiled by the authors.

*Примечание / Note: классификаторы представляют собой специализированные интернет-ресурсы, обеспечивающие взаимодействие продавцов и покупателей определенных товарных позиций (например, недвижимости, автомобилей и т.п.). / classifiers are specialised Internet resources that provide interaction between sellers and buyers of certain commodity items (e.g. real estate, cars, etc.).

рых на корпоративном уровне успешно используется цифровой инструментарий ведения бизнеса;

- развитие зонтичных брендов, объединяющих разноотраслевые цифровые платформы, а также разные виды бизнеса;
- высокий уровень конкуренции среди операторов платформенной экономики РФ, что способствует расширению ассортимента предоставляемых потребителям цифровых продуктов, формированию пакетных предложений, общему повышению эффективности данного сегмента.

Распространение цифровых платформ и экосистем создает благоприятные условия для развития устойчивой экономики. Это движение содействует ускоренной цифровой трансформации, а гибкость становится важным фактором, способствующим уменьшению экономической турбулентности. Выход бизнеса на платформы позволяет значительно сэкономить временные и финансовые ресурсы, которые могут быть направлены на развитие собственных сервисов. Кроме того, использование платформ в сочетании с частной логистикой и закупками становится ключевым инструментом для импортозамещения и помогает насытить российский рынок необходимыми товарами. Не менее важным является возможность создания новых рабочих мест и обеспечение дохода. Параллельно происходит рост потребительского спроса, так как пользователи получают доступ к разнообразным товарам и онлайн-услугам [7]. При этом следует отметить, что период пандемии и обусловленные ею ограничения физических взаимодействий граждан придали дополнительный импульс хозяйствующим субъектам платформенной экономики России. Рассмотрим ее наиболее динамично развивающиеся сегменты.

1. В сфере организации пассажирских перевозок лидирующие позиции занимает группа Яндекс, разработавшая в 2011 г. приложение Яндекс.Такси, быстро завоевавшее популярность благодаря удобному мобильному интерфейсу и конкурентоспособным ценам. Платформа использует алгоритмы оптимизации маршрутов и расчета стоимости поездки. В 2018 г. Яндекс.Такси объединился с Uber в России и других странах СНГ, что позволило ему расширить возможности, улучшить сервис, обеспечить дополнительную доходность за счет синергетического эффекта.

2. В торговом сегменте группа Ozon, основанная в 1998 г., стала одним из первых онлайн-ритейлеров в нашей стране. Платформа предлагает широкий ассортимент товаров, включая книги, электронику

и одежду. В последние годы Ozon активно развивает свои логистические возможности и внедряет новые технологии, такие как автоматизация складов и использование дронов для доставки. Одновременно с ней существует компания Wildberries, основанная в 2004 г. и ставшая крупнейшим онлайн-магазином в России. Она продает одежду, обувь, косметику и пр., активно развивает сеть пунктов выдачи и внедряет новые технологии для улучшения пользовательского опыта.

3. Delivery Club, Купер и Яндекс.Еда предоставляют платформы для доставки еды из ресторанов и магазинов. Эти сервисы стали особенно популярными во время пандемии COVID-19, когда увеличился соответствующий спрос.

Основные операторы платформенной экономики РФ постоянно совершенствуют свои бизнес-модели, что способствует росту их долей как на отечественном, так и на мировом рынке. Например, одна из лидирующих в сфере инноваций компания Яндекс (по итогам 2023 г., включена в международный рейтинг Forbes Global 2000) развивает под единым брендом разнообразные сервисы услуг: организация пассажирских перевозок (ЯндексТакси), доставка продуктов (ЯндексЕда), совместное пользование транспортными средствами (ЯндексДрайв), предоставление развлекательного медиаконтента (ЯндексМузыка) и др.

С учетом тематики статьи, осуществим анализ роли и места платформенной экономики в хозяйственном комплексе РФ (рис. 1, 2).

Как следует из рис. 1 и 2, темп роста ВВП РФ в течение периода наблюдения был 8,3%, а аналогичный показатель совокупной капитализации основных операторов платформенной экономики — 15,7%. Почти двукратное превышение последнего свидетельствует о следующих процессах: во-первых, на корпоративном уровне управления, среди собственников и менеджмента компаний, сформировалось осознание необходимости организации цифрового сопровождения бизнес-процессов, что позволит снизить операционные расходы и ускорить информационный обмен; во-вторых, имеет место консолидация активов на рынке, выражающаяся в появлении крупных операторов, диверсифицирующих направления деятельности в цифровой среде, покупая перспективные компании (в том числе за пределами РФ) и интегрируя их в зонтичный бренд (в частности, подобную деловую практику осуществляют группы Яндекс и Сбер); в третьих, наблюдается устойчивая тенденция роста цифро-

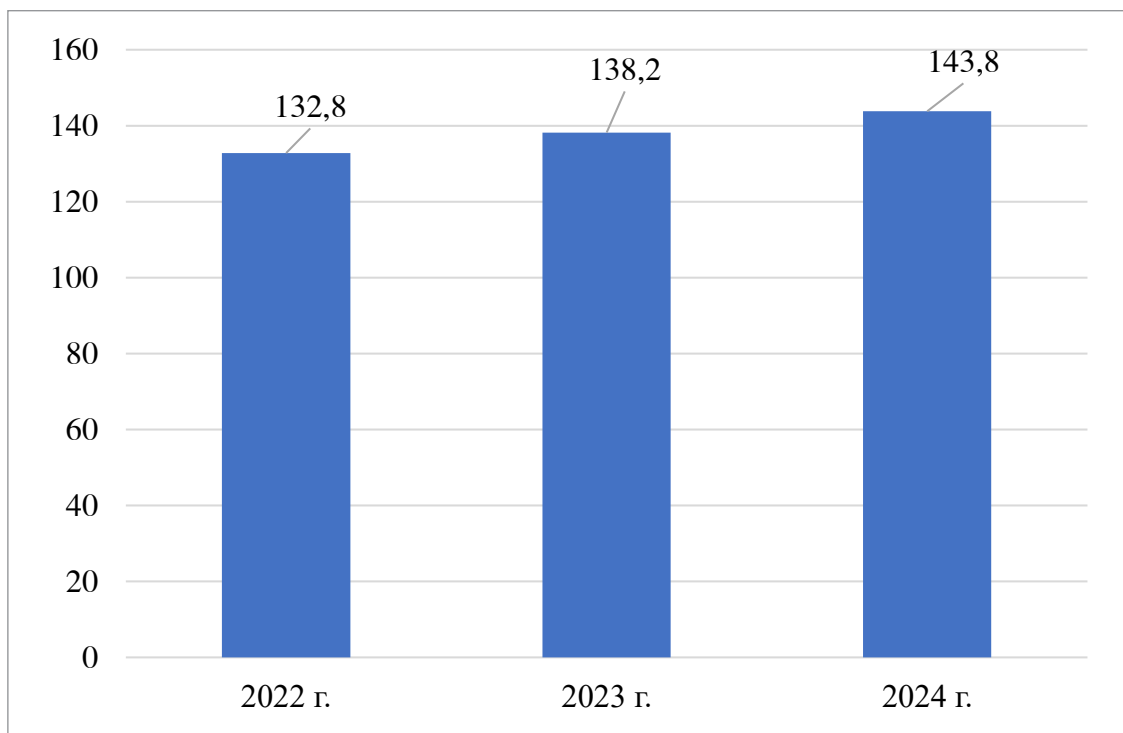

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика ВВП РФ за период 2022–2024 гг., трлн руб. (в ценах 2021 г.). / Dynamics of GDP of the Russian Federation in 2022–2024 (trillions of Rubles, in 2021 prices)

Источник: составлено авторами / compiled by the authors.

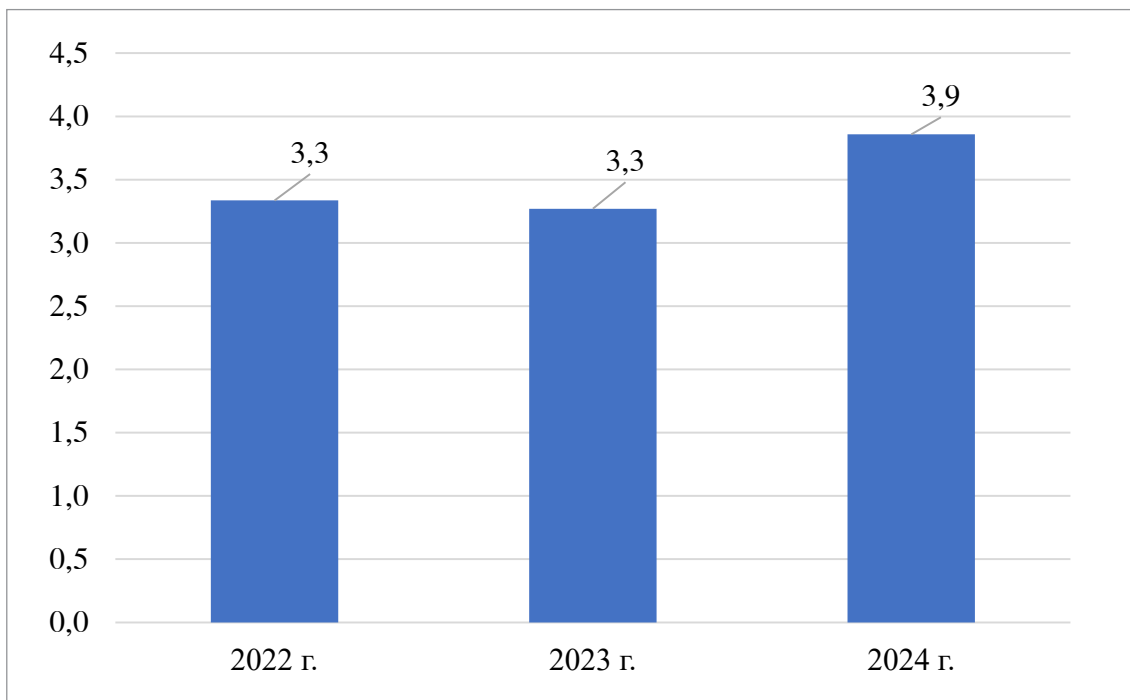

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика совокупной капитализации основных операторов платформенной экономики РФ за период 2022–2024 гг., трлн руб. / Dynamics of aggregate capitalisation of the major Russian operators of the platform economy in 2022–2024 (trillions of Rubles)

Источник: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 2 / Table 2

**Социально-экономические эффекты, формируемые платформенной экономикой /
Socio-economic effects generated by the platform economy**

Вид эффекта	Сущность
Повышение устойчивости, способствующее развитию экономики	Развитие цифровых платформ способствует ускоренной цифровой трансформации на мезо- и макроэкономическом уровнях посредством трансфера технико-технологических решений, а также имманентно присущей цифровым инструментам гибкости, позволяющей ускорить реакцию на изменения рыночной конъюнктуры
Расширение бизнеса	Расширенный функционал цифровых платформ, готовые клиентские базы позволяют бизнесу значительно расширить охват потенциальных клиентов и за счет этого увеличить долю рынка. Дополнительный эффект возникает при интеграции собственных цифровых сервисов компании с платформенными решениями
Формирование новых каналов поставок и логистических цепочек	Использование цифровых платформ при организации закупок и логистики позволяет относительно быстро найти наиболее эффективных контрагентов
Создание новых рабочих мест, увеличение доходов хозяйствующих субъектов и бюджетной системы РФ	В процессе цифровой трансформации, связанной с развитием платформенной инфраструктуры, создаются новые инновационные рабочие места, осуществляется структурная трансформация экономики, что способствует увеличению как доходов экономических агентов, так и бюджетной системы РФ вследствие роста налоговых платежей
Стимулирование потребительского спроса	Потребители получают доступ к постоянно расширяющемуся ассортименту товаров и услуг, покупая, в том числе, сопутствующие товары и услуги
Стимулирование общественного развития	Способствует расширению возможностей для получения социальных услуг, росту вовлеченности граждан в общественно-политические процессы

Источник: составлено авторами / compiled by the authors.

вого рынка РФ, что особенно актуально в условиях беспрецедентного санкционного давления на экономику России со стороны ряда недружественных государств.

Таким образом, происходит корреляция вышеуказанных процессов с общемировыми трендами в платформенной экономике [8–11], которая продолжит развиваться, увеличивая свою долю и адаптируясь к новым условиям и требованиям. Ожидается, что в будущем появятся новые платформы, охватывающие различные сферы жизни, например, для онлайн-обучения (такие как Coursera и Udemu), предлагающие доступ к образовательным ресурсам для широкой аудитории.

Кроме того, думается, что платформы станут активно использовать технологии искусственного интеллекта и больших данных для улучшения пользовательского опыта и оптимизации бизнес-процессов. Это позволит им создавать более пер-

сонализированные услуги и повышать уровень удовлетворенности клиентов.

В табл. 2 представлена авторская интерпретация социально-экономических эффектов, формируемых платформенной экономикой.

Выявленные нами тенденции динамичного развития цифровых платформ детерминируют необходимость обоснования эффективных инструментов государственного регулирования данной деятельности. Дополнительным, относительно недавно возникшим фактором являются экономические санкции, введенные в отношении РФ недружественными государствами и сформировавшие такие вызовы, как отток квалифицированных сотрудников ИТ-сферы, блокирование доступа к передовым технико-технологическим решениям, ограничение иностранных инвестиций и трансграничного движения товаров, что приводит к сокращению ассортимента маркетплейсов. Дополнительными

факторами риска выступают действия международных хакерских групп, осуществляющих политически или финансово мотивированные кибератаки, дестабилизирующие функционирование субъектов платформенной экономики.

В подобных условиях, по нашему мнению, повышение эффективности регуляторного воздействия может реализоваться во внутреннем и внешнем контурах. Во внутреннем этого можно достичь за счет оптимизации действующего корпуса законодательных и нормативных правовых актов РФ. Важно пересмотреть и уточнить регламенты, касающиеся деятельности контрольно-надзорных органов: их полномочий, ответственности, прав и обязанностей. Такой подход позволит устранить избыточные барьеры и повысить прозрачность регуляторных процессов. Во внешнем контуре необходимо сформировать совместный с дружественными странами инструментарий трансграничного государственного регулирования развития платформенной экономики. Это может включать в себя создание единых стандартов обеспечения безопасности пользовательской информации, а также организацию взаимодействия правоохранительных органов для борьбы с онлайн-мошенничеством. Такой подход будет способствовать не только улучшению состояния платформенной экономики, но и повышению доверия пользователей.

Существующие в настоящее время вызовы развитию платформенной экономики [недостаточно эффективная защита прав потребителей услуг онлайн-сервисов, многочисленные нарушения трудового законодательства в отношении линейного персонала маркетплейсов (работников складов, пунктов выдачи заказов и т.п.), водителей такси, сотрудничающих с экосистемами транспортных сервисов] требуют сосредоточения госрегулирования (прежде всего, нормативного) на указанных направлениях. Кроме того, в целях интенсификации платформенной экономики РФ, в том числе за счет минимизации действия деструктивных внешних факторов, необходимо обеспечить стабильную деятельность операторов что, в свою очередь, подразумевает:

- развитие цифровой инфраструктуры, включая обеспечение бесперебойного высокоскоростного доступа к интернету;
- гарантию защиты персональных данных пользователей и иной конфиденциальной информации, включая их обязательное согласие на

использование указанных ими личных сведений в маркетинговых целях;

- пресечение тенденций монополизации рынка и недобросовестной конкуренции, в том числе за счет создания механизмов поддержки цифровых стартапов, передовых исследований и разработок;
- защиту прав и законных интересов потребителей услуг операторов платформенной экономики РФ и сотрудников данных компаний;
- защиту интересов российских операторов платформенной экономики в иностранных юрисдикциях, активизацию участия в разработке международных соглашений, регламентирующих цифровую экономическую деятельность.

Очевидно, что решение подобной комплексной задачи — это прерогатива государства при участии представителей сообществ потребителей, отраслевых ассоциаций и экспертов.

Одним из важнейших элементов платформенной экономики России являются цифровые финансовые активы (ЦФА), выпуск и обращение которых обеспечивают специализированные цифровые платформы — операторы информационных систем (ОИС). Они допускают пользователей к информационной системе, взаимодействуют с органами власти по вопросам предоставления информации и исполнения решений судов⁴, а также фиксируют совершение сделок с ЦФА и выполняют проведение расчетов по ним.

В настоящее время в реестре Банка России представлены одиннадцать ОИС.

Эмитентами ЦФА могут быть юридические лица и ИП, в том числе банки и финансовые организации, крупные компании, малый и средний бизнес⁵ (рис. 3). Инвестировать в ЦФА могут, в том числе, и неквалифицированные инвесторы, что значительно расширяет возможности привлечения ликвидности для российских компаний.

ОСНОВНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦФА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ И ВАРИАНТЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Главные проблемы на пути развития рынка ЦФА-активов в России можно разделить на три группы:

1. Правовое регулирование их эмиссии и обращения. Нормативная база не вполне доработана, отсутствует опыт разрешения конфликтных ситу-

⁴ URL: <https://secrets.tbank.ru/razvitie/cfa/>

⁵ URL: <https://alfabank.ru/corporate/a-token/#form>

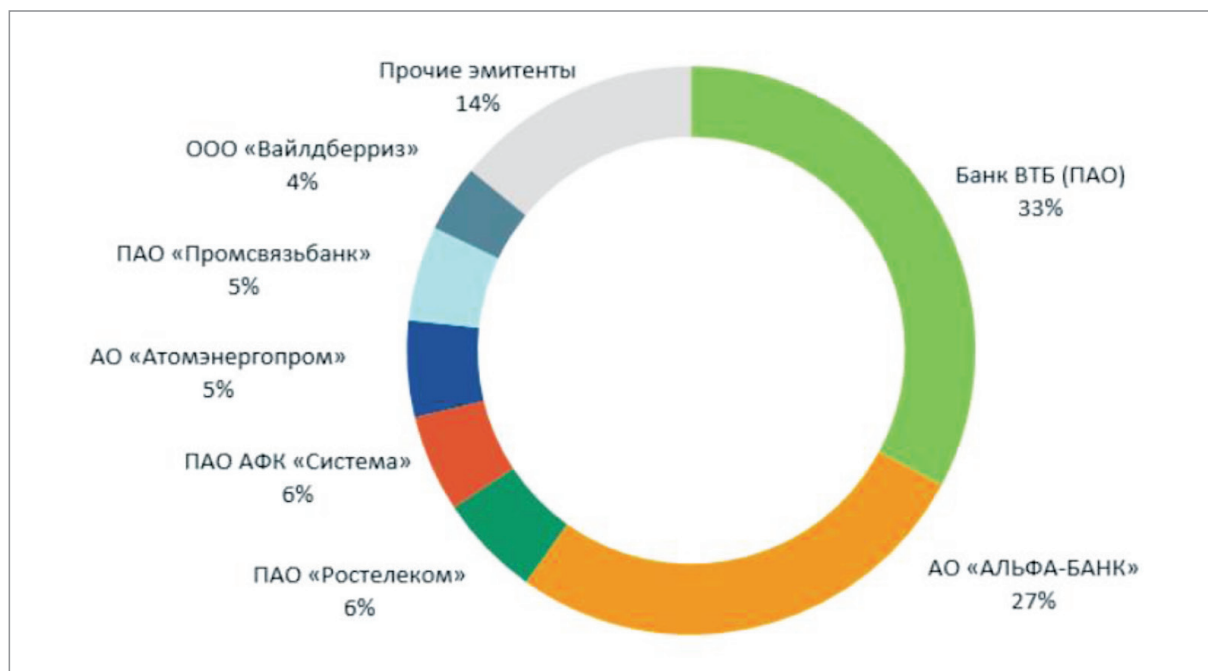

Рис. 3 / Fig. 3. Основные эмитенты ЦФА в 2024 г. /
The major issuing entities of digital financing assets in 2024

Источник: составлено авторами / compiled by the authors.

аций, градации приоритета возврата задолженностей, имеется ряд противоречий, например, между законом о ЦФА и о ценных бумагах [12].

2. Осведомленность о механизмах обращения ЦФА и уверенность потенциальных инвесторов в возврате их вложений.

3. Отсутствие взаимной интеграции ОИС при обращении ЦФА, что снижает ликвидность рынка. Кроме того, инвестор оказывается привязанным к определенной платформе и не имеет возможности перевести свои активы на другую.

Ключевой, на наш взгляд, является третья проблема. Вообще, изначально достаточно спорным кажется решение о создании полностью автономных, не связанных друг другом ОИС. В будущем следует ожидать приведения их к некоему «общему знаменателю», по аналогии с биржевой деятельностью — т.е. операторы информационных систем станут действовать как брокерские компании, а реестр ЦБ РФ будет подобен бирже, с единым расчетно-клиринговым центром. Однако обратной стороной такого решения о централизации явится уязвимость выстраиваемой системы к санкционному воздействию.

Вопросы нормативного регулирования актуальны вообще во всех сферах, соприкасающихся

с цифровизацией. Так, одним из барьеров применения технологий информационного моделирования в строительстве транспортной инфраструктуры в настоящее время признается отсутствие унификации законодательной базы и нормативно-правовой документации в этой области [13].

Указанные проблемы рано или поздно разрешатся — возможно, путем создания дополнительного регуляторного органа, а информированность и уверенность инвесторов достаточно легко достигается, когда на рынке ЦФА действуют крупные игроки, что уже происходит.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦФА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНО- ЛОГИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ

Компании, ведущие деятельность в транспортно-логистическом комплексе, постоянно испытывают потребность в финансировании — особенно ярко эта проблема проявляется в текущей ситуации сверхвысоких процентных ставок ЦБ РФ.

Внедряя цифровые финансовые активы, можно значительно улучшить ситуацию в различных проблемных аспектах работы транспортно-логистической отрасли. Перечислим некоторые перспективные направления:

1. Токенизация активов, таких как контейнеры, перевозочные средства или даже целые транспортно-логистические центры. Это позволяет создавать цифровые аналоги физических объектов, что открывает новые возможности для управления активами, их аренды, продажи и обмена. Например, владельцы складских помещений могут предлагать аренду через платформу на базе ЦФА.

2. Обслуживание международных операций. В трансграничной логистике ЦФА способны стать мощным инструментом для преодоления барьеров, связанных с валютными ограничениями и различиями в законодательствах разных стран. Они позволяют быстро и безопасно проводить трансграничные платежи, минуя традиционные банковские системы.

3. Интеллектуальные контракты (смарт-контракты). Они могут обеспечить автоматизацию и прозрачность многих процессов в логистике, например, автоматически, частично или полностью, выполнять некоторые условия договора. Это исключает необходимость ручного контроля, ускоряет процессы и снижает вероятность ошибок.

4. Замена традиционных методов привлечения ликвидности на ЦФА-инструменты, что расширяет круг инвесторов, экономит средства и сокращает временные затраты эмитентов.

СМАРТ-КОНТРАКТЫ И ТОКЕНИЗАЦИЯ АКТИВОВ КАК ИНСТРУМЕНТЫ РОСТА ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Использование ЦФА как инструмента цифровой трансформации транспортно-логистического комплекса создает значительные возможности для снижения затрат, роста эффективности и прозрачности цепочек поставок.

Их применение в данной области может быть достаточно разнообразно — остановимся на двух моментах: смарт-контракты и токенизация активов.

Смарт-контракты позволяют обеспечить автоматизацию платежей транспортным компаниям на заранее оговоренных условиях, что приводит к снижению затрат на обработку счетов и платежей и их своевременному осуществлению. Система грузоперевозок, особенно мультимодальных, — это сложный многоступенчатый процесс, требующий тщательного контроля и мониторинга на всех его этапах. К основным показателям, подлежащим учету, относятся:

- точное время прохождения контрольных точек;
- состояние груза на всех этапах транспортировки;
- скорость и стоимость доставки груза;
- принятие груза на ответственное хранение или для доставки участниками перевозочного процесса.

Автоматизация контроля приведенных показателей в полной мере доступна при использовании смарт-контрактов. Они, являясь, по сути, программным кодом, автоматически фиксируют требуемые показатели и разрешают переходы к последующим этапам перевозки. Таким образом обеспечивается прозрачность перевозочных процессов на всех этапах, что способствует сокращению числа посредников; упрощению и ускорению оформительской работы; снижению издержек, связанных с использованием труда юристов и нотариусов, а также возникающих при спорах.

Смарт-контракт, заключенный между грузоотправителем, грузополучателем и оператором перевозки (логистической компанией), позволяет контролировать:

- информацию и уведомления: изменения статуса грузоперевозки, прохождение контрольных точек;
- выставление и оплату счетов, причем, есть возможность отдельно запланировать оплату промежуточных услуг, а также привязать платежи к прохождению груза контрольных точек и операций;
- страхование груза на различных этапах перевозки.

Так, например, компания РЖД еще в 2018 г. впервые испытала смарт-контракты, основанные на технологии блокчейн, в процессе транспортировки грузов в контейнерном поезде по Октябрьской железной дороге.

Для оценки возможностей этого решения в области мультимодальных перевозок платформу интегрировали с информационными системами внешних организаций, таких как морской порт Санкт-Петербург и экспедиторская компания «Модуль». На начальном этапе обрабатывались данные примерно тридцати грузовых операций. В течение первых двух месяцев было проведено около сорока тестовых перевозок, большинство из которых прошло успешно: итоговые данные, отображенные на платформе распределенного реестра, совпадали с параметрами, зафиксированными в смарт-контракте.

В общем смысле токенизация — это фиксирование определенных прав в форме токена, т.е. программного кода. Токенизированные активы, в отличие от реальных, можно разделить среди нескольких инвесторов, а доходы от их использования распределить пропорционально доле участия, зафиксированной в токене. В настоящий момент проблемой, тормозящей развитие этого рынка, является несовершенство нормативной базы.

ВЫВОДЫ

На российском рынке происходит активное развитие цифровых платформ и экосистем (таких как Wildberries, Avito, Ozon, Сбер, СберМаркет, ВТБ, Яндекс, VK, Лаборатория Касперского, 1С и пр.), уже давно ставших неотъемлемыми элементами функционирования многих ключевых секторов экономики, включая торговлю, финансы, логистику и услуги. Их масштабное внедрение и развитие свидетельствуют о том, что цифровизация занимает центральное место в экономической стратегии страны. При этом уровень доверия общества к цифровым платформам и экосистемам высок, что является важным показателем их устойчивости и надежности.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. На современном этапе платформенная экономика является одним из наиболее динамично развивающихся сегментов отечественного хозяйственного комплекса, генерирующим такие позитивные социально-экономические эффекты, как: создание добавленной стоимости, увеличение налоговых отчислений в бюджетную систему Российской Федерации, укрепление межрегиональных хозяйственных связей, снижение диспропорций социально-экономического развития и создание новых рабочих мест. Указанные процессы способствуют усилению конкурентоспособности российской экономики в глобальных сопоставлениях. Сегодня платформенная экономика меняет привычные модели ведения бизнеса, как в России, так и в мире, за счет широкого внедрения передовых управленческих практик на микро-, мезо- и макроуровнях. Успех платформ зависит от их способности адаптироваться к изменениям в потребительских предпочтениях и законодательной среде, а также от готовности к инновациям и сотрудничеству с различными заинтересованными сторонами. В условиях быстрого технологического прогресса платформенная экономика будет продолжать оказывать значительное влияние на глобальную и общество в целом.

2. Для максимизации позитивных эффектов платформенной экономики необходима коррекция государственного регулирования. Согласно научной позиции авторов, целесообразно сформировать перечень системно значимых операторов платформенной экономики РФ (по аналогии с формируемым Банком России Перечнем системно значимых кредитных организаций⁶), в отношении которых действует специальный режим госрегулирования, касающийся предоставления различных экономических преференций в виде мер господдержки (льготное кредитование/софинансирование за счет денежных средств федерального бюджета проектов, защита интересов системно значимых операторов платформенной экономики при взаимодействии с поставщиками телекоммуникационных услуг и т.п.). Также необходимо устранить асинхронность и противоречия в действиях госорганов в сфере регулирования цифрового пространства. С одной стороны, в документах стратегического планирования зафиксированы целевые ориентиры цифрового суверенитета касательно обеспечения цифровой трансформации российской экономики, и при поддержке государства реализуются проекты и программы цифрового развития⁷; а с другой — имеет место практика искусственного, внесудебного ограничения доступа пользователей в телекоммуникационную сеть Интернет, что негативно сказывается, в том числе, на результатах экономической деятельности российских операторов платформенной экономики, подрывает их репутацию на мировом уровне, снижает капитализацию.

Значительный резерв роста для операторов платформенной экономики РФ обеспечивает участие нашей страны в различных международных организациях, в частности, Шанхайской организации сотрудничества, Евразийском экономическом союзе и др. Налаживание межгосударственного взаимодействия по таким направлениям, как формирование единых подходов государственного регулирования цифровых экономических процессов и единых усло-

⁶ Указание Банка России от 13.04.2021 № 5778-У «О методике определения системно значимых кредитных организаций». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400694152/>

⁷ Указ президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>; Указ президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47688>

вий трансграничного оборота товаров, услуг, капитала, создаст для российских операторов дополнительное конкурентное преимущество, обусловленное ролью русского языка как межнационального средства коммуникации в некоторых странах — участницах вышеуказанных организаций.

Представляется необходимой разработка инструментария поощрения корпоративной интеграции в рамках формирования единого пространства платформенной экономики РФ и дружественных стран. Практическая реализация подобной институциональной инициативы, сопровождаемая созданием конкретных межгосударственных административно-правовых механизмов, повысит конкурентоспособность операторов платформенной экономики России и дружественных ей стран, что отразится на показателях капитализации, инновационности технико-технологических решений и пр. и позволит успешно конкурировать на глобальном рынке с аналогичными компаниями США и Китая.

Можно констатировать, что цифровые платформы и экосистемы являются не просто инструментами для повышения эффективности бизнеса, но и ключевыми

игроками в развитии экономики в целом. Их влияние продолжает расти, открывая новые горизонты для инноваций, улучшения качества услуг и общего повышения уровня жизни населения. Этот процесс подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и оптимизации работы цифровых платформ для устойчивого и сбалансированного экономического роста в стране.

ЦФА представляют собой стремительно развивающуюся инновацию: без них платформенная экономика функционировать не будет. С одной стороны, ЦФА — новый класс активов, а с другой — замена всех традиционных биржевых инструментов. Следует ожидать, что в ближайшее время они во многих сферах изменят привычные экономические взаимоотношения. Цифровая трансформация транспортно-логистического комплекса, безусловно, включает активное использование возможностей ЦФА, что обеспечит рост его финансовой устойчивости и рентабельности транспортного бизнеса в России. Внедрение цифровых активов в широкое обращение позволит решить актуальные проблемы российской, международной и внутренней логистики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России высшим учебным заведением в части проведения НИР по теме: «Создание инвестиционного (резервного) контура национальной финансовой системы и финансовых инструментов его обращения» (код научной темы FSSW-2023–0006). Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia to higher educational institutions in terms of conducting research on the topic Creation of instruments for its circulation (scientific topic code FSSW-2023–0006). Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баланова М.М. Платформенная экономика как ядро цифровой экономики: обзор научных школ и ранжирования ее субъектов. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2021;(7):19–31. DOI: 10.46554/1993-0453-2021-7-201-19-31
2. Дашков Л.П., Пучков В.И. Оценка влияния платформенной экономики на экономику России. *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2023;(1):50–55. DOI: 10.37984/2076-9288-2023-1-50-55
3. Корелин И.М. Платформенная экономика, потенциальное влияние на разделение труда и соотношение рыночных и плановых механизмов в экономике. *Modern Economy Success*. 2023;(4):224–229.
4. Акберов К.Ч., Шураев И.А. Влияние специфики применения платформенных решений в процессе трансформации аграрного производства в цифровую экономику. *Russian Journal of Management*. 2024;12(4):63–79. DOI: 10.29039/2500-1469-2024-12-4-63-79
5. Плахин А.Е., Дубровский В.Ж., Огородникова Е.С. Исследование цифровых разрывов при становлении платформенной модели корпоративного сектора экономики. *Journal of New Economy*. 2024;25(3):71–89. DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-3-4

6. Куликова И.Ю. Платформенная экономика как новая ступень развития процесса цифровизации. *Наука Красноярья*. 2021;10(1-2):81-92.
7. Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Демьянова А.В. и др. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад. М.: ИСИЭЗ ВШЭ; 2023. 72 с. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf>
8. Acs Z.J., Lafuente E., Szerb L. A note on the configuration of the digital ecosystem in Latin America. *TEC Empresarial*. 2022;16(1):1-19. DOI: 10.18845/te.v16i1.5926
9. Cennamo C. Competing in digital markets: A platform-based perspective. *Academy of Management Perspectives*. 2021;35(2):265-291. DOI: 10.5465/amp.2016.0048
10. Cutolo D., Kenney M. Platform-dependent entrepreneurs: Power asymmetries, risks, and strategies in the platform economy. *Academy of Management Perspectives*. 2021;35(4):584-605. DOI: 10.5465/amp.2019.0103
11. Gazel M., Schwienbacher A. Entrepreneurial fintech clusters. *Small Business Economics*. 2021;57(2):883-903. DOI: 10.1007/s11187-020-00331-1
12. Сысоев Н.С., Мухамбеталиева О.Р. Проблемы внедрения и перспективы развития цифровых финансовых активов в России. *Фундаментальные исследования*. 2024;(3):48-52. DOI: 10.17513/fr.43580
13. Ступникова Е.А., Оленина О.А., Разуваев А.Д. и др. Экономические аспекты цифровизации в строительном комплексе. *Бизнес и дизайн ревью*. 2022;(4):42-50. DOI: 10.56565/25419951_2022_4_42

REFERENCES

1. Balanova M.M. Platform economy as the core of the digital economy: Review of scientific schools and ranking of its subjects. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Samara State University of Economics*. 2021;(7):19-31. (In Russ.). DOI: 10.46554/1993-0453-2021-7-201-19-31
2. Dashkov L.P., Puchkov V.I. Assessment of the impact of the platform economy on the Russian economy. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki = Fundamental and Applied Researches of the Cooperative Sector of the Economy*. 2023;(1):50-55. (In Russ.). DOI: 10.37984/2076-9288-2023-1-50-55
3. Korelin I.M. Platform economy, potential impact on the division of labor and the ratio of market and plan mechanisms in the economy. *Modern Economy Success*. 2023;(4):224-229. (In Russ.).
4. Akberov K., Shuraev I. The impact of the specifics of the use of platform solutions in the process of transformation of agricultural production into the digital economy. *Russian Journal of Management*. 2024;12(4):63-79. (In Russ.). DOI: 10.29039/2500-1469-2024-12-4-63-79
5. Plakhin A.E., Dubrovsky V. Zh., Ogorodnikova E.S. A study of digital divide under the platform model development in the corporate sector of the economy. *Journal of New Economy*. 2024;25(3):71-89. (In Russ.). DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-3-4
6. Kulikova I. Yu. Platform economy as a new stage in the development of the digitalization process. *Nauka Krasnoyars'ya = Science of Krasnoyarsk*. 2021;10(1-2):81-92. (In Russ.).
7. Abdrakhmanova G.I., Gokhberg L.M., Dem'yanova A.V., et al. Platform economy in Russia: Development potential: Analytical report. Moscow: Institute for Statistical Research and Economics of Knowledge of HSE; 2023. 72 p. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf> (In Russ.).
8. Acs Z.J., Lafuente E., Szerb L. A note on the configuration of the digital ecosystem in Latin America. *TEC Empresarial*. 2022;16(1):1-19. DOI: 10.18845/te.v16i1.5926
9. Cennamo C. Competing in digital markets: A platform-based perspective. *Academy of Management Perspectives*. 2021;35(2):265-291. DOI: 10.5465/amp.2016.0048
10. Cutolo D., Kenney M. Platform-dependent entrepreneurs: Power asymmetries, risks, and strategies in the platform economy. *Academy of Management Perspectives*. 2021;35(4):584-605. DOI: 10.5465/amp.2019.0103
11. Gazel M., Schwienbacher A. Entrepreneurial fintech clusters. *Small Business Economics*. 2021;57(2):883-903. DOI: 10.1007/s11187-020-00331-1
12. Sysoev N.S., Mukhambetalieva O.R. Problems of implementation and prospects for development of digital financial assets in Russia. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2024;(3):48-52. (In Russ.). DOI: 10.17513/fr.43580
13. Stupnikova E.A., Olenina O.A., Razuvaev A.D., et al. Economic aspects of digitalization in the building complex. *Biznes i dizain revyu = Business and Design Review*. 2022;(4):42-50. (In Russ.). DOI: 10.56565/25419951_2022_4_42

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Николаевич Рябухин — доктор экономических наук, сенатор, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, Федеральное Собрание Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии», РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Sergey N. Ryabukhin — Dr. Sci. (Econ.), First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets, Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Director, Research Institute 'Innovative Financial Instruments and Technologies', Plekhanov Russian University of Economic, Moscow, Russian Federation
<http://orsid.org/0009-0004-4952-4056>

Ryabuhin.SN@rea.ru

Игорь Анатольевич Кокорев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии», РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация; заведующий кафедрой «Международный бизнес», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Российская Федерация

Igor A. Kokorev — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Fellow of the Research Institute "Innovative Financial Technologies and Instruments", Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation; Head of the Department "International Business", Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russian Federation
<https://orsid.org/0009-0009-2799-5953>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
Kokorev.IA@rea.ru

Анастасия Анатольевна Сафронова — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии», РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация; профессор кафедры управления, маркетинга и продаж, Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

Anastasia A. Safronova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher of the Research Institute "Innovative Financial Technologies and Instruments", Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation; Professor of the Department "Management, Marketing and Sales", Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
<https://orsid.org/0000-0001-5045-5423>

Safronova21@bk.ru

Оксана Дмитриевна Покровская — доктор технических наук, доцент, заведующая кафедрой «Управление эксплуатационной работой», Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Oksana D. Pokrovskaya — Dr. Sci. (Tech.), Professor, Head of the Department "Operational Work Management", St. Petersburg State Transport University named after the Emperor Alexander I, St. Petersburg, Russian Federation
<https://orsid.org/0000-0001-9763-0666>
insight1986@inbox.ru

Наталья Михайловна Фоменко — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры национальной и региональной экономики, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Natalya M. Fomenko — Doctor of Economics, Professor of the Department “National and regional economics”, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-9266-9865>

Fomenko.NM@rea.ru

Заявленный вклад авторов

С.Н. Рябухин — осуществление научного руководства.

И.А. Кокорев — проведение критического анализа материалов, формирование выводов.

А.А. Сафронова — проведение критического анализа материалов, формирование выводов.

О.Д. Покровская — разработка методологии исследования.

Н.М. Фоменко — подготовка начального варианта текста, подготовка критического анализа материалов, перевод элементов статьи на английский язык.

Authors' Contribution

S.N. Ryabukhin — scientific supervision.

I.A. Kokorev — critical analysis of materials, conclusions.

A.A. Safronova — critical analysis of materials, conclusions.

O.D. Pokrovskaya — development of research methodology.

N.M. Fomenko — drafting the initial version of the text, critical analysis of materials, translation of some article's components into English.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.02.2025; после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 21.02.2025; revised on 10.03.2025 and accepted for publication on 10.04.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.